

ОТРАВА

Их Величества

Оксана Алексеева

16+

Annotation

Простую девушку Отраву зовут ко дворцу – мол, только она может спасти королевскую династию. А она даже не знает, стоит ли та самая династия спасения! В путешествие с ней отправляется слишком разношерстная команда: невозможно сразу определиться, где белое, где черное, кто из них прав, а кого умный человек и слушать бы не стал. Отраве придется повзрослеть и очень измениться, чтобы принять правильное решение. В оформлении обложки использовано изображение с сайта shutterstock.

- [Эпизод 1. Лю из столичных](#)
- [Эпизод 2. Нанья из болотных](#)
- [Эпизод 3. Кровопийцы Кирами](#)
- [Эпизод 4. Серебряное Облако](#)
- [Эпизод 5. Кровопийцы Ронмару](#)
- [Эпизод 6. Кристофер Кирами](#)
- [Эпизод 7. Кто на свете всех бессмертнее?](#)
- [Эпизод 8. Девушки в нижних юбках](#)
- [Эпизод 9. Тухляк](#)
- [Эпизод 10. Розовая Роща](#)
- [Эпизод 11. Золотой Краб](#)
- [Эпизод 12. Первый холостяк Левоморья](#)
- [Эпизод 13. Дружественное государство](#)
- [Эпизод 14. Просто другой способ производства](#)
- [Эпизод 15. На одно клеймо старше](#)
- [Эпизод 16. За одну жизнь до](#)
- [Эпизод 17. Романтики с большой дороги](#)
- [Эпизод 18. Клирик Камыш](#)
- [Эпизод 19. Чужие дороги](#)
- [Эпизод 20. Легенда о благородной госпоже](#)
- [Эпизод 21. Город Королей](#)
- [Эпизод 22. Почти дом](#)
- [Эпизод 23. Затишье для переосмысления](#)
- [Эпизод 24. Замок Кирами](#)
- [Эпизод 25. Столица](#)
- [Эпизод 26. Великий Кудесник](#)

- [Эпизод 27. Идеальные планы](#)
 - [Эпизод 28. Отрава Их Величества](#)
-

Эпизод 1. Лю из столичных

– Да будет ласкова ночная звезда к твоим детям, хозяйка!

– Ну заходи, накормлю, напою, а потом расскажешь, кто таков и зачем явился.

Отрава издала заприметила незнакомого перевертыша, направлявшегося в их дом, потому-то и юркнула через дворовый вход и притихла в комнате за кухней. Мама, открывшая на стук, тоже была удивлена незваному гостю, но ответила по традициям. Отрава же наблюдала за пришлым через едва приоткрытую дверь. Он, конечно, сразу понял, что в доме, кроме старой возвращенки, есть кто-то еще – перевертыши отличаются тонким нюхом. Но Отрава все равно не спешила выходить. Не так-то часто в их деревню наведываются путешественники, а уж прямоком в их дом – никогда.

В Тихой Речке жили по большей части возвращенцы, но и перевертыши тут водились, хотя свои, коренные. У подружек Отравы отец был перевертышем, а мать возвращенкой, но старшая их дочь родилась возвращенкой, а младшая – перевертышем. Тут уж как выпадет, но при этом невозможно с точностью сказать, кому повезло больше. Перевертышей легко отличить: у них всегда черные волосы и глаза. Настолько черными ни у возвращенцев, ни у кудесников не бывают.

Этот же гость был молод и очень мил, если Отрава из своего укрытия все правильно разглядела. Он безуданно улыбался и искренне нахваливал мамину стряпню, пока та места себе не находила от любопытства, но удерживалась от вопросов. Нрав у перевертышей обычно добродушный и веселый, если не считать коротких всплесков агрессии при восходе ночной звезды. Но при этом не следует забывать, что к обязанностям своим они относятся ответственно, как никто другой. У них стремление к честности и исполнительность – основные черты характера. Уж Отрава-то об этом знала не понаслышке: отец ее подружек следил в Тихой Речке за порядком, и уж если ловил кого на воровстве или клевете, то с наказанием не тянул. Селяне давно привыкли, что этот улыбчивый мужчина в мгновение ока становится жестоким палачом, когда речь идет о казни на деревенской площади. Правда, казней в Тихой Речке уже лет десять не случалось – когда люди живут тесной общиной, если каждый друг друга с пеленок знает, то мало кто решится на убийство. Потому на площади деревенская стража изредка устраивала показательные порки за мелкие кражи или

мошенничество. На этом и все развлечения. Безобидных хулиганов или любителей пожевать лишай-травку, толкающую многих на безумства, наказывали обычно общественными работами.

Когда гость наконец-то дожевал последний ломоть хлеба и запил молоком, мать посчитала, что нормы этикета можно считать выполненными, поэтому дала языку волю:

– Ну! Ты кто таков?

Перевертыш мельком глянул в ту сторону, где спряталась Отрава, и ответил:

– Меня зовут Лю. Я из столичной стражи...

– Столичной?! – поразила мать. Отрава ахнула – из Столицы на протяжении всей ее этой жизни к ним никто не забредал. Да и в прошлой она сама была в Столице только раз, по деловым вопросам.

– Из столичной, – улыбнулся реакции собеседницы перевертыш. – Я к тебе, милая хозяйка, по поручению...

– Поручению? Ко мне?!

Если бы перевертыши не были столь сдержаны, то Лю сейчас уже перестал бы улыбаться. Но он продолжил пояснять терпеливо:

– Поручению. К тебе. Точнее, не к тебе, а к твоей дочери.

Мама не отличалась быстрым разумом, а от удивления ее мышление затормозилось окончательно:

– Свататься, что ли, надумал? Которой дочери-то? – последний вопрос прозвучал резонно – у Отравы было шесть старших сестер.

– Седьмой.

– А что сразу к седьмой-то? – тут же сосредоточилась мама. – У меня их целый выводок! Может, для начала всех посмотришь?

– Нет. Мне нужна только седьмая!

Теперь и мать уставилась в то место, где до сих пор стояла уже всеми раскрытая Отрава. Она предпочла бы остаться там, даже обнаруженная, но матери стало не до церемоний:

– Доченька, поди-ка сюда! Ты когда успела со столичным хахалем познакомиться? Почему я ничего не знаю?!

От несправедливости обвинения к Отраве вернулся дар речи. Она вышла, спонтанно поправила передник и почти решительно пробормотала:

– Я не успела.

Перевертыш тут же вскочил на ноги и подбежал к ней. Без стеснения схватил за плечи и всмотрелся в лицо. Рассмеялся облегченно:

– Как удачно, что именно ты нас подслушивала! Это точно знак от звезд!

– Я не подслушивала! – заявила Отрава и покраснела.

Мама же отошла от первого удивления, вцепилась в гостя, оторвала от дочери и усадила обратно за стол. Отраву зашвырнула по другую сторону. Сама же уселась между и прищурилась:

– Сначала вы мне все расскажете, отсватаешься по всем правилам, а уж потом миловаться будете! И то, если позволю!

Но перевертыш на нее теперь внимания не обращал. Он смотрел на Отраву и говорил быстро, не пытаясь скрыть радости:

– Я тебя именно такой себе и представлял! Красавица! Но щупленькая какая... слабенькая... – он оценил ее хмурый вид и попытался это исправить: – Меня зовут Лю, ты уже слышала. Ты меня только не бойся! Я тебе вреда не причиню – наоборот, стану защищать даже ценой...

– Погодь! – мама выставила ладонь перед его носом. – Баранов в гору не гони! Я вам еще свое благословение не дала, потом защищать будешь! И у меня еще целый выводок до нее на выданье...

Но Лю никак не хотел отрывать счастливого взгляда от ее дочери:

– Красивая... Но такая худенькая! Нет ли у тебя проблем каких со здоровьем? Грамоте обучена?

– Худенькая? – мать не сдавалась. – Так ты нашу Росинку не видел. Бери Росинку – она в два раза толще тебя будет! И детей родит здоровых... Эй, я с кем разговариваю?

– Как зовут тебя, красавица?

Та ответила и попыталась улыбнуться, чтобы не выглядеть совсем деревянной:

– Отрава.

– О... Отрава? – он неодобрительно взглянул на мать. – Хозяюшка, ты зачем же дочери такое имя выбрала?

– Так тошнило меня сильно, пока ее носила, – отмахнусь она легко, потому как не посчитала эту тему достойной обсуждения.

Отрава своего имени не стеснялась – привыкла с детства. И не принято среди детей возвращенцев дразнить за имена, это же не их выбор. Возможно, у матери на седьмом ребенке фантазия иссякла? Или в самом деле ее тошнило так, как она рассказывает. Мама говорила, что пока беременная ходила, почти в уверенность пришла, что в прошлой жизни Отрава была убийцей младенцев, а иначе и не объяснишь настолько плохое самочувствие – ей-то было с чем сравнивать! Позже выяснилось, что мама сильно в предположениях промахнулась. Отрава к своим двенадцати годам уже припомнила свою прошлую жизнь, и в ней она была вполне себе благочестивой купчихой – умной, деловой, в меру прижимистой и слегка

склочной... но не до такой же тошноты! Возможно, убийцей младенцев она была в позапрошлой, но Отрава не знала о той вообще ничего. Ну, а имя – оно имя и есть. Да и какая теперь разница?

Мама не собиралась выслушивать обвинения по такому пустяковому вопросу, но уточнила:

– А что, ты из-за имени и свататься раздумал?

– Какое сватовство, хозяйка? – изумился гость. – Я тут по важнейшему делу!

– Делу?

– Делу. Императорскому.

– Императорскому?! А... император случайно свататься к Отравушке не намерены?

– Это вряд ли, – перевертыш поначалу задумался, но потом уверенно помотал головой. – Да нет же! У них же Ее Величество имеется!

Отрава следила за перепалкой, даже не удосужившись удивленно разинутый рот закрыть.

– И на кой хряк Их Величеству Отрава понадобилась?

Лю поморщился от неоднозначного смысла произнесенной фразы, но на этот раз на имени внимания заострять не стал:

– Я тебе все сейчас расскажу, хозяйка, вам обеим, но при одном условии...

– И каком же?

– Ты дашь мне возможность высказаться! – рявкнул он и дождался, пока хозяйка обиженно насупится и кивнет. – Так вот. Его Волшебное Очарование и Держатель Дворцовой Защиты От Магического Нападения...

– Кто? – не сдержалась мама.

Лю посмотрел на хозяйку укоризненно, она демонстративно зажала рот рукой и снова кивнула. И только тогда он продолжил:

– В общем, Великий Кудесник Левоморья увидел будущее.

На этих словах Отрава придвинулась ближе. И откинула предыдущее удивление, чтобы удивиться втрое. Она про кудесников, способных предсказывать будущее, только легенды слыхала и в этой, и в предыдущей жизни. А тут – вот прямо перед ней – сидит человек, который лично с таким знаком! Да еще и такой улыбчиво-симпатичный. Кажется, именно этот «Держатель Дворцовой Защиты» несколько лет назад и предсказал очаг чумы, позволив начать карантинные мероприятия еще до вспышки. Тогда, вместо всеобщей эпидемии в Левоморье, только изолированный от остальных десятков человек погиб – поразительный успех. Подобными предсказаниями Великий Кудесник прославился на всю страну, а может, и

мир. Умеющих видеть будущее единицы, и каждый, само собой, на вес золота. Их-то деревенские кудесники только хворь легкую магией лечить умели, детей грамоте обучать, ну и, конечно, в кости всех обыгрывать да лишай-травку заговаривать.

Лю добавил:

– И увидел он, что нашему государству грозят страшные испытания.

– Чума? Война? Неурожай? – Отрава с матерью наперебой озвучивали самые жуткие догадки.

Но перевертыш покачал головой:

– Хуже! – дождался их оцепенения и пояснил: – Падение династии!

– Чего падение? – переспросила мать, и после краткого объяснения Лю облегченно выдохнула.

Отрава помнила рассказы деревенского учителя-кудесника. В Левоморье политическую власть можно было назвать абсолютно стабильной. Вот уже на протяжении десяти тысяч лет на троне попеременно сидели два возвращенца. Когда-то они были братьями-близнецами, захватившими престол. Их мать отличалась еще меньшей фантазией, чем Отравина, поэтому назвала сыновей просто: Первый и Второй. В ходе переворота Первого убили, потому императором стал Второй. И пока он правил, Первый успел переродиться и повзрослеть до двенадцати лет, к которым каждый возвращенец вспоминает предыдущую жизнь. Его тут же доставили во дворец к родне из прошлой жизни. А когда Второй умер в глубокой старости, то на троне оказался Первый. Так они и царствовали по очереди: Первый, Второй, Первый, Второй... Понятие наследственной монархии приобретало в Левоморье самый прямой из возможных смыслов. Как только преемник мог доказать свое право, его тут же готовили к одновременно будущему и прошлому статусу, при этом не имели проблем с обучением – воспоминаний из прошлой жизни хватало. По этой причине Левоморское общество и отличалось стабильностью... и запущенной застойностью.

– Что нам-то с этого падения династии? – смеялась мать. – Нам до этой «династии» три месяца пешком топать! У нас политическая система простая: приехали сборщики, содрали налоги, порядок тут местная стража поддерживает. И мне до темного хряка, кто там на троне сидит.

– Хозяйка! – вскрикнул Лю и даже на месте подскочил. – Ты что мелешь? Не забыла, что я имею полномочия тебя прямо сейчас на городской площади выпороть за такие революционные гнусности?

– Ой, – мать тут же испуганно притихла. Она, как и Отрава, знала, насколько перевертыши серьезно к работе относятся. И если этот на службе

императора, то может и на куски разорвать за неприятные высказывания. Если перевертыш поклялся в верности, то хоть весь мир под землю провалится, он до самой смерти слова не нарушит.

Отрава, чтобы сгладить возникшую неловкость, тут же вставила торжественно:

– Да защитит дневная звезда Их Величество императора Первого!

– Второго! – возмущенно поправил Лю, но только взглянул на нее, как тут же улыбнулся и сбавил тон. – Императора Второго. Но я понимаю, что до этих мест новости медленно доходят... хотя император Второй правит уже сорок лет. В общем, если бы вы обе разбирались в политической системе, то от такой новости в обмороки бы попадали! Десять тысяч лет мы живем в мире...

– Угу, и в нищете, – буркнула себе под нос мать.

Лю повысил голос:

– И даже кровопийцы помалкивают! Знаете, что тут было до того, как императоры-близнецы свергли предыдущую власть? Того же хотите?

На это матери нечего было возразить. Хуже кровопийцы может быть только коронованный кровопийца. Рабство, пытки и безнаказанные убийства были узаконенной нормой поведения только для этой расы. А теперь они разбрелись по своим древним замкам и, как выразился Лю, помалкивают. Отрава на самом деле ничего не понимала ни в политике, ни в экономике, но сейчас первоочередным вопросом был другой:

– Так и при чем тут я?

Лю снова улыбнулся ей, потом, чуть более натянуто, матери, и продолжил рассказ:

– Его Волшебное Очарование и Держатель Дворцовой Защиты От Магического Нападения в этом мрачном будущем увидел некий выход. Девушку, тебя. Он не может сказать точно, какова твоя роль, но именно ты и именно в этой жизни каким-то образом остановишь падение имперской династии. Поэтому нынешняя твоя жизнь становится чуть ли не ценнее жизни самого императора Второго. Или Первого, если он уже родился.

– Сынок, – заискивающе, чтобы полностью стереть свои оговорки из памяти перевертыша, поинтересовалась мать, – но почему именно Отравушка?

Он кивнул, подчеркивая этим, что вопрос закономерный:

– Великий Кудесник многое смог узнать об О... Отравушке. Суди сама: место и время рождения, семья, состоящая из потомственных возвращенцев... – он тут же переспросил у хозяйки: – Ведь это так?

– Ну да. Насколько я знаю, и у моего мужа в роду не было ни

перевертышей, ни кудесников. Так что вполне себе потомственные.

Он был доволен ее ответом.

– Возраст. Отраве сейчас восемнадцать, верно?

Пришлось обеим и с этим согласиться.

– Седьмая дочь...

– Да тут таких, как овец нестриженных! – отмахнулась мать. И преувеличила не слишком сильно. В их деревне в некоторых семьях и по двенадцать детей было.

Но Лю этот аргумент не засчитал:

– Дальше – внешность. Я вам объясню, как Великий Кудесник мне объяснял. Волосы светло-русые. Рост – мне ровно до плеча. Ведь так? Конституция субтильная...

– Чего? – перебила его мать.

– Неважно. Надежда нашего государства должна быть худенькой, но я не предполагал, что настолько. Родинка на шее – я сразу разглядел, потому что знал, где глядеть. Глаза... так, сейчас вспомню дословно... желтые, как у козы! Вот.

Надо же, Отрава раньше думала, что у нее глаза цвета дневной звезды или хотя бы осенних листьев... А оно вон как со стороны выглядит.

– Если не верите, то у меня все записано! – Лю тут же поднял с пола свой рюкзак.

– Не надо, – остановила хозяйка, которая читать так и не научилась. – Ты мне вот только одно скажи – если Отравушка моя настолько ценна для спасения этой твоей династии, то почему ж за ней армию перевертышей не прислали да с царскими носилками? А если моя доченька сейчас вот с этого крылечка пойдет и навернется, свернув свою бесценную шею с родинкой?

Доброта матери границ не знала. Но надо было отдать должное ее бытовой мудрости – вопрос она задала правильный. Лю только улыбался:

– Чтобы внимания к ней не привлечь. Великий Кудесник не знает, что именно она сделает в будущем, осознанно она это сделает или случайно! Но если речь идет о перевороте... если враги уже задумали недоброе, то стоит им только узнать о существовании спасительного элемента, как они до нее доберутся, и все накроется темным хряком. Она-то переродится, но уже совсем в другом мире...

Мать рассеянно глядела в окно, и лишь через несколько мгновений ожила:

– А вот и Отравин отец идет. Сейчас все ему по новой объяснишь, потому что я ни лишая не поняла, – и закричала: – Волдырь, давай быстрее,

у нас такое творится!

Следующая неделя была наполнена массовым сумасшествием. Оказалось, что Лю вовсе не собирается оставаться в Тихой Речке, чтобы присматривать за Отравой, а наоборот, намерен ее незаметно для врагов доставить во дворец. Но родители Отравы этот вариант никак не хотели принимать.

– Уважаемая Забава! – в который раз Лю попытался уговорить мать. – Да пойми же, что там будет безопаснее. Их Величество пока не знает о предсказании... во избежание паники. Но когда Отрава будет стоять перед ним, живая и невредимая, то у всех посвященных в тайну камень с души упадет. Великий Кудесник там, уж под его защитой с ней ничего не случится! И ведь мне в ином случае пришлось бы остаться тут...

– Так и оставайся! Если ты, как утверждаешь, считаешься лучшим в столичной страже, то и в деревенской тебе место отыщут!

– Вот именно, что лучший! Мое отсутствие уже заметили! А если враги начнут искать? Мы вашу Отраву тогда всей деревней не отобьем! Даже скитаться по лесам не так рискованно. Зато, когда она будет в безопасности, корона вас отблагодарит, уж поверьте.

– Отблагодарит, отблагодарит, – кричала все громче мать. – Да вот только мы доченьку растили не на продажу! Мы дочерей только замуж отдаем, ясно? Вот бери Отраву замуж, тогда и поговорим!

Отрава на всякий случай покраснела, но Лю на нее даже не посмотрел:

– Да... как же это... вот так сразу и замуж?

Сестры захихикали, а Росинка даже хлопнула ее по плечу, но Отраве такие шутки не нравились. Лю был очень привлекательным, а перевертыши считались самыми добрыми и справедливыми мужьями. Да что уж там, по сравнению с ее деревенскими друзьями, да еще в своей столичной одежде из тонкой замши и с умением так гладко и красиво говорить, он выделялся заметно. Но разговоры о замужестве на второй день знакомства были неуместны. Это ж как так можно – без любви да в общую семью нырять? И только потому, что он надолго, если не на всю жизнь, привязан к ней обязанностями?

Но сама она решение приняла быстро: если сейчас не уйдет с Лю, то так и проведет эту жизнь в Тихой Речке. Она в Столице только в прошлой жизни была, разочек, но даже эмоций тех теперь не помнит – только факты. Все остальное время тоже в своем поселке, сильно напоминающем Тихую Речку, и просидела. А вот такие повороты судьбы мимо не пропускают! Даже почти бесконечное Великое Колесо Жизни можно крутить в унылом ожидании чуда, но ведь и оно когда-нибудь закончится. Отрава кровопийц и

тухляков только на картинках видела. И если первых предпочла бы и не встречать, то к тухлякам у нее накопилось множество вопросов. А море? В одной книге писалось, что цвет моря красками повторить невозможно. Как же ей хотелось этот цвет своими глазами оценить! Так она и сказала Лю, когда он ее прямо об этом спросил. Но мама не сдавалась – в Столицу она дочь не отпустит.

Соседи зачастили. И если поначалу они заходили, придумывая какой-нибудь предлог, то уже очень скоро просто заваливались толпой, сгорая от любопытства – зачем же чужак из Столицы в такую уважаемую семью пришел и никак не уходит?

– Да просто Отравушка наша избранная! – хозяйка осеклась, вспомнив, как Лю строго-настрого запретил ей распространяться о сути миссии. – В смысле, избранница его.

Лю с такой постановкой вопроса не спорил, одобрительно кивая. Какая ему разница, что соседи, которых он никогда больше не увидит, подумают? И эта свобода слова развязывала язык хозяйке, которой только повод дай прихвастнуть:

– Он со своей свитой в наших лесах охотился. Вот тогда мою красавицу и заприметил.

– А что Отравушка так далеко в лесу делала? – интересовалась настырная соседка.

– Так... траву собирала, грибы там... Неважно! В общем, как зятек ее увидел, так сразу и полюбил!

Соседушки ахали, сестрицы хихикали.

– И говорит ей: «Выходи за меня замуж! У меня и замки, и крестьяне, и земли похлеще, чем у кровопийц. А я любить тебя буду до последнего переворота. И жить мы с тобой будем счастливо, и родим много перевертышей и возвращенцев!

Лю очередное аханье перебил веселым:

– Так и сказал! Так что, отпустите со мной Отравушку? А сами к свадьбе приезжайте... в мои замки и земли.

Мать тут же нахмурилась:

– А я не отпускаю!

– С чего вдруг? – соображала та же соседка. – Отчего ж не отпускаешь, Забавушка?

– Потому что они еще мало знакомы! – придумала мама на ходу отговорку. – Пусть тут живут, зачем им замки? Они ж не кровопийцы какие, чтоб в замках жить.

– Совсем старуха спятила... – заключила соседка. – Лю, милочка, айда

ко мне – у меня три дочки на выданье, я точно отпущу, если слюбитесь. Хоть всех троих и отпущу.

У Отравы голова кружилась от этих бессмысленных споров. Поэтому через неделю она сама посреди ночи тихонько пробралась в ту комнату, где на полу постелили гостю. Лю, как и все перевертыши, вставал с рассветом и укладывался спать до восхода ночной звезды.

– Лю, – она позвала очень тихо, зная, какой чуткий у перевертышей слух. – А давай сбежим? Потом маме записку с почтовиком пришлем.

Он ответил сразу, будто и не спал вовсе:

– Не дело это – так поступать. Надо сначала тут договориться, чтоб совесть чиста была. Я должен!

Перевертыши с этой своей ответственностью иногда выглядели неисправимыми занудами.

– Тут мы не договоримся. Я своих знаю... Вот и взвешивай, кому ты больше должен – моей маме или своему императору?

Он размышлял ровно мгновение:

– Вещи теплые захвати.

Перевертыши с этой своей ответственностью так легко управляемы!

Эпизод 2. Нанья из болотных

После шести часов ходьбы ноги были невыносимо. Отрава отвлекалась от усталости пустой болтовней:

– О чем задумался?

– О том, как буду представлять тебя во дворце. Как обрадуется Великий Кудесник, как мы обо всем расскажем Их Величеству. Но... что же за имя у тебя такое?

– Это тебе с непривычки ухо режет. Ты же знаешь, возвращенцы дают имена детям по наитию. Если мать взяла новорожденного впервые на руки и случайно обронила взгляд на новые занавески, то Занавеской и назовет. А иначе нельзя! Иначе Великое Колесо Жизни можно остановить!

Он только вздыхал:

– Может Отрада? Почти то же самое.

– Это совсем другое имя! Так одну из моих сестер зовут.

– Ну... тогда Трава? Почему нет?

– А так зовут другую мою сестру.

– Просто Ота?

– Только перевертыши дают своим детям такие короткие имена, которые непонятно что означают!

– Ота. Точно. Самое оно.

– Ни за что! Ты хочешь, чтобы я больше не переродилась, что ли?

Он снова тяжело вздохнул, но больше не спорил.

Чем дольше они шли, тем медленнее Отрава переставляла ноги и тем чаще спотыкалась.

– Лю, ты почему же без коня? Неужели тебе даже коня для такой важной миссии не выдали?

– Ота... Отрава, я ж перевертыш! Сам себе конь. Ты так быстро устала?

Отрава не ответила на вопрос прямо:

– Ты-то перевертыш, а я-то нет. Для меня бы коня прихватил, – она старалась, чтобы слова звучали не жалобами, а просто способом поддержать разговор.

Лю остановился и посмотрел на ее обувь – удобную и мягкую, но вряд ли приспособленную для длительного похода. Точнее, сама Отрава, никогда так далеко от Тихой Речки не бывавшая в этой жизни, была для такого похода неприспособленной.

– Так и планировал. Купить коня для тебя, но ведь мы сбежали посреди ночи!

Отрава понурила голову. Сама ведь виновата, даже спорить бессмысленно. Признаться, что дальше идти без отдыха не может, улечься на землю и порыдаться? Но Лю и сам перебирал идеи:

– Можем делать привалы не только на ночь, но и в середине дня. Это я зря тебя под свой ритм сразу загнал. До города дойдем, там коня купим. А пока я перевернусь собакой, на мне поедешь.

Отрава вытаращилась на него. Конечно, она много раз видела, как деревенские перевертыши зверьем или предметами оборачивались – даже маленькой лошадкой, что поней называется, могут. Детские игры от этого становились только веселее. Но вряд ли кто-то из ее знакомых смог бы выдерживать на себе взрослого человека! Ведь перевертыш меняет только форму, а не силу или вес. Лю, видя ее смятение, рассмеялся:

– Мы так намного быстрее передвигаться будем. Тебе только сначала придется наловчиться держаться и привыкнуть к тряске, а потом будет просто!

Он тут же стянул через верх рубаху, ухватился за штаны.

– Эй! – вскрикнула Отрава и отвернулась. – Ты что же делаешь?

– Извини... Я думал, что ты уже видела перевертышей...

– Видела, конечно! Но воспитанные перевертыши при людях не раздеваются!

– Извини, – повторил он серьезно. – Вообще-то, это не считается зазорным... в Столице.

– Вот в Столице голой задницей и щеголай! – отреагировала Отрава резко, чтобы скрыть собственное смущение.

Ехать на огромной черной собаке было неудобно, хоть Лю и старался передвигаться неспешно. После того, как он перевернулся, Отрава собрала его вещи в рюкзак и залезла на спину. Наплевав на правила приличия, которые ей приходилось придумывать на ходу, она просто улеглась на него и обхватила руками за толстую мохнатую шею. Так хотя бы казалось, что трясет меньше. Верхом на лошади она ездить умела, но вот тут пригодилось бы седло. На ходу придуманные правила приличия пока не давали ответа – красиво ли о таком спрашивать перевертыша. «Ты не возражаешь, если я тебя оседлаю?» – нет, звучало не очень. Но Лю вежливый, он не покажет, даже если она что-то совсем обидное скажет. Он раздражение демонстрирует, только когда про его работу или императора плохо отзываются, но Отрава это запомнила и не затрагивала подобных тем.

Так они действительно двигались быстрее, но зато и разговаривать не могли – человеческая речь собаке неподвластна. И если самой Отраве было интересно наблюдать за незнакомой местностью, то Лю заскучал. Об этом он сказал, после того как вечером перевернулся в человека и оделся:

– Это не очень удобно – говорить одной, но ты уж попробуйся. А то я на бегу засыпаю.

– О чем же говорить? – Отрава скидывала собранный хворост, чтобы развести костер.

– Просто рассказывай о своей этой жизни. Или прошлой – мне все интересно. Или про ваш тихореченский быт. Или как вы овечьи шкуры так хорошо выделываете. Или просто песни пой. А на привалах я буду переспрашивать, если меня что-нибудь заинтересует.

– Попробую, – честно пообещала Отрава.

Они перекусили вяленным мясом и украденными с маминой кухни пирожками. И сразу улеглись спать. В начале лета погода в этих краях была и ночью настолько теплой, что никаких особенных изысков для ночевки не требовалось. А днем было жарко даже в простой тонкой рубашке.

Подложив свернутую куртку под голову, Отрава смотрела на огонь. До нее только теперь начало доходить, какие изменения случились за истекший день. Она оставила всех родных и друзей, даже не попрощавшись. Конечно, позже она оповестит о себе, а пока они и сами догадаются, что произошло – мать с отцом разозлятся, а сестры будут хихикать. Подружки, возможно, станут завидовать... Увидит ли она их снова? Конечно. Будет ли скучать? Было бы время скучать. Хотя, наверное, все равно будет. Эти мысли были невыносимо тяжелыми, чтобы остаться с ними наедине.

– Лю! – позвала она тихо. – Спишь уже?

Он, до сих пор лежавший неподалеку от нее, резко сел, и Отрава увидела лицо с таким злым выражением, которого она даже представить не могла.

– Сплю, не сплю, тебе какое дело?! – рявкнул он. – Лежи себе, отсыпайся, Отрава, чтобы завтра мне весь день опять в ухо мерзко сопеть! Как же тебе подходит это имя – лучше не придумаешь!

Она только глазами хлопала. Теперь-то ясно, почему перевертыши всегда укладываются спать рано. Отрава знала, что на восходе ночной звезды у них сильно портится настроение. В этот период лучше вообще не трогать, а то простой фразой можно до бешенства или даже убийства довести. Знать-то она знала, но видела впервые – в Темной Речке даже маленьких перевертышей отправляли спать рано, а уж взрослые и сами

предпочитали запирались на семь замков в своих комнатах.

– Извини, Лю, – голос ее едва заметно дрожал. – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи?! Да ты мне весь сон испортила! Завтра я на тебе поеду, гадюка неблагодарная, понятно?! – он вскочил на ноги и направился к ней, заставив всю сжаться от страха. – Чего ты свои козлячьи глазки вылупила?! Встань, когда с тобой разговаривают!

Отрава же, наоборот, вся сжалась и почти захныкала, проклиная свою глупость:

– Извини, извини... Их Величество вряд ли обрадуются, если ты меня прямо тут прибьешь.

Это сразу его охладило. То есть настроение у Лю не поднялось, но он вернулся на свое место и еще долго ругался. Отрава больше не произнесла ни звука. Озверевший перевертыш, не находя в ней такого необходимого отклика каждому своему ругательству, снова вскочил, кинулся к ней, сжимая кулаки до белых костяшек, потом заставил себя остановиться, сорвал одежду и тут же перевернулся в бесформенную коричневую массу. К счастью, без зловонного запаха. И наконец-то затих.

Наутро Отрава попятилась, увидев его доброжелательную улыбку. Но он только улыбнулся еще шире:

– Я извиняться не стану – сама должна была знать! Нас даже в ночную смену не берут. Кудесники и возвращенцы разбудят в случае опасности... Но разбойники по ночам никогда не нападают – знают, что нам только повод дай.

Отрава кивнула:

– Да, я знала, просто так переволновалась от этих перемен, что забылась. Потому это ты меня извини.

Лю только отмахнулся.

– Пойдем к ручью, умоемся, перекусим, да в путь.

На третий день Отрава уже полностью вошла в ритм путешествия. Она уже на тысячу кругов спела Лю все известные песни и пересказала все известные байки. А потом и про обе свои жизни все выложила – было бы что выкладывать! Отрава не отличалась болтливостью, но заставляла себя говорить, каждый раз припоминая, что это единственная плата за то, что они так быстро и без усилий с ее стороны приближаются к цели. А достичь цели ей хотелось все сильнее. Особенно после вчерашнего вечернего рассказа Лю о дворце и тамошнем укладе. Увидеть Столицу и умереть. А потом, переродившись, снова сбежать из дома, чтобы оказаться там.

Лю остановился так неожиданно, что замечтавшаяся Отрава чуть с него не свалилась. Впереди стояла девушка, которая смотрела на них

испуганно.

– Вы не разбойники?

Поскольку только Отрава могла озвучить их общее мнение, она прибавила в тон уверенности:

– А ты сама-то не разбойница?! Если дружки твои по кустам прячутся, то... у нас тоже дружки по кустам прячутся!

Девушка нервно затрясла головой и нерешительно шагнула ближе:

– Нет-нет! Я не разбойница!

– Тогда что же ты делаешь на лесной дороге одна? – Отрава заговорила мягче, хоть до сих пор опасалась неожиданных стрел со сторон.

– Смотрите! – та закатала широкий рукав и подняла руку вверх, чтобы Отраве было лучше видно. – Я сбежала от кровопийц! Вот! Рана еще не затянулась.

На ее запястье в самом деле виднелись красные рваные отметины. Лю дернулся, и Отрава, поняв его просьбу, тут же спрыгнула на землю. Он обратился за ее спиной – это было слышно по тихому хрусту костей. Отрава перекинула назад рюкзак с его одеждой. Перепуганной беглянке же и дела не было до его наготы, или в ее поселении к таким вещам тоже относились просто.

Лю вышел вперед, натягивая рубаху. Тут же наклонился к девушке и погладил по плечу, успокаивая:

– Все, все. Сбежала и славно. Как зовут тебя, кудесница?

Надо же, а Отрава и не подумала, что видит не возвращенку. Перевертыши, конечно, ориентировались по запаху, а по внешним признакам кудесники почти не отличались от возвращенцев. Ну, быть может, только рыжие среди них попадались намного чаще. Эта как раз огненно-рыжей и была.

– Нанья. Я из Болота.

Выяснилось, что Нанья из болотных сама пошла в замок к кровопийцам. Те щедро платили за кровь. А уж кровь кудесников ценилась превыше других. Так она, дескать, решила подзаработать на место в караванной повозке до Столицы. С детства мечтала поступить в тамошнюю Школу Высокого Колдовства, да и таланты ее учителя нахваливали. Для осуществления мечты ей только денег не хватало. Родители Наньи были обычными знахарями в глухой деревеньке. В таких поселениях, как Тихая Речка или Болото, богачей вообще не водилось. В добровольной сдаче крови ничего постыдного не было, тут многие только тем и зарабатывали. Да и Нанья ходила в этот замок уже не в первый раз, и до сих пор никаких проблем не было – тамошний кудесник берет кровь, делая надрез выше

запастья под обезболивающим заклинанием, а потом сам же и заживляет ранку. Нанья рассказывала об этом спокойно, Лю и глазом не моргнул, потому Отрава и не стала интересоваться моральной стороной взаимодействия с кровопийцами. Поскольку рядом с Тихой Речкой ни одного замка кровопийц не было, вот местные там и непривыкшие.

Так вот, когда замковый кудесник извлек из Наньи крови на маленькую пробирку, к ним явилась сама госпожа. Тут же одним глотком выпила и милостиво предложила кудеснице погостить у них. Нанья отказалась – боязно, да и полученных денег на проезд до Столицы должно было хватить. И тут в госпожу кровопийцу будто темный хряк вселился, она вцепилась зубами девушке в еще не заживленную рану. Та, конечно, закричала, но даже замковый кудесник ей на помощь не кинулся – сам сбежал. Но госпожа, конечно, не могла знать, что у Наньи сильные способности, поэтому кудесница сначала ее огрела огненным шаром, а потом и выбежала из замка. Перевертыши у открытых ворот ее останавливать не стали, потому что приказа такого не получили. Но Нанья бежала, пока задыхаться не начала. Ведь если госпожа прикажет охранникам догнать, то они догонят. Судя по всему, преследования не было, но кудесница надеялась наткнуться на деревню, чтобы передохнуть и дождаться там торгового каравана.

Лю во время ее рассказа хмурился все сильнее. А когда она замолчала, начал задавать сухие вопросы:

– Как далеко до замка?

– Да меньше трех часов ходьбы...

– Почему ты не побежала в город? Ведь там вся стража. А в эту сторону до ближайшей деревни почти четыре дня, если пешим ходом.

– Так о чем ты говоришь? Я просто бежала и бежала! Думать было некогда...

– Сколько кровопийц в замке?

– Я... видела только госпожу...

– Сколько людей пропало за последний месяц в этой местности?

– Да откуда же мне знать?

Отрава не выдержала:

– Лю, прекрати этот допрос. Разве ты не видишь, как бедняжка испугана? А ты будто ее обвиняешь!

– Нет, не обвиняю, – он тут же доброжелательно улыбнулся Нанье. –

Ты ведь понимаешь, что не обвиняю? Тут нарушен закон, а я представитель стражи, хоть и не из этих мест.

– Да, конечно, понимаю! – та оживала на глазах. – И если ты закончил,

давайте посмотрим, что у вас перекусить найдется, а то у меня от перепуга в животе урчит.

Когда Нанья полностью пришла в себя, то стала сильно отличаться от той запуганной девчонки, какой казалась поначалу. Она буквально встрясла их рюкзаки и в один присест прикончила суточную норму на двоих. Куда, интересно, все идет – ведь довольно стройная. Теперь Отрава видела, что девушка старше, нагловата и за словом в карман не лезет.

– Так вы в Столицу идете? Может, вместе пойдем? А то я жуть как разбойников боюсь. К кровопийцам я больше ни ногой! Лю, а ты нас двоих везти сможешь?

Не напирай она так, то Отрава была бы только рада расширению их компании. Тем более сильной кудесницей. Но на такие хамские заявления даже Лю отвечать не хотел:

– Сначала мы идем в тот замок к кровопийцам.

Нанья тут же побледнела.

– Зачем?! Я туда не пойду!

– Тогда подождешь нас в лесу, – отрезал Лю. – Дело есть дело. Сейчас выясним детали, и потом уже в Столицу.

Та покорно кивнула. Наглеть она умела, только когда не боялась. Лю их обоих на себе не повез, так и сказал, что три часа они и пешочком прогуляться могут – для здоровья полезнее. Особенно для его здоровья.

Отрава же с удивлением наблюдала, как быстро затягивается рваная рана от клыков. Укусы кровопийц заживают быстро – учитель-кудесник об этом рассказывал, но и сама Нанья себя подлечивала, постоянно прикладывая ладонь к больному месту и нашептывая заклинания. Если бы не ее характер, то такая помощница в пути не повредит – и от разбойников отбиваться легче с ее огненными шарами, и от мелкой ранки избавиться. Но если Лю превращался в монстра только на восходе ночной звезды, то у Наньи хамство было равномерно размазано на целые сутки.

– Отрава – кстати, отдаю должное чувству юмора твоей матери – худющая, как камыш, голова на ножке. Кости, кожей обтянутые. Ни титек, ни, простите за мой каменноземельный, задницы. И что ты в ней нашел, Лю? Без обид, ядовитая моя, я же по-дружески! От зависти бормочу, что ты себе такого славного перевертыша со своей костлявостью отхватила. Но глаза у тебя красивые, что уж говорить! Я такой цвет раньше только у коз видела. Но Лю, если вдруг разбежитесь, то я чур первая на очереди! По мне, перевертыши занудные, замуж я за тебя не пойду, даже не зови. Но я бы соврала, если бы не сказала, что не разглядела тебя, аж дух перехватило! Потому ежели понадоблюсь зачем – только свистни! Без обид,

ядовитая моя, я с твоим женихом просто так заигрываю, чтоб нам в тишине не шагать...

Отрава уже на примере собственной матери знала, насколько Лю терпелив. Он и теперь шел рядом, изображая глухонемого.

Эпизод 3. Кровопийцы Кирами

Отрава тоже боялась, но не стала оставаться с Наньей в лесу. Ей сил нет как хотелось увидеть живого кровопийцу. И поскольку Лю был спокоен и ей не запрещал идти с ним, значит, опасности не видел.

У нее от одного вида черного замка дух перехватило: огромный, мрачный, впивающийся в небеса острыми шпильями и башнями. Казалось, что именно над ним сконцентрировалась черная туча, будто даже небо отказывалось этому месту улыбаться. Ворота и в самом деле были нараспашку. Наверное, даже разбойники боялись нападать на эти чертоги злых сил. Отрава поежилась и пожалела, что они не уговорили Нанью отправиться с ними. Но та настолько беззастенчиво трусила, что ее и уговорить-то вряд ли бы вышло.

На входе их встретили два перевертыша – такие же черноволосые, как Лю, но гораздо старше.

– Приветствуем, путники! Добро пожаловать в замок Кирами – одной из древнейших и знатнейших семей кровопийц! – торжественно начал один. – Если кровь сдать, то прошу за мной. Новички? Не переживайте, это безболезненно и не займет много вре...

– Мы не за этим! – строго ответил Лю, отчего те нахмурились. Перевертыши таким тоном говорят только в случаях, когда им что-то сильно не по нраву.

– Тогда зачем явились? – поинтересовался тот же охранник.

– Перевертыш? – раздался позади них женский голос. – Неужели новости?

Отрава, открыв рот, разглядывала кровопийцу. Она была очень высокой, стройной, длинной, плоской, будто ее специально вдоль вытягивали. Снежно-белые прямые волосы, как ткань, свисали чуть ли не до самой земли. Одета она была тоже в белое и очень узкое платье. Бледная и невероятно красивая – как мраморная статуя с картинки. Возраст у кровопийц по внешнему виду определить невозможно – она так может выглядеть и в тридцать, и десять тысяч лет.

– Не знаю, госпожа, еще не выяснили, – ответил ей охранник.

– Проводите в общий зал. Мой супруг там, он тоже захочет послушать.

Отрава теперь поняла, что ее в этой гротескной красоте смущало: кровопийца произносила слова абсолютно без мимики и даже в голосе не звучало ни единой интонации – все на одной ноте, только паузы в конце

фраз. И никаких жестов. Она развернулась – словно куклу на подставке вокруг оси медленно покрутили – и поплыла к замку такой же недвижимо прямой, только длинный подол слегка в такт шагам качался.

– Как скажешь, госпожа. Проходите...

– Эй, дамочка! – окликнул ее Лю. – Один момент!

Кукла точно так же крутанулась обратно, но вмешался охранник:

– Обращайся к госпоже «госпожа».

– Хорошо, – легко согласился Лю – он знал, что правила нужны для того, чтобы их соблюдать. И для стража святая обязанность в этом участвовать. – Госпожа! Я могу просить у ваших охранников клятвы, что мы покинем замок живыми и невредимыми?

– Конечно. Чего вы опасаетесь? – не раздумывая, ответила она тем же тоном.

Охранники переглянулись и пообещали то, о чем попросил Лю. Это было гарантией. Теперь они даже по приказу госпожи не посмеют нарушить клятву, а если вдруг жизням пришлых кто-то будет угрожать, пока они внутри двора, то сами бросятся на выручку – это же перевертыши с их гиперответственностью. Размышления Отравы подтвердил второй:

– Будьте осторожны, не споткнитесь. И, пожалуйста, не задерживайтесь, чтобы нам не пришлось переживать.

А ведь это наипростейший способ войти и выйти из замка кровопийц! Правда, их клятва закончится на этом же месте, и после, если прикажет госпожа, они могут гостей догнать и убить. Но сейчас один уверенно пошагал за ними, чтобы хотя бы по пути до дверей никаких несчастных случаев не произошло.

Огромный внутренний двор давил мрачностью, вокруг торчали сухие деревья с искореженными стволами и слышалось карканье ворон, хотя самих птиц Отрава не разглядела. Скорее всего, над созданием атмосферы работали сильные кудесники, вот только непонятно, зачем это нужно было хозяевам: то ли для поддержания статуса, то ли их самих гнетущая обстановка радовала.

Но двор Отраве показался прекрасным и легким местом по сравнению с гостиной, где даже стены были обиты бордовым бархатом. Она озиралась по сторонам и все больше приходила к мысли, что даже в гробу уютнее. Огромные кованые подсвечники, статуэтки и ножки кресел в виде железных черепов ничуть праздничности не прибавляли.

Но Отрава собралась, посмотрела на госпожу и ее мужа, точно такого же белобрысого и еще более длинного, и прошептала неуверенно:

– Да будет ласкова ночная звезда к вашим детям, хозяева...

Глянула на Лю, не разозлился ли, что она так малодушно перед кровопийцами и преступниками стушевалась. Но ведь это воспитание, вбиваемое годами, от него за один день не отвернешься!

– Спасибо за добрые слова, милая возвращенка, – тон у мужчины был не менее ледяным и таким же безэмоциональным, как супруги. – Надеюсь, вы с добрыми вестями, а то мы места себе не находим.

Лю и Отрава недоуменно переглянулись, но кровопийца их замешательство расценил по-своему:

– Безусловно, за любую новость мы платим золотом. Вы из Серебряного Облака или другого города?

Лю тоже не понимал происходящего, поэтому сразу перешел к делу:

– Я представитель стражи. На тебя поступила жалоба...

– А, – коротко перебила его холодная статуя. – Рыжая кудесница?

– Она, – обрадовался Лю, что подозреваемая так легко призналась в преступлении. – Это у тебя на лбу случайно не след ожога от ее огненных шаров?

– Да. К утру не останется.

– Госпожа! – Лю повысил голос. – Ты нарушила закон!

Она фыркнула – и умудрилась это сделать совершенно равнодушно. Да для такого умения, наверное, тысячи лет нужно тренироваться!

– Она жива?

– Да, но...

– Здорова?

– Но...

– Тогда доложи о моем преступлении в ближайший город. Если кудесница жива и здорова – а я уверена в том, что от раны уже не осталась и следа, меня обяжут только выплатить штраф.

Лю кивнул, но добавил:

– И если в окрестностях в последние дни пропадали крестьяне, вы оба станете первыми подозреваемыми!

– По нашей вине никто не пропадал. Это был разовый промах.

– Вот пусть и проверят! И подвалы ваши обыщут!

Кровопийцы просто стояли и смотрели на него, даже не моргая. Пауза затянулась. Наверное, это и сподвигло госпожу сказать:

– Я готова принести кудеснице извинения, если они ей нужны. Этот случай не вписывается в мой уравновешенный характер, однако в последние дни я в таком отчаянии.

– Судьба моя, – муж медленно повернул к ней голову. – Тебе не стоит так волноваться еще и из-за этого.

– В общем, – растерялся Лю. – Я напишу на вас жалобу в Серебряном Облаке, пусть они разбираются, разовый или не разовый...

– А что у вас случилось? – неожиданно для самой себя спросила Отрава.

Оба синхронно перевели взгляды на нее, но ответила женщина:

– Мой сын, мой малыш пропал. Похищен или убит. Мы ждали новостей от вас, но вы пришли из-за рыжей кудесницы, которая даже не умерла.

– Судьба моя, – господин снова посмотрел на нее. – Пожалуйста, успокойся, ты так себя до нервного срыва доведешь.

Отрава чуть не расхохоталась – если так кровопийца нервничала, то какой же она была в нормальном состоянии?

– Это вы так переживаете? – Отрава не собиралась грубить, но любопытство прорывалось наружу.

– Я носила моего мальчика шестьсот лет. Звезды не дали нам других детей. Ты бы на моем месте не сходила с ума?

И вдруг Отраве сильно захотелось перед ней извиниться, несмотря на полную абсурдность ситуации. Даже за то, что пришли без новостей.

– Расскажите подробнее, – наверное, Лю поддался тому же чувству. – Мы все равно идем в Серебряное Облако, может, городская стража что-то знает?

– Спасибо, – на этот раз ответил супруг. – Кристофер неделю назад с друзьями отмечал свое тысячелетие в замке за Красным Листом. И когда отправился домой, по дороге пропал. Мы подозреваем нападение разбойников, но требований о выкупе не было. Его могли убить только за то, что он – мы.

– Нет, судьба моя. Он жив, – монотонно затянула госпожа. – Я бы почувствовала. Материнское сердце бы разбилось.

Весьма странная парочка. Едва за спиной захлопнулась тяжелая дверь, Отрава сказала:

– Лю! Я никогда не думала, что кровопийцы такие! Нет, описание совпадает полностью, но ведь никто не рассказывает, что они способны так... любить.

– Только своих, Отрава, не заблуждайся на их счет. А тут еще речь о единственном сыне идет. У кровопийц дети рождаются очень редко, поэтому в этой любви ни у кого сомнений нет. Но нас с тобой они бы разорвали на части, если бы не боялись наказания!

– Почему ты так уверен? Она сорвалась... из-за горя! Такое и с возвращенцами случается, и даже с перевертышами! При каждом восходе

ночной звезды, если уж начистоту.

– У тебя добрая душа, – он улыбался. – Но ты ошибаешься. В их гостинной пахнет кровью – запах старый, но откуда бы он взялся, если бы они пили только из своих пробирок? И очень большой вопрос – почему их единственный наследник отправился в путь один? Что он натворил, раз впутался в неприятности? Я попрошу городскую стражу тщательно присмотреть за этим местом. И не слишком удивлюсь, если они отыщут в их казематах более свежий запах крови.

Больше Отрава не спорила. Да и ведь истории о кровопийцах вряд ли сплошная выдумка. Она только удивлялась, что существо, вообще способное на любовь, может быть совершенно бессердечным к остальным людям. До сих пор ей верилось, что за это отвечают одни и те же струнки души. Хотя вот эти двое вполне производили впечатление существ вообще без струнок. Она и сама от них словно заразилась заторможенностью, которую хотелось вытрясти из головы.

Может быть, именно это чувство и заставило ее специально споткнуться, когда они почти приблизились к охранникам – просто чтобы увидеть нормальную живую реакцию нормальных живых людей. Они же поклялись, что она выйдет невредимой! А если вдруг ножку подвернет? Перевертыши в панике тут же рванули к ней. Но Отрава выпрямилась и пояснила краснея:

– Я в порядке.

Когда они вышли за ворота, то за спиной она точно расслышала облегченный выдох.

– Это было не смешно, – серьезно сказал Лю.

Отраве и без его укора было стыдно до темного хряка. Ведь знала же, что над обязательностью перевертышей подшучивать некрасиво – это все равно что над ней смеяться из-за имени или чего-то еще, что человек не в силах изменить! Поэтому она догнала его и спросила, чтобы отвлечь:

– Лю, а откуда у кровопийц столько золота? За десять тысяч лет их запасы должны бы истощиться.

Он быстро остыл и теперь снова улыбался.

– Вон там, – он махнул в сторону. – Их поля. Там крестьяне работают и за это получают деньги. А продажей урожая занимаются другие нанятые люди. Крестьянам удобно – они зачастую торговать не умеют, а если год неурожайный, то они свой заработок все равно получают. Торговцам удобно – не надо ездить по всем селеньям, чтобы скупать зерно мелкими партиями. А кровопийцы получают свою прибыль только за то, что это их поля и их урожай. Ну и за то, что все это дело организуют, а заодно и

страхуют тех и других.

Над этим Отраве пришлось поразмыслить. Ее семья всю жизнь пасла овец, но случались ситуации, когда торговые караваны, которые так редко доезжали до самой Тихой Речки, соглашались покупать шерсть по бросовой цене. И продавали ведь, потому что всю зиму ее хранить негде, да и есть что-то надо. Другие же, кто занимался выращиванием шлячки, сталкивались с еще худшей ситуацией – если неурожай, только за счет помощи соседей с голоду и не умирали. И налоги платить надо, независимо от того, сколько зерна собрано. А тут все просто – в огромном замке столько места для складов, что если торговцы будут занижать цену, то отправятся восвояси ни с чем. И на неурожайный год можно накопить запасов, чтобы тем же торговцам продать втридорога. И ведь купят! Отрава всегда считала свободу одной из высших ценностей, но тут впервые воочию убедилась, что иногда люди осознанно выбирают зависимость и от этого выигрывают. Да и живут, очевидно, куда лучше, чем крестьяне в дальних поселеньях под гнетом сборщиков и торговцев. Поразительные создания эти кровопийцы. Почему же тогда учителя-кудесники так мало о них рассказывают?

– Так мы не станем их сына искать? – уточнила она.

Лю посмотрел на нее с изумлением:

– Зачем? Узнаю, конечно, у стражи подробности, раз обещал. Но мир только выиграет, если одним кровопийцей станет меньше!

Нанья выбежала навстречу и уж слишком заметно тряслась. То ли за них так переживала, то ли оттого, что дальше ей придется одной идти. От радости набросилась на них, ухватила за шеи и прижала к себе:

– Вернулись, мои родненькие, вернулись! В следующий раз с вами пойду, хоть к кровопийцам!

Ее искренний восторг не до конца объяснял, какой же из вариантов верный.

Лю, вырвавшись из объятий, сразу принялся продумывать следующие действия:

– Нам теперь в Серебряное Облако надо. Завтра к вечеру должны успеть. И запасы хлеба хрякнуты, – он укоризненно глянул на Нанью, которая и не думала стесняться своего аппетита.

В Серебряном Облаке они намеревались задержаться на пару дней и, возможно, оставить Нанью там – пусть ждет торгового каравана. Лю предупредил Отраву, что им такой способ путешествия не подходит: караванщики обязаны в каждом городе отчитываться о своих пассажирах и для других их имена будут открыты, что для тайности миссии будет

лишним. Осталось только придумать, как объяснить это Нанье. Та пребывала в твердой уверенности, что Лю везет в Столицу свою невесту – сразу так предположила, а они оба поддакнули, чтобы больше вопросов не возникало. Правда, от комментариев это не избавляло:

– Я все равно понять не могу – вот вы уже решили жениться, все определено, так почему ж друг друга сторонитесь? Какая уж теперь разница, когда вы друг друга на вкус оцените?

– Ты, Нанья, всех по себе не равняй! – улыбался ей Лю. – Отрава выросла в уважаемой семье, а я ее еще родителям не представил...

– И что, если родители не оценят, назад отправишь? – изумлялась она. – А вот если ты ее к матушке уже со внучком в пузе доставишь, то уж оценят – никуда не денутся! Отрава у нас скромница – таких за версту видно, с такими надо чутка понапористей быть. А то она у тебя до седин нецелованная проходит! Без обид, ядовитая моя, говорю как есть! Даже с дружеским советом, ежели угодно.

Нанья звонко хохотала, а Отрава отстала от них на шаг, чтобы красных щек ее не видели. Было неловко от таких разговоров. И если уж на то пошло, она почти сразу перестала обижаться на Нанью – та грубила постоянно, постыдные темы поднимала с такой легкостью, будто для нее запретных вопросов вообще не существовало, на язык ей попадало буквально все, что приходило в голову. Но делала она это беззлобно, в самом деле не желая зацепить за больное. Такие люди неприятны только в самом начале, но если их раскусить, то даже легче на душе становится – за Наньиными словами никогда не скрывалось дурного умысла. Именно поэтому Лю и улыбался той все более искренне, он тоже это чувствовал. Для него честность, хоть и не такая вежливая, как у перевертышей, перекрывала почти любые недостатки.

Но некоторые темы все же были особенно неприятными. Например, эта. Еще с Тихой Речки их с Лю женили все подряд, но в действительности никакой романтики между ними не ощущалось. Возможно, именно оттого, что их так усиленно друг к другу толкали, они внутренне и сопротивлялись. Или мысли их постоянно были заняты более важными вопросами. Общаться, разговаривать и обсуждать планы с Лю было сплошным удовольствием, да и Отрава по-прежнему его находила весьма привлекательным. Да чего уж там, он явственно ей нравился. Поэтому Отрава допускала мысль, что когда они окончательно друг к другу привыкнут и осядут в одном месте, то смогут подумать и о более близких отношениях. Если их вот только такими обсуждениями заранее до тошноты не доводить. Ей казалось, что Лю думает примерно так же, потому так

сильно удивилась, когда поняла, насколько ошибалась.

Эпизод 4. Серебряное Облако

До сих пор Отрава в городах не бывала. В Тихой Речке заведено детей в путешествия не брать – мало ли что в дороге может случиться? Ее же первый выезд планировался этим летом. Но Отрава взяла и побегом родительские планы нарушила. Интересно, мама уже перестала ругаться?

Невысокая, в два человеческих роста, стена казалась бесконечной. И хоть Лю говорил, что этот город совсем небольшой, Отрава была впечатлена даже длинной темной полосой, которой выглядела стена издали. Дороги со всех сторон сходились сначала в одну, и та направлялась напрямик к городским воротам. Объездным путем ехали только те, кто не боялся разбойников. То есть сами разбойники.

– Да защитит вас дневная звезда, путники! Предъявите бумаги! Какова цель визита в Серебряное Облако?

Перевертыш, остановивший их на воротах, выглядел деловитым. Отрава стягивала заплечный мешок, чтобы отыскать свою бумагу.

– Айк! – окликнул его сзади другой, уже подходивший к ним. – Это Лю из столичной стражи, он у нас пару недель назад был.

– Будь здоров, Най! – помахал ему Лю. – Да будет ласкова ночная звезда к твоим детям!

Теперь первый позволил себе разулыбаться, а до сих пор будто сдерживался:

– Добро пожаловать в Серебряное Облако!

Вопросов Нанье и Отраве не задавали вовсе – присутствие рядом с ними перевертыша, присягнувшего самому императору, служило гарантией и их законопослушности. Подошедший тут же махнул всем троим, чтобы проходили, при этом подшучивал:

– Я же говорил, что из наших мест ты без невесты не вернешься! У нас самые красивые девчонки, да притом неизбалованные, как ваши столичные! Ишь, а ты сразу двух нашел! Так и знал, что надо спор заключать...

– А я не невеста, – тут же подскочила к нему Нанья. – У нас с тобой даже имена схожи – верный знак от звезд. Так что можем с тобой в Столицу вместе отправиться!

Он остановился и в один момент стал серьезным:

– Охолопись, кудесница, у меня жена имеется!

– Эх, – расстроилась Нанья, – и тут не выгорело. Перекусить бы...

Най вел их в заезжий дом. Там комнат, расположенных аж на целых трех ярусах, было много, но сейчас они по большей части пустовали. Но когда по осени чуть ли не ежедневно идут торговые караваны, то все огромное помещение забивается целиком. Стоимость Отраву обескуражила – целый полтишок с человека за один день! А на троих выходил золотой с полтишком. Не потому ли Серебряное Облако так называлось? Цены у них заоблачные. Теперь стало понятно, почему Нанья заранее принялась нудно и долго жаловаться, что ей и на повозку может не хватить. И ныла ровно до тех пор, пока Лю не выдержал и почти добровольно предложил ей помощь в этом вопросе. Но за огромную плату жильцам заезжего дома предоставляли плотный ужин, услуги прачки и возможность отмыться после долгой дороги. Обо всем этом Лю и Най им по пути рассказывали. Нанья слушала вполуха – она в Серебряное Облако уже разок с родителями заглядывала.

Отрава озиралась по сторонам и никак не могла перестать удивляться. Народу в городе была тьма-тьмущая. Большинство прохожих были одеты по той же моде, что и в Тихой Речке: женщины в длинных платьях или рубахах с юбками, а мужчины в похожих рубахах с тканевыми или замшевыми штанами. Но изредка в толпе глаз выцеплял женщин в мужских штанах и мужчин в цветастых шелковых рубахах. Выглядело это забавно и диковинно, и Отрава вспоминала, что это всего лишь первый город на их пути! Дальше будет только интереснее!

В Серебряном Облаке была построена канализация, улицы вымощены гладкими камнями, и присутствовало множество домов в два, три, а то и четыре яруса. Она разглядывала вывески мастерских ремесленников, ювелирных, колдовских, книжных и продуктовых лавок. Теперь Отрава догадалась, почему тихореченских детей никогда сюда не возили – попробуй-ка потом из этого рая назад утащи. Вся эта роскошь бросалась в глаза, но уже из рассказов Лю Отрава знала, что в городах одни проблемы пропадают, но другие появляются, поэтому еще неизвестно, где жить лучше. Например, при таком огромном скоплении народа знать всех в лицо просто невозможно. Кражи или убийства случаются тут куда чаще, чем в глухой деревеньке. Бывает и такое, что проникают сюда лесные разбойники под видом торговцев или странствующих кудесников. И даже усиленный городской гарнизон не может навести полный порядок и отловить всех преступников. Такая вот странность: вроде бы народу много, а чувствуешь себя незащищенным. Ну и, конечно, болезни. Если случится новая эпидемия чумы, то весь город запрут на карантин. Поэтому люди часто предпочитают свободные и открытые поселения, где все живут одной большой семьей,

даже в ущерб комфорту.

Отрава заметила, что и Лю выглядел удивленным. Но причины его состояния были другими – он чуть позже о них рассказал, когда они остались вдвоем. Нанья тут же побежала вниз, чтобы выяснить, когда у них там ужин намечается, ее отлучкой Лю воспользовался, чтобы сказать:

– Най передал сообщение из Столицы. Меня ожидает подарок в замке кровопийц Ронмару, что живут за Красным Листом. Понимаешь, что это значит? Их Величество или Великий Кудесник хотят мне передать какую-то информацию без лишней огласки... Значит, там что-то чрезвычайно важное! Не так уж много семей кровопийц, которым доверяет корона. Ронмару – одна из таких. Будь моя воля, я бы только эти семьи и оставил, а остальных... ну хотя бы выслать куда-нибудь в Каменноземелье.

– Это случайно не тот самый замок, возле которого пропал наследник Кирами? – вспомнила Отрава.

– Да. Нас будто звезды по этому пути ведут. И я теперь не знаю, как будет безопаснее: брать тебя с собой или оставить тут под опекой Ная.

– Я с тобой! – решительно заявила Отрава.

Он подумал, но потом кивнул:

– Хорошо. Мне тоже не хочется тебя оставлять. На такое я бы пошел, только если бы точно знал, где опасности больше.

В огромной столовой посетителей тоже было немного, но очень шумно. Ведь там была Нанья, голос которой звенел на все три яруса:

– Так, Лужица, поторопись, да шлячки мне побольше клади! Когда там уже жаркое подоспеет?

– Ох, Нанька, – смеялась в ответ розовощекая возвращенка. – Ты потерпи, милая, меня токма не съешь!

– Я уже на твои бока аппетитные заглядываюсь! – ответила ей кудесница и повернулась ко входу. – А вот и они! Говорила же, не успеем! И за что тебя, такую нерасторопную, в кухарки приняли?

Но женщина оказалась тоже темпераментной:

– Ты языком-то поосторожнее мели! А то половником получишь, а жаркое – нет.

– Пусть будет милостива ночная звезда к твоим детям, Лужица! – тут же сообразила Нанья. – Лю, Отрава, чего замерли? Проходите, гости дорогие, усаживайтесь, сейчас мы с лучшим поваром Серебряного Облака вас накормим!

Най тоже к ним присоединился и, не понимая, что от Наньи следует скрывать подробности, принялся обсуждать с Лю детали их последнего разговора:

– Там, по дороге до Красного Листа, банда разбойничья разрослась. Мы к караванам отряд прикрепляем, но чтобы полностью лес расчистить, нужны совсем другие силы. Уже который раз посылаем в Столицу запрос, но пока молчат. Десять тысяч лет так и молчат... Тебе ребят пять в сопровождение сможем выделить.

– Най, – Лю задумался. – Ты ведь знаешь про дело Кирами? Какова вероятность, что младенчика их тысячетлетнего на самом деле разбойники поймали? Держат у себя или убили.

Тот задумчиво чесал макушку:

– А вот не знаю. С одной стороны, огромная. Одинокому путнику там делать нечего, а от него еще, наверное, на всю округу золотом несло. Но с другой стороны... они что, полные идиоты? Нападать на кровопийцу – он же у них человек пятьдесят положит, пока они до него доберутся – не слишком выгодная сделка, даже если он битком по горло золотом набит. Опять же, с третьей стороны, куда ему еще было деваться – из Красного Листа выехал, а до нас не доехал. Дорога-то одна. Если он коня только сам не сожрал, а потом от стыда за содеянное не свернул в кусты.

Лю усмехнулся и выложил результаты своих размышлений:

– Разбойники могли напасть на кровопийцу только в одном случае...

– Если у них есть сильнейшие кудесники, – сразу понял Най. – Скорее всего. Но тогда бы они нападали и на наши отряды. Возможно, это вопрос времени... голодные тут края, от такого и добряк озверееет.

– Вы пытались его искать? – поинтересовалась Отрава.

Най улыбнулся сначала, потом кивнул:

– По заявлению родителей мы были обязаны, поэтому прошли весь путь и свидетелей в Красном Листе опросили. Но идти в леса ради спасения кровопийцы... уволь.

Отрава и с ним на эту тему спорить не стала – если Лю говорит, что любой кровопийца потенциальный преступник, значит, так и есть. Да и мать его, скорее всего, ошибается, и он уже мертв. Если бы сына Кирами захватили живым, то уже давно бы выставили требования о выкупе.

– Так мы идем в Красный Лист? Зачем?! – про присутствие Наньи все забыли.

– Нет же, – без раздумий ответил ей Най. – В замок кровопийц, чуть дальше.

– Зачем?!

– Так... подарок...

Най замолчал, наконец-то почувствовав напряжение, но Лю тут же подхватил тему:

– Нанья, мы с Отравой должны отправиться туда, но ты оставайся, дождись каравана или нас...

– Ну уж нет! – она вскочила на ноги. – Мы же с вами не разлей вода! Куда вы, туда и я!

Отрава подозревала, что та скажет именно так – Нанья была настолько же искренней в своих порывах, как и прямолинейной в грубостях. Но все же напонила:

– А как же твоя Школа Высокого Колдовства?

Но Нанья только рукой махнула:

– Моя Школа никуда не денется! Стояла десять тысяч лет в ожидании меня и еще немного подождет. А я без друзей никуда не пойду. Вдруг в беду попадете, а меня поблизости не окажется? Что вы без моих огненных шаров делать будете, если разбойники вас перехватят?

Слова кудесницы заставили Отраву устыдиться. Неужели она в действительности хотела отделаться от Наньи? Да никакой дурной характер не перекрывает такой преданности и взаимовыручки. Правда, Нанья героем выглядела только в такой спокойной компании и с набитым ртом, но в случае малейшей опасности тут же сжималась до размеров дикого зайца. Но даже если Лю будет против компании Наньи, то Отрава его уговорит!

От переизбытка впечатлений Отрава снова никак не могла уснуть. К тому же ей было непривычно спать в одиночестве – дома она делила большую спальню со всеми сестрами, в походе тоже одна не оставалась. А теперь почему-то казалось, что в темное окно непременно кто-нибудь заглянет – голодный кровопийца или разбойник, тайком пробравшийся в город. И даже мысль о том, что комната ее располагается на третьем ярусе, не помогала.

Чтобы успокоиться, она встала и подошла к окну. Ночная звезда уже давно сияла в небе, будто нехотя роняя тусклый свет на широкие улицы, которые даже в такой час не опустели окончательно. Вон там, похоже, располагается трактир или лавка, где продают заговоренную лишай-траву. Оттуда выходят пьяные гуляки, которые поют и громко смеются. В большинстве мужчины. Но женские голоса тоже слышны – вот тут, гораздо ближе. Отрава могла только предполагать, что совсем рядом с заезжим домом находится то самое место, о котором в Тихой Речке сплетничала молодежь. Якобы там женщины предоставляют услуги жены на одну ночь за деньги. Они даже могут выходить на улицу в короткой нижней юбке, чтобы привлечь мужское внимание. Отрава ничего не могла разглядеть, но звонкий женский смех подтверждал ее подозрения.

Она не знала, как к этому относиться. Девчонки в деревне брезгливо

кривились от рассказов о таких женщинах – даже те, кто бесплатно успели побывать женой на одну ночь. Ведь это было по любви, а значит, не постыдно. Парни чаще заметно смущались, но все равно постоянно поднимали эту тему, желая узнать еще хоть какие-нибудь подробности. Отраве же казалось, что судить этих женщин огульно нельзя, для начала разобраться бы. А если деньги им предложит отвратительный старик? А если разбойник? А если кудесник или возвращенец, которого дома ждет жена и куча детей? Задают ли они мужчинам такие вопросы? Застрахованы они могут быть только от женатых перевертышей – те, само собой, клятвы, в том числе и верности, нарушать неспособны. Кровопийцы же вообще ни на кого, кроме представителей своей расы, не смотрят. Отрава тихо рассмеялась, представив, какой визг бы поднялся, заявись в это пристанище одноночной любви кровопийца. И тут же стало понятно – нет, эти женщины точно имеют возможность выбирать. Они никогда бы не пошли на такую работу, если бы у них не оставалось возможности в каком-то вопиющем случае отказаться ее выполнять.

Поэтому она решила, что постарается их не осуждать. Это ведь добровольно. Однако говорят, в Правоморье, где до сих пор существует рабство, к такой работе могут и принуждать. Вот от этой мысли волосы вставали дыбом.

Пусть живут своей жизнью, а она будет жить своей – и полностью ее любовь получит только законный муж. А эти дамы ее не волнуют... но как же любопытно узнать, выходят ли они на улицу в нижних юбках!

Она посмотрела на темное небо, и вдруг ее будто дернуло изнутри – надо пойти поговорить с Лю. Ночная звезда уже поднялась, он не будет агрессивным, если разбудить. А ей... что же ей так срочно от него могло понадобиться? Ну, например, разузнать о его предположениях, что же в замке Ронмару их ждет. Или... не против ли он, что Нанья к ним присоединится? Или... может, сказать, что ей страшно одной? Немного по-детски, но Отраве до жути захотелось к нему пойти и хоть о чем-нибудь спросить!

Оделась и вышла в коридор. Внизу разговаривали – это кто же в такое время не спит? Она тихонько, на цыпочках, покралась по коридору, сильно переживая, что ее тут увидят. Ведь свидетель не будет знать, что она об очень важных вещах спросить хочет! Подумает еще про нее...

Отрава остановилась перед дверью. И замерла, будто в другого человека прямо тут, не умерев, перерождалась. Ей казалось, что прошла целая вечность, но она никак не могла заставить себя вернуться в свою комнату.

Лю был не один. И женские стоны не оставляли сомнений, в каком мероприятии он коротает ночь. Девушка звала его по имени. Девушка смеялась... задыхалась... и снова звала по имени.

А Отраву словно звездой огрело. С чего она решила, что нравится ему? Почему – дура, дура, дура! – позволила себе о нем думать? И под эти разрывающие разум звуки ей удавалось лишь вспоминать: Лю был очень мил с ней, всегда вежлив, всегда улыбчив и разговорчив. Он умер бы за нее, потому что взял на себя такое обязательство. И на этом все! Ведь улыбчивым и разговорчивым он был и с Наньей, которая даже не скрывала симпатии к нему... Нанья. Там, с ним, была Нанья.

– Эй!

Отрава вздрогнула всем телом и резко повернулась. Нанья выглядывала из своей комнаты и звала ее! На фоне всего бардака, который воцарился внутри, это понимание вдруг показалось настоящим праздником. Поэтому Отрава направилась к той и кое-как удержалась от объятий.

– Заходи, ядовитая моя. Ты чего не спишь? – неожиданно тихо и почти ласково спросила Нанья.

Отрава не ответила. И вдруг сама Нанья обняла ее:

– Ладно, подруга, не горюй. Ты еще совсем наивная и некоторых вещей о мужчинах не знаешь. Но я еще вечером видела, как он с одной блондинкой из борделя говорил – видать, чтоб зашла к нему после восхода ночной звезды. Лю у нас молодой, горячий, постоянно в каких-то заботах и своих думах... и он бы просто спятил, если бы не позволял себе хоть иногда расслабиться! Подрастешь – поймешь.

Отрава оторвалась от нее и неловко улыбнулась. Нанья утешала ее, а она на самом деле повела себя глупо. Кудесница же, увидев эту реакцию, вдруг отступила, уперла руки в бока и зло прищурилась:

– Но я очень зла на вас обоих! Зачем мне врали? Никакая ты ему не невеста – теперь это и темному хряку ясно!

– Нанья... – Отрава и не подумала, что именно это сейчас кудесница воспримет как самое важное. – Ты права... Но... Мы не могли... Там столько всего...

– Я тебе прямо сейчас уши драть не буду! Вижу же, что он тебе нравился, и ты сама не своя... Но потом все из вас вытрясу, ясно? Между друзьями не бывает секретов! – она шептала, но при этом умудрялась на каждой фразе повышать тон. – Ну это надо же, а! Как будто я кому-то раскрою ваши никому не нужные секретки! Вы меня на дороге нашли, накормили, пошли за меня заступаться – даже Най после сегодняшнего рассказа Лю призадумался, и теперь тех кровопийц проверят как следует! И

вы думали, что Нанья из болотных после такого друзей предаст? А теперь марш спать, пока я тебе огненным шаром не зарядила!

Отрава продолжала стоять перед ней и глупо улыбаться. Они знакомы четыре дня, но почему-то и сама она теперь твердо понимала: Нанья им друг, который собирается оставаться на их стороне, даже если гнать ее станут. Их? Отрава вспомнила про Лю, и веселье как рукой сняло.

В своей комнате она закуталась в одеяло и зажмурилась. Она еще недавно не представляла, насколько далеко зашла в своих мечтах – вот только такие события и расставляют окончательно все на свои места. Лю ей нравился и очень сильно. Но она никогда не нравилась ему в том же смысле. Если бы он не был перевертышем, то надежда еще могла оставаться. Однако в их случае все предельно ясно – ни один перевертыш не идет на сделки с совестью, ни один не потащит женщину в постель, если в его сердце уже есть другая.

Эпизод 5. Кровопийцы Ронмару

До замка Ронмару они добрались без происшествий. Путь занял всего день, потому что сопровождали их перевертыши. Нанья и Отрава ехали верхом да с ветерком, а то при скорости последней они плелись бы в десять раз дольше.

Как же Отрава радовалась, что с ними были ребята из городской стражи! И далеко не только из-за удобства и безопасности. Благодаря их присутствию, было незаметно, что она почти не обращается к Лю при разговоре и избегает прямых взглядов. Ей вдруг стало это сложно. Но она всеми силами пыталась перенастроиться: убеждала себя, что Лю просто стал первым особенным парнем в ее жизни, поэтому и вызвал в ней такие теперь ненужные эмоции. Другие из отряда тоже были вежливы, доброжелательны и весьма симпатичны, но Отрава даже сравнивать их с Лю не могла.

Нанья же наслаждалась по полной, ни в чем себе не отказывая. Она открыто флиртовала со всеми по очереди, за исключением только Ная и Зо, у которых в городе остались любимые. Казалось, если их путешествие продлилось бы дольше, то Нанья уже до приезда в замок Ронмару обзавелась бы собственным перевертышем. Но это было возможно в том случае, если бы Нанья определилась и смотрела только на одного. Видимо, ей просто нравилось получать горящие взгляды, но ничего на самом деле серьезного она не планировала.

Однажды Отрава попыталась, подобно Нанье, спокойно наблюдать, как перевертыши раздеваются, чтобы принять собачий или волчий облик, но не выдержала и все же отвернулась. Хотя парни даже не думали стесняться – выяснилось, что и в Серебряном Облаке это считалось естественным процессом, которому никто не придавал важности. Заметив ее смущение, Зо, спокойный и рассудительный по натуре, объяснил:

– Значение имеет только то, чему придают значение. Если бы в городе мы каждый раз, когда обнаружен разбойник или другой преступник, сначала бежали в дом, чтобы там перевернуться, то это никому бы не помогло. И потому все, прямо с детства, привыкают, что для нашей расы это нормально и никакой интимности не несет. Женщины наши, правда, предпочитают укрываться, но они в страже и не служат.

Отрава от этого объяснения стушеввалась окончательно – будто она тут единственная отсталая, как темный хряк, в цивилизацию попавший. И все

равно не могла не отворачиваться – на искоренение старых привычек и привитие новых всегда требуется время.

Еще в Серебряном Облаке она попыталась принять помощь другого перевертыша, чтобы оказаться подальше от Лю, пока не привыкнет к омерзительному чувству неразделенной влюбленности. Но он, предположив, что она просто замешкалась, уже собакой подбежал к ней и привычно припал на передние лапы. И ей пришлось целый день обнимать его за мохнатую шею. На привале он поинтересовался:

– Отрава, почему же ты мне песен не пела?

Она даже в глаза Лю смотреть не могла:

– Так ведь... Нанья трещала сорокой... Какие там песни...

– Это правда, – рассмеялся он. – Но ты иногда пой, под песню легче бежится.

И ей пришлось петь. Лишь бы он ни о чем не догадался.

В Красном Листе они пробыли несколько часов: перекусили, поговорили с местной охраной, но никакой новой информации не получили. Теперь Отрава могла сравнивать – Красный Лист был заметно меньше и тише Серебряного Облака, а стены были гораздо выше – тут уже разбойников опасались сильнее. Оставалось только удивляться, почему Их Величество никак не находит времени, чтобы уделить внимание этому району. Ведь мог же выслать сюда целую армию перевертышей, чтобы порядок навели! Красный Лист специализировался на добыче древесины и изготовлении предметов из нее. На работников разбойники не нападали – с тех брать нечего, но вот огромные торговые караваны с тяжелыми груженными повозками постоянно находились под угрозой. Купцам приходилось самим нанимать перевертышей для таких переходов – они-то не могли быстро по дороге промчат на собачьих лапах. И раз они несли дополнительные затраты, то просто перекладывали их на работяг – покупали древесину дешевле. А те и возразить не могли, ведь тоже положение дел своими глазами видели. Вот и выходило, что теряли все, кроме разбойников... и Их Величества.

Замок располагался в часе езды от Красного Листа. Видимо, эти кровопийцы сразу были лояльны к действующей власти, раз город потом построили так близко к их замку. И тут вокруг не было крестьянских полей – или разбойники не давали такой свободы, или Ронмару нашли другой способ заработка. Скорее всего, просто получали золото из столичной казны. За такие вот мелкие услуги в том числе.

Само древнее строение походило на замок Кирами, даже скопившейся над ним тучей. Наверное, тот же самый кудесник уют обустроивал.

Перевертыши из охраны, услышав имя Лю, тут же открыли ворота – их ждали. Всех, кроме Отравы и Лю, пригласили отобедать. Нанья так обрадовалась скорой трапезе, что позабыла о своем любопытстве. Она наверняка тут еще и кровь успеет сдать: ну, а что, пять золотых лишними не бывают! Но только после того, как поест. А потом поест еще раз, чтобы слабости не приключилось. А потом, быть может, снова сдаст кровь. Как будто десять золотых бывают лишними! И снова поест. И так, пока не выгонят. Об этом плане весь отряд был осведомлен раз сто. Но выстраивать Нанья его начала после того, как у каждого по сто раз уточнила, что эти кровопийцы ее точно не обидят.

Отраву и Лю сопроводили в гостиную, обитую темно-зеленым бархатом. И сложно было сказать, в каком цвете чувствуешь себя более неуютно. Супруги Ронмару были такими же худыми и длинными, а их волосы – тоже светлые, но другого оттенка, чем у Кирами – у обоих были абсолютно одинакового цвета. В их прямых, будто утюгом выглаженных, прядях светилось золото, в отличие от серебра Кирами.

– Приветствуем вас обоих, – монотонно начал господин, его супруга медленно кивнула – словно согласилась с его словами, но не собиралась ради такой ерунды открывать рот.

– Да будет ласкова ночная звезда к вашим детям! – на этот раз Отрава не чувствовала неловкости, проявляя доброжелательность.

– Благодарим тебя, Отрава, – с кровопийцами общаться в некотором смысле проще – полное отсутствие реакции на ее имя, как и на все прочее. – И к твоим пусть будет ласкова, когда они у тебя появятся.

– Ну все. Поболтали и хватит, – ледяным голосом затянула госпожа. – Пора к делам.

Они передали Лю конверт – без гербовой печати и весьма дешевый на вид – и молча удалились из гостиной. Отрава сгорала от любопытства и едва не вскрикнула, когда Лю из конверта достал чистый лист. Но он сразу шагнул к свече и развернул бумагу над пламенем. Постепенно на ней проступали коричневые буквы, которые становились все ярче.

– Молоко, – пояснил Лю. – Не слишком серьезный способ защиты, но если бы письмо перехватили мелкие воришки, то вряд ли бы догадались. Хотя торговцы так часто делают – боятся конкурентов. Очень ненадежная страховка, если учесть, что и их конкуренты тоже пишут записки молоком. Так что это уже давно перестало быть шифровкой, скорее традиционный признак торговой переписки.

Он, прочитав, тут же передал лист Отраве.

«Дорогой Лю! Если тебе удалось выполнить мою просьбу, то спешу

предостеречь – заячьи шкуры упали в цене, поэтому доставлять такую большую партию в Столицу прямо сейчас бессмысленно, мы больше потеряем. Очень жду встречи с тобой, но понимаю, почему ты решил подольше погостить у наших общих друзей. В.К.»

– Нам не стоит сейчас ехать в Столицу? – догадалась Отрава.

Лю был серьезен:

– Это точно. Распоряжение остаться в замке Ронмару на неопределенный срок. И это может означать только одно – Великий Кудесник подозревает, что о тебе узнали враги.

Выяснилось, что хозяева тоже были предупреждены другой запиской, что гости задержатся у них. И в этом случае было только на руку, что их реакцию на распоряжение сверху уловить было невозможно. Лучше уж жить в счастливом неведении, чем знать наверняка, что их вынужденное присутствие в тягость.

Отряд перевертышей этим же вечером отправился обратно, и Нанья наотрез отказалась к ним присоединиться:

– У меня мурашки по коже от кровопийц! Вот честно-честно, потрогай, ядовитая моя! Как говорящие трупы, в самом деле! Но когда еще получится пожить в таких хоромах? Так что, куда вы, туда и я. Точка.

Кровопийц было сложно назвать приветливыми. Но и негостеприимными они тоже не выглядели. Нанья в своей грубой манере охарактеризовала их максимально точно. Но надо отдать им должное, они всячески старались хотя бы какие-то признаки доброжелательности проявлять. Например, присоединились к гостям во время вечерней трапезы. Сами, конечно, к еде не притрагивались, но хотя бы «радовали» своим мертвецким присутствием и даже на вопросы отвечали:

– Да, милая Нанья, у нас двое детей – прекрасные сын и дочь. Но мы не стали их будить к столу. Лионесса и Лион проспят до следующей недели, если не проголодаются раньше. Сон полезен для здоровья.

– Ого! – изумилась Нанья. – В здоровом теле здоровый дух? Или что там у вас... В общем, пусть спят, нам они без надобности! А у вас красивый дом! Нет, тут, конечно, как на кладбище себя чувствуешь, но вам-то это, наверное, комплимент? Натуральный склад серебра! Я вот только ту страшную картину с изображением пыточной, что на втором ярусе висит, куда-нибудь подальше бы спрятала – честное слово, та еще мерзость! Даже хуже ваших портретов! В жизни вы намного... живее выглядите. А там прямо как два трупа, если их лет через десять откопать.

– Большое спасибо, Нанья, – ответила ей госпожа. – Эти шедевры нарисовала наша дочь. Она, как ты верно заметила, очень талантлива. И

если тебе в самом деле так у нас хорошо, то прими наше приглашение остаться тут... навсегда.

Отрава четко расслышала, как при последнем слове где-то далеко звякнули траурные колокольчики. Хотя кровопийца предложила это от чистого... что у них там вместо сердца? Их, по всей видимости, характер кудесницы совсем не раздражал. Или вкус ее крови перекрывал любые недостатки? Кровь с примесью магии ценилась кровопийцами превыше всех прочих, а такая здоровая и энергичная девушка вполне способна протянуть и десятилетия, если ее правильно содержать. Конечно, Нанья сразу сжалась, словно те же самые колокольчики расслышала:

– Благодарю, конечно, это для меня... честь! Но не такая уж и честь, если подумать хорошенько. Я же собираюсь поступать в Школу Высокого Колдовства – можете не верить, но дар у меня очень сильный!

– Отчего же не верим? – господин тоже взгляда от Наньи не отрывал. – Так и есть. Ты пахнешь магией сильнее, чем все, кого мы до тебя раньше встречали.

– А вот нюхать меня не надо! – Нанья отчего-то комплименту не обрадовалась. – И... лучше вообще на меня так не смотрите! А то мне от ваших взглядов сразу к мамане вернуться захотелось!

– Вы все равно тут надолго, – успокоила то ли ее, то ли себя госпожа. – Может, и передумаешь. И если передумаешь, обещаю, нам будет очень весело.

У Наньи задергался глаз. Отрава решила, что пора менять тему, пока кудесница прямо посреди ночи не сорвалась к своей мамане:

– У вас есть предположения, куда пропал наследник Кирами? Неужели разбойники рискнули напасть на кровопийцу?

И ей тоже стало не по себе, когда две пары безразличных глаз уставились на нее.

– К сожалению, не знаем. Но мать Кристофера жаль до слез. Бедняжка убивается. Мы полагаем, что разбойники тут не причем. Кристофер сбежал, чтобы на нашей Лионессе не жениться. Было заметно, что он к ней холоден. Если Кристофер не вернется, то нам придется Лионессу за ее брата выдавать. Свадьба в два раза дешевле обойдется, потому что родня будет только с одной стороны.

– А! – сообразила Отрава, которая успела внутренне содрогнуться и остановить себя от осуждения. – Так вот почему вы так похожи! Я еще у Кирами это заметила, и вы тоже – просто как близнецы!

– Не понял, – кажется, взгляд господина стал еще более ледяным, если это вообще возможно.

– Ну... Если вы брат и сестра, которые потом женились, тогда...

– Что ты несешь? Это была шутка. И довольно смешная. Ха. Ха. Сложно общаться с людьми, не имеющими чувства юмора. Супруги-кровопийцы становятся похожими друг на друга, потому что тысячелетиями живут рядом. Попробуй с кем-то прожить десять тысяч лет – узнаешь сама. Это тоже была шутка. Но чуть менее смешная.

Отрава была готова от стыда под стол залезть.

Им выделили две спальни на троих, каждая из которых размером превышала родной дом в Тихой Речке. На огромной кровати с тяжелыми балдахинами могли уместиться не только Отрава с Наньей, но и весь гарнизон Серебряного Облака. Никто бы и не возражал, если бы тут оказался весь гарнизон – возможно, стало бы хоть чуть-чуть уютнее. Но девушки перед сном договорились не придавать значения атмосфере – так только хуже становится. Возможно, им придется жить тут несколько месяцев, а значит, надо привыкать. А еще Отрава честно рассказала Нанье правду об их путешествии. Та сначала не поверила, потом удивилась, а потом и долго размышляла вслух:

– Я как чувствовала, что с тобой не пропаду! Тебя будут держать на шелковых подушках и кормить виноградом, ну а я, как твоя самая близкая подруга, заполучу все нужные связи в Столице! Ты, главное, не умри. Ладно бы Их Величество, так ведь и я пострадаю!

Завтракали они в одиночестве – теперь и господа улеглись спать. Гости понадеялись, что тоже на пару недель. И без того тяжелая обстановка становилась невыносимо тяжелой в присутствии хозяев-весельчаков.

А втроем даже дышать стало легче. Отрава, до сих пор чувствуя смущение в присутствии Лю, все же заставляла себя задавать вопросы о его размышлениях и планах, чтобы поддерживать видимость непринужденной болтовни. А он отвечал ей с улыбкой. И только Нанья выглядела непривычно задумчивой. Она долго не сводила с Отравы глаз, а потом перебила ту прямо посередине фразы:

– Свечка... Точно свечка.

– Ты о чем? – тут же стал серьезным Лю.

– На нашей ядовитой подружке поставлена свечка. Вон, прямо в волосах торчит! – она вскочила на ноги и подбежала к Отраве, вглядываясь еще пристальнее. – Свечка – это что-то наподобие нити, которая мысленно соединяет искомого человека и кудесника. Заклинание, показывающее, где именно находится...

– Что?! – Лю даже побледнел. – Я знаю про свечки! Кто мог ее поставить? Когда? Как?

– Вчера еще не было, – уверенно ответила Нанья. – Может быть, твой Великий Кудесник, чтобы приглядывать за Отравой?

Отрава не шевелилась, но тут же пояснила, боясь, что он разозлится:

– Я ей все рассказала, Лю. Извини, что не спросила твоего мнения, но решила...

Но ему и дела до того не было:

– Нет, Нанья, это не Великий Кудесник! Совершенно точно! Ведь он тогда про эти свечи мне и рассказывал. Говорил, что мог бы сам разыскать Отраву этим заклинанием, но вынужден послать меня. Потому что любой сильный кудесник чужую свечку на ней заметил бы! Нельзя было привлекать к ней внимания, и сейчас тем более нельзя! – он метался туда-сюда, даже не пытаясь скрыть паники. – Кто же это сделал? Нанья... Наньичка, можешь убрать?

Отрава и сама забеспокоилась, впервые увидев его в таком тревожном состоянии.

– Это без проблем, – ответила кудесница и просто махнула рукой над головой Отравы. – Все, теперь нет. Стряхнуть ее – раз плюнуть, но это место им уже известно.

– Уходим! – перебил Лю. – Бегите в свои комнаты и быстро соберитесь, еду на кухне спросим.

– Может, стоит разбудить хозяев? – Отрава теперь водила ладонью по своим волосам, будто боялась, что там еще что-то осталось.

– Нет! – неожиданно заявила Нанья. – Слишком сильное колдовство эти ваши свечи. Это или кудесник уровня нашего Великого, или ему помогали с этой стороны...

– Собираемся еще быстрее, пока они спят!

Перевертыши на воротах были очень удивлены:

– Куда же вы? А почему господа не вышли вас проводить? Или вы обокрасть их решили?!

– Нет. Мы не взяли ничего, кроме еды, которую нам дали на кухне, – этого объяснения от Лю охране было достаточно. – Просто у нас возникли неотложные дела.

– Все равно подождите! – один из охранников продолжал хмуриться. –

Слишком опасно! Давайте мы хотя бы отряд соберем, чтобы вас проводить, или коней дадим... Я сейчас быстро у господина спрошу...

– Не надо, спасибо, мы доберемся.

Удерживать их силой растерявшаяся охрана не собиралась – приказа такого не поступало. Но едва кованые ворота за их спинами захлопнулись, как пришлось подумать о дальнейшем:

– Какова вероятность, что разбойники нас просто не заметят? – Нанья почему-то шептала. Она, когда сильно боялась, менялась на глазах.

– Нет такой вероятности, если пойдем по дороге, – ответил Лю. – Они за нами следили, когда мы сюда бежали, просто нападать не стали.

– И... что же делать? – Отрава заразилась страхом Наньи.

Лю остановился.

– Предлагаю идти через лес, крюком мимо Красного Листа. Будет сложнее, но так хотя бы появится шанс. Они не могут контролировать все, поэтому тщательно смотрят только за дорогой. Дальше. В случае нападения я сразу обращаюсь, поэтому они переключатся на меня, как на самого сильного. Нанья, ты встаешь перед Отравой и своими огненными шарами отгоняешь любого, кто к вам приблизится. Ясно? Если будут стрелять из луков, то не пытайтесь бежать – наоборот, замрите. Им невыгодно нас убивать, но по движущейся цели можно случайно и попасть. Отрава, возьми нож.

Звезды были не на их стороне. Они пытались очень тихо перемещаться сквозь густые заросли, но Отрава всех задерживала – она просто не могла бежать слишком долго. Тогда Лю перевернулся собакой, но передвигался довольно медленно, чтобы Нанья успевала. Та совсем не жаловалась. Да они вообще за несколько часов ни единого слова не произнесли.

Лю вдруг остановился, прислушиваясь, а потом ткнул носом уже порядком уставшую Нанью. Та, поняв его намерения, тоже вскарабкалась к нему на спину, чтобы побыстрее миновать это место. Но звуки в стороне были теперь слышны и им. Их заметили или услышали. Или они случайно задели какую-нибудь сигнальную нить. Справа крики раздавались все отчетливее, а Лю с удвоенной ношей не мог бежать быстрее. Он рванул влево и вылетел на поляну, но и впереди уже виднелись фигуры. Проскочить всем троим не удастся.

Поняв, что они в ловушке, Лю остановился. Девушки прыгнули на землю. Отрава сжимала в руке нож, Нанья же к этому моменту едва стояла на ногах от страха.

– Нанья, подруга, мы справимся! – Отрава не узнала свой голос. – Мы справимся!

Она и сама в это верила, потому говорила так решительно. В такие моменты иного выхода нет, кроме как верить в себя и друзей. Поэтому сразу успокоилась и отыскала в себе силы удивиться, заметив, как Лю снова переворачивается – из большой черной собаки он превращался в другое существо: шерсть будто вращалась обратно в его тело, оголяя кожу, которая тоже менялась за считанные мгновения: сначала стала более

блестящей, а потом от шеи полезли наружу длинные шипы. Пасть уже ничем не напоминала собачью – таких клыков Отрава даже в книгах про диковинных зверей не видала. И сначала ей показалось, что такое устрашающее существо способно победить любое количество врагов...

Так она думала, пока не увидела, как из зарослей выходит десяток почти таких же. А за ними возвращенцы и кудесники. Последние тянули вперед руки – они создавали стену, через которую не пробьешься. Пара десятков человек, если не считать перевертышей.

– Здрасьте, гости дорогие! – весело обратился к ним возвращенец, вышедший вперед. – Смотрю, вы неместные, поэтому проводим вас к Главе – наидобрейшему человеку, который ни одного путника в беде не оставляет.

– Послушайте! – голос Отравы дрожал, но она старалась говорить уверенно и громко. – Мы отдадим вам все золото, что у нас есть!

– Конечно, отдадите, малышка, в этом мы и не сомневались! – за его спиной раздался смех. – Но вряд ли у вас с собой достаточно, чтобы мы были настолько любезны.

– Мы обычные крестьяне, – Отрава ощущала, как Нанья дрожит, хотя даже не смотрела на нее, поэтому говорила еще громче и увереннее. – За нас не дадут большого выкупа. Можете посмотреть наши бумаги.

Тут она соврала. Потому что из бумаги Лю следовало совсем иное. Но ей казалось, что надо начать хоть какие-то переговоры, а потом можно будет придумать, как вытащить и Лю. Или хотя бы организовать его выкуп. Но оказалось, что разбойники думали в прямо противоположном направлении:

– Если перевертыша никто выкупать не станет, то пусть и идет с миром. Мы ж не изверги какие, чтобы бедных крестьян убивать. Мы люди благородные – отбираем только у богатых и отдаем бедным. Себе, в основном. Так что лишай с ним, пусть уходит. А вот рюкзачки с малышками нам останутся, все честь по чести. Уходи, перевертыш, и не оглядывайся.

После этих слов Отрава уже не сомневалась, что добром дело не кончится. Лю зарычал и бросился вперед, но даже до возвращенца добраться не успел – ему тут же наперерез рванули два перевертыша. Одного он прямо в прыжке ухватил за горло, резко и неестественно развернулся и тут же треснул об землю, ломая позвоночник. Повернулся ко второму, который нерешительно замер. Но Лю сам кинулся к нему, вцепился в бок и рванул на себя, выдирая огромный кусок мяса. Перевертыш отлетел в сторону с оглушающим визгом. Остальные

окружали, но теперь каждый боялся выступить первым. Даже Отраве было очевидно, что Лю сильнее и быстрее любого из них. У него морда была уже разодрана шипами первого, но он наверняка успеет перебить еще нескольких, если не всех, пока им удастся его хотя бы заметно ранить.

Это стало понятно и остальным. Кудесники перекидывались командами, но вмешиваться в эту драку боялись – можно и по своим попасть. Они подходили к перевертышам сзади, продолжая держать впереди руки и этим гарантировали, что Лю сбежать уже не сможет, а свои не смогут струсить и сдать назад.

– Нанья, Нанья, соберись! – закричала Отрава. – К нам бегут трое!

Ей показалось, что подруга плачет или вообще не в себе. Кудесница подняла одну руку, сжала в слабый кулак и кинула в первого. Шар приземлился возле его ног, но второй уже угодил прямо в лицо, заставив заорать от боли. Один есть. Неплохо, если бы к ним не бежали остальные.

Отрава встала рядом с Наньей и решительно подняла нож. Она не умела драться, но была намерена стоять до последнего. Нанья никак не могла взять себя в руки, поэтому часто промахивалась – она должна почувствовать, что рядом с ней кто-то есть!

Разбойники тоже моментально оценили ситуацию:

– Кудесницу вычеркиваем! От нее живой больше проблем будет!

Двое тут же вскинули луки. Нанья в панике сначала шарахнулась в сторону, споткнулась, но потом вскинула руки ладонями вперед – точно так же, как это делали другие кудесники. Стрела стукнулась обо что-то невидимое и упала на землю. Нанья тут же швырнула целым залпом сияющих шаров, а потом развернулась и побежала. Она просто кидала шарами себе за спину, даже не поворачиваясь. Когда еще один из преследователей заорал от боли и начал срывать с себя горящую одежду, остальные сбавили скорость. Отрава ошарашено смотрела на удаляющуюся фигуру Наньи и только шептала ее имя.

После того как кудесница ее бросила, разбойникам понадобилось несколько секунд, чтобы выбить у нее из руки оружие, схватить за волосы и прижать нож к горлу. Она закричала от ужаса, не в силах сдержаться, и начала вырываться. Отрава точно знала, что смерти боится меньше, чем того, что с ней сделают, если она выживет. Но Лю, обернувшись на ее крик, сразу замер и выпустил из клыков очередную жертву. Через мгновение перевернулся в человека, встал сначала на колени, а потом на ноги. Перевертыши замерли, не понимая, почему он вдруг сдался, ведь даже не был ранен, а теперь убить его можно было одной стрелой.

– Вот и славненько, – хмуро заключил тот же возвращенец.

Теперь враги не смеялись. Они ведь и предположить не могли, что понесут такие потери: Лю успел убить шестерых перевертышей, а Нанья серьезно обожгла троих возвращенцев, которые теперь корчились на земле. Ближайший кудесник наклонился к тому, которому огненный шар выжег лицо, пригляделся и милосердно перерезал горло, и только потом пошел смотреть на тех, кто кричал тише. Ни один из присутствующих не посчитал этот день удачным.

– Перевертыша убейте, малышку возьмем с собой – ей придется очень потрудиться, чтобы поднять нам настроение.

Отрава перестала вырываться и закричала:

– Нет! Он из столичной стражи, у него высокий ранг! За него дадут мешок золота!

Один из тех, что вытрясали на землю содержимое рюкзаков, поднял бумагу и присвистнул.

– Малышка не врет. Даже, можно сказать, преуменьшает...

Лю шатало, а все лицо было изодрано в кровь. Теперь его нагота, как и нагота переворачивающихся врагов, Отраве была безразлична. Ей все стало безразлично. Страх не может быть бесконечным – когда переходишь через него полностью, то уже все становится неважным. Она даже не вздрогнула, когда Лю заговорил:

– Возвращенку тоже не трогайте. Я, Лю, родившийся в Столице, страж первого ранга, присягнувший лично Их Величеству, клянусь, что за нее дадут в сто раз больше, чем за меня. Клянусь, что если она пострадает от ваших рук, то искать виноватых будет сам Великий Кудесник. Клянусь... нет, я просто в этом уверен, что если с ней что-нибудь случится, то весь этот лес вместе с вами сравняют с землей.

Клятва перевертыша в дополнительных доказательствах не нуждалась. Разбойники только переглядывались, а один даже передал Лю его одежду, которую вытащил из рюкзака – вероятно, на случай, что тот припомнит благодетеля, когда их лес с землей равнять будут. Возвращенец, который до сих пор выступал тут главным, только головой качал:

– Ого, какие ценные путники к нам в гости пожаловали. А настроение, оказывается, поправимая штука!

Эпизод 6. Кристофер Кирами

– Идиоты... Безграмотные, тупые, непроходимые идиоты...

Глава разбойников выглядел скорее уставшим, чем злым. Когда Отраву и Лю притащили в лагерь после нескольких часов пешего похода через лес, то к ним навстречу вышел седовласый возвращенец и еще пара людей. Судя по трепу тех, кто их вел, большая часть разбойников занята патрулем дороги. Неудивительно, что они с таким количеством держат в страхе всю эту огромную территорию. Главарь же их, по всей видимости, постоянно находился в лагере и только контролировал перемещение отрядов. А они тут неплохо обжились: расположились рядом со скальными пещерами, обеспечив себе прикрытие с двух сторон и возможность перезимовать за каменными стенами, а на небольшом лысом пятачке построили хижинки. Присутствовала и пара зданий покрупнее – возможно, склады для награбленного или казематы для пленников, пока ждут выкупа. Практически деревенька! Вот только без полей и овец.

Лю бросили на землю, а Отраве снова приставили к горлу нож, уже поняв, что так перевертыш ведет себя смирно. Повторения кровавой бойни они точно не хотели. Тот, что руководил отрядом, быстро отчитался перед Главой. Но к концу его рассказа старик только головой качал и почти спокойно сыпал проклятия на своих подчиненных:

– Да где же были твои мозги, Песок? Что же ты натворил? Ведь знал же, что перевертыш не врет... Что нам теперь делать?

– А что делать, Глава? – он перекидывался удивленными взглядами со своими друзьями, но и те не знали ответа. – Выкуп брать, что ж еще?

– И кто из вас отправится с требованием во дворец Их Величества? Нет-нет, добровольцы, что же вы стесняетесь? Поднимайте руки.

Добровольцев не нашлось, а Песок теперь говорил гораздо тише и менее уверенно:

– Так... с почтовиком письмом отправим...

– И ты уверен, что они явятся сюда именно с выкупом, а не с чем-нибудь другим? Например, армией.

– Не уверен, Глава...

Песок совсем плечи опустил и выглядел теперь чуть ли не так же плохо, как Лю. А Глава продолжал своим мягким, почти ласковым голосом:

– Отпустить их надо было, просто отпустить... А не хватать кусок, который проглотить не получится. Жадность многих погубила.

– После того, как они столько наших положили? – Песок вскинул голову, но тут же снова потупился. – Не подумал, прости...

– Ты не просто не подумал, ты их в наш лагерь привел. Перевертыша из столичной стражи привел, который своим обязательно теперь доложит. То есть мы и отпустить их не можем, и убить побоимся, потому как... Что там про Великого Кудесника было?

– С землей сравниет, – Песок выглядел все хуже.

– Кудесники, на них нет свечек? – Глава посмотрел в сторону, и там сразу двое уверенно помотали головами. Тогда он тяжело вздохнул, подумал мгновение и решил: – Заприте обоих. Кудесник Лилуш, дважды в день проверяй, не появятся ли свечки. Перевертыша в кандалы, чтоб он нам неприятностей ночью не устроил. И девицу пока не трогайте, тут подумать надобно. Песка повесить во-о-он на той сосенке. Давно там никто не висел, оттого и расслабились... И да, когда вернется Ветер, тоже повесьте, пусть рядышком два идиота и болтаются. Сразу нужно было это сделать, когда он с кровопийцей так же прокололся, сегодняшней ошибки бы уже не повторили.

– Глава!

Но крик возвращенца Песка уже никого не остановил. Отрава даже не стала оборачиваться, когда ее толкали к одному из деревянных сараев. Там ей руки стянули за спиной веревкой, а Лю приковали цепями, перетянув при этом и шею, и живот, чтобы не сумел перевернуться. Он и без того едва на ногах держался, а с такой тяжестью даже пошевелиться не мог. Прислонился к стене, закрыл глаза ненадолго, потом открыл и улыбнулся. От этого вообще умереть захотелось – из-за нее он попал в беду, из-за нее даже драться дальше не мог, а сейчас сидит, морщась от боли, и улыбается ей кровавой улыбкой.

– Ничего, Отрава, ничего. Жаль только, что воды не дали.

Она не стала отвечать – нелепо сейчас произносить слова, которые никаких переживаний не отразят. Отрава просто смотрела на него и думала, что влюблена теперь еще сильнее. И о том, почему это чувство никогда ответа не найдет, даже если они выживут. Потому что он – герой, а она – ничтожество. Еще день назад она этого так отчетливо не видела, но теперь поняла. Даже Нанья, которая их бросила, не была виновата так сильно – она-то сама бежала по лесу, никого не задерживая, она нескольких разбойников изувечила, она сделала в тысячу раз больше, чем Отрава, у которой почти сразу выбили нож... Думать плохо про Нанью не получалось вовсе – та никогда и не скрывала, что не умеет бороться со страхом. Если разбойники ее поймали, то убили на месте. Кудесника с такими

способностями взаперти можно удержать, только залив кипящим свинцом рот. Поэтому Отрава даже надеялась, что подругу просто убили на месте.

– Вот мы его и нашли, – Лю кивнул в сторону. – Ну, привет, Кристофер Кирами.

– И ты будь здоров, перевертыш. Надеюсь, вы знаете много баек, а то тут бывает скучновато.

Отрава из-за смятения в ту сторону еще не смотрела. Кровопийца лежал чуть поодаль, он с трудом поднял голову, а потом сел. Его цепи выглядели еще массивнее, чем у Лю. Он был похож на родителей – такие же тонкие черты лица и белые волосы, только короткие и грязные. И говорил точно так же монотонно. Одежда висела на плечах рваными лоскутами, вся в крови.

Кровопийца заметил ее взгляд:

– Они в меня ножи метают. То ли посмотреть, как быстро заживет, то ли просто боятся, что я заскучаю. Вчера... или на прошлой неделе... отрезали палец – глянуть, отрастет ли новый, – он попытался поднять руку, но потом просто показал взглядом, но Отраве было не рассмотреть.

Ей стало жаль его. Да, кровопийца, но ради чего пленника пытаются две недели?

– Отрос палец-то? – зачем-то спросил Лю.

– Я тебе что, цветочек весенний? – вопросительные интонации в голосе Кристофера можно было только предположить, но не расслышать. – Хряково выглядишь, перевертыш, от твоего вида вся надежда на спасение умирает.

– Меня зовут Отрава, а его – Лю, – сказала Отрава, почувствовав, что в этой ситуации вполне можно оставить в стороне предрассудки. Он последним заявлением обозначил кое-что важное – они или выберутся все вместе, или не выберутся вообще. – Кристофер, почему они не требуют выкуп за тебя?

– Глава их очень осторожен. И не зря. Боится, что моя обрадованная мама может ненароком перебить их всех. А не убивают, потому что я веселый и скрашиваю их унылые вечера.

Лю устало кивнул:

– Разбойники обычно с кровопийцами потому и не связываются. Почему же на тебя напали?

– Все было немного не так, – Отраве показалось, что он улыбается, но когда она посмотрела в его сторону, лицо его оставалось таким же каменным. – Я расскажу. Все равно тут делать больше нечего. Еду я, значит, из Красного Листа, дождь, сыро. Прекрасная погода, поэтому не

спешу. Накинул плащ с капюшоном. И догоняет меня бедняк какой-то, возвращенец. На старой кляче. Сначала окликнул, чтоб вместе ехать, а потом, как лицо мое увидел, стушевался и вперед рванул, – Кристофер говорил медленно, иногда делая слишком длинные паузы между словами, наверное, от бессилия. И Отраве очень сложно было воспринимать его рассказ из-за отсутствия интонаций. – То есть меня он боялся больше, чем разбойников. Это называется расизм, если вы не знаете. И так мне неприятно от этой мысли стало, да еще и погода чудесная... В общем, догнал его, хотел объяснить, что расистом быть некрасиво.

– Убил? – спросил Лю.

– Убил, – без пререканий согласился Кристофер. От этого признания чувство единства у Отравы сразу пропало. – Он уже трепыхаться перестал, а я ничего вокруг не видел. Увлёкся. В меня восемнадцать стрел попало до того, как я выпрямился. Все равно убил немало, но сознание потом все-таки потерял. Очнулся уже тут.

– Выходит, ты сам виноват! – не удержалась Отрава, проклиная себя за то, что еще минуту назад его жалела.

– В чем? В убийстве? – он будто и правда не понимал. – Тот возвращенец в одиночку все равно бы не добрался, как пить дать. Кстати, про пить – они меня ни разу и не кормили.

– А чем они тебя должны были кормить? – Лю нашел в себе силы тихо рассмеяться. – Собой?

Но кровопийца на его сарказм внимания не обратил:

– Я умру скоро. Неделя – это максимум. На ноги уже встать не смогу. Если вас взяли для выкупа, и вы выживете, отправьте с почтовиком записку в замок Кирами. Пусть мать больше не ждет. Обещай, перевертыш.

Лю поморщился, но, видимо, решил, что такую мелкую услугу даже убийце можно оказать:

– Обещаю.

– Славно. Или у нас всех троих есть другой вариант. Возвращенка, если ты подползешь ко мне и подставишь шею, то уже через полчаса мы будем свободны.

Лю покачал головой:

– Не слушай его, Отрава. Он-то, конечно, выберется, но нас вытаскивать не станет. А тебя при этом убьет – представляешь, какой он сейчас голодный?

– Я смотрю, ты тоже расист, – с тем же равнодушием заключил Кристофер.

Отрава сначала бросила на него брезгливый взгляд, но потом

посмотрела на Лю:

– Я привязана к столбу сзади. Поэтому даже если б захотела, то не смогла.

– Еще одна надежда хрякнулась, – отозвался кровопийца. – У меня какая-то черная полоса началась.

Больше они не разговаривали. Обсуждать при постороннем свои дела или переживания не хотелось. Да и отсутствие воды сказывалось – во рту уже и без того пересохло, на болтовню сил не находилось. К ним так никто и не заходил – заглядывали только иногда в окно, проверяли, но больше ничего не делали. Наверное, стоило радоваться хотя бы этому.

Но к вечеру все же зашел молчаливый охранник. Внимательно на всех посмотрел, подергал цепи Лю, а потом подошел к кровопийце и воткнул ему стрелу в основание шеи. Кристофер при этом не произнес ни звука, только глаза на пару мгновений закрыл.

– Доброй ночи, гости дорогие, – сказал охранник напоследок, а потом вышел и запер дверь.

Едва стемнело, Лю улегся на бок и почти сразу уснул. Восходящая ночная звезда давала совсем мало света – кровопийцу разглядеть теперь было невозможно. Отрава видела только, что он сидит в той же позе. Она же никак не могла задремать: стянутые запястья ныли невыносимо, хотелось пить и есть. Но Отрава глупо думала только о том, как будет справлять нужду, ведь рано или поздно терпеть не сможет. Ей грозила смерть, возможно, пытки или изнасилование, а она могла думать только о том, что рано или поздно захочет в туалет. Как необъяснимо глупо себя чувствуешь, когда мелкие потребности тела становятся чуть ли не важнее всего.

Она вздрогнула, почувствовав движение на отеках руках. Потом, замерев, ощутила, как веревка дернулась, причинив невыносимую боль опухшей коже.

– Возвращенка, – позвал кровопийца из темноты. – Почему твое сердце вдруг заколотилось? Что случилось?

Отрава, вместо ответа, подняла освободившиеся от пут руки и принялась растирать затекшие запястья, сама еще не понимая, что произошло.

– Ха. Вот это сюрприз. Почему же вы сразу не сказали, что привели с собой кудесника?

Точно, это Нанья! Она не бросила их! Она жива! И сейчас, наверное, вся трясется от ужаса, прошептав заклинание. Она должна быть где-то неподалеку, но вряд ли сможет в одиночку справиться со всеми

разбойниками или заклинанием разбить железные кандалы Лю. Отрава встала на четвереньки, а потом на трясущиеся ноги.

– И вот теперь у тебя есть выбор, возвращенка. Если я буду сыт, то смогу освободиться, и твоего дружка спасу – их цепи не рассчитаны на кровопийц. Обещаю, что постараюсь тебя не убить.

Он говорил очень тихо, поэтому Лю не проснулся – на восходе ночной звезды перевертыши обычно крепко спят, да еще и раны с изнеможением сказались. Отрава смотрела на него совсем недолго. Какой тут выбор? Если есть хоть один шанс, чтобы он выжил, то разве она имеет право выбирать?

Она решительно шагнула к кровопийце, села перед ним на колени, выдернула стрелу из его шеи, наклонила голову набок и убрала волосы.

– Смелая возвращенка, – теперь он шептал, но точно так же монотонно. – Но давай-ка поближе, я сейчас не слишком способен на ухаживания за едой.

Отрава только теперь ощутила, насколько сильно боялась. Она, наоборот, отодвинулась, но потом заставила себя протянуть к нему руку. Кровопийца вцепился в запястье сразу, стало невыносимо больно, будто руку кипятком обожгло. Она стиснула зубы, чтобы не закричать. Но все равно долго выдержать не смогла – ударила его по лицу и тут же выдернула руку. Задышавшись и уже трясаясь всем телом, напонила себе о ставках.

– Сейчас... сейчас... – она убеждала скорее себя, чем его.

Но Кристофер теперь с легкостью рванул вперед, словно на его руках не было неподъемных цепей, схватил сам и вгрызся в то же место. Отрава вскрикнула. Позади звякнули цепи.

– Что ты творишь, ублюдок? – заорал Лю. – Я тебя сейчас на куски разорву! А ты, гадюка, куда полезла?! Я тебя разве не предупреждал?! Тупая Отрава, как ты смеешь свою бесценную жизнь отдавать какому-то полумертвому уроду?

У него даже нашлись силы, чтобы вскочить на ноги, а звон цепей только добавлял шума. Кровопийца оттолкнул от себя Отраву.

– Как не вовремя сегодня ночная звезда поднимается.

Он легко встал, ухватил зубами за железное кольцо вокруг своей руки, а второй с явным усилием рвал в другую сторону, пока железный болт не вылетел. С другой рукой справился еще быстрее – он будто на глазах наполнялся силой. Лю при этом продолжал орать, успокоить его в этот момент было невозможно. На улице начался шум.

– Кристофер, умоляю, освободи его! Умоляю! – Отрава кричала в полный голос, сейчас уже было все равно.

Но кровопийца на нее даже не посмотрел, сразу направился к двери.

– Кристофер! – она бросилась следом и теперь перекрикивала даже Лю. – Нас выкупят! Мы очень важные люди! И тогда мы вернемся в замок Кирами! Я клянусь, что мы отомстим и тебе, и твоим родным!

Кровопийца замер. И буквально через мгновение оказался рядом с мечущимся в своей бессмысленной ярости перевертышем, содрал с него оковы и тут же отлетел в сторону, чтобы тот на него не набросился. Лю же переворачивался, раздирая на себе одежду.

Дверь уже отпирала.

– Ха. Не успел.

– Они накормили кровопийцу! – заорал первый влетевший в сарай. – Все сюда! Оружие! Все сюда!

Лю бросился на Кристофера, но тот теперь передвигался с необычайной скоростью, и потому снова оказался в другой части сарая.

– Перевертыш, темный хряк тебя дери, давай для начала с этими разберемся, а потом уже друг другу морды будем бить, – его спокойный голос в начавшемся хаосе звучал до абсурда неестественно.

Но Лю его услышал и каким-то образом смог перенаправить агрессию. В конце концов, ему нужно было выпустить пар, и разбойники для этого в самом деле подходили больше. Он кинулся к открытому проходу первым, кровопийца за ним. Отрава слышала только рев и крики, но понимала, что тамошнее зрелище не для слабых. Когда и она подобралась к двери, зажимая ладонью кровоточащее запястье, то на другом конце лагеря увидела Нанью, державшую перед собой невидимую стену, на которую натыкались все, кто побежал в ее сторону. И теперь вышло, что они втроем сжимали всех разбойников, которые находились в лагере, а те даже не знали, в какой стороне больше шансов на спасение.

Лю кидался на перевертышей, которые обращались прямо на ходу. Кровопийца выбирал кудесников – и успевал свернуть им шеи до того, как они вскинут руки. Последнему вообще с противным звуком выдрал руку из плечевого сустава и отбросил в сторону. Огляделся, оценил обстановку, а потом, видимо, вспомнил, что не наелся и вцепился зубами в шею первого попавшегося возвращенца. Нанья уже просто молотила шарами по кому придется.

Выжившие теперь даже не пытались отбиваться. Как только Нанья отпустила невидимый заслон, они мимо нее побежали в темноту. Разбойников в лесу еще много, ведь они днем и ночью контролировали огромный участок дороги. Там их могут быть еще десятки или сотни. Но в этом месте уже через несколько минут все было решено.

Отрава только поблагодарила ночную звезду, что та недостаточно

яркая и не обнажает всех подробностей. Споткнулась о тело, поэтому случайно взглянула вниз и отыскивала в увиденном некую иронию: Глава без головы. Только по одежде и грузности можно узнать. И ведь даже непонятно, кто именно стал его убийцей. Он был жестоким, но осторожным и умным человеком. Ему не повезло только в том, что не все его подчиненные были так же умны.

Нанья облегченно смеялась, когда по очереди обнимала сначала Отраву, а потом и перевернувшегося в человеческий облик Лю. Она даже Кристофера по плечу хлопнула, тоже сразу узнав:

– А ты прям весь в свою полудохлую мамашу! Интересно, сколько она заплатит за то, что мы ее единственного сыночка спасли?

– Много, – равнодушно ответил тот. – Перевертыш, ты бы оделся.

– Кто бы говорил? – ответил Лю, вытирая ладонью кровь с лица. – На себя посмотри!

– Я-то в штанах.

Кровопийца закатил глаза к уже поднявшейся ночной звезде, а потом лениво направился к ближайшей хижине. Лю занырнул в другую. Одежду они себе точно отыщут. А Отрава с Наньей, не сговариваясь, направились к третьей – вода им всем не помешает, а кудеснице лучше заодно перекусить после такого-то волнения.

Эпизод 7. Кто на свете всех бессмертнее?

На рассвете они шагали по дороге и не слишком часто озирались по сторонам. Разбойники, коротавшие ночь вдалеке от лагеря, вряд ли уже были в курсе, что произошло, но на такую компанию нападать было бы верхом глупости. И одного кровопийцы, который на этот раз шел без капюшона, было достаточно, чтобы отсидеться в кустах. Нанья подлечила заклинанием руку Отравы, но на запястье еще ныли красные синяки. Отрава косилась на кровопийцу, но так и не решалась спросить, почему он до сих пор идет с ними. Заметила только, что на правой его руке указательный палец в самом деле отсутствует – хоть в этом не соврал.

– И куда мы теперь? – Нанья задала другой вопрос – более важный.

– Без понятия, – честно ответил Лю. – Отдохнем в Серебряном Облаке, оставим страже сведения, чтобы сами остальных разбойников переловили, потом и решим. И нет, Отрава, в Тихую Речку мы не вернемся! Там станут искать сразу после замка Ронмару.

Отрава насупилась оттого, что ей на незаданный вопрос так безапелляционно ответили, а Нанья предложила:

– Так, может, все-таки к Кирами заглянем? С мешком золота куда веселее по государству гулять! Эй, белобрысый, как думаешь, твои нам один мешок дадут или два?

Но тот будто и не услышал вопроса. Он шел рядом с Наньей, с самого края. А по другую сторону от Отравы шагал Лю. Кровопийца и перевертыш, не сговариваясь, разместились так – в случае нападения они, самые сильные и чуткие к звукам, смогут среагировать первыми. Кристофер будто рассуждал сам с собой:

– Так вы, получается, прячетесь от кого-то. Я вот думаю, а не попрятаться ли мне с вами? В Серебряном Облаке напишу своим письмо, что жив-здоров, а сбежал, чтобы на Лионессе не жениться. Я и правда ведь жениться не хотел, так чем не предлог?

– Ну уж нет! – вскрикнула Отрава, но глянув на его равнодушный профиль и вспомнив остроту его клыков, сбавила тон. – Зачем тебе с нами идти, Кристофер? Вряд ли мы можем быть для тебя подходящей компанией.

Но Лю добавил более откровенно:

– Вали домой, кровопийца! И благодари звезды, что я тебя не убил. Но за вашим замком ребята приглядят – уж будьте уверены.

– Решено. Пойду с вами. Я почти безвылазно сидел за книгами тысячу лет. У кровопийц слишком размеренный образ жизни. Но после такого потрясения мне почему-то не хочется назад в свое спокойствие.

Нанья хохотнула:

– Неудивительно! Такого образа жизни, как у вас, и врагу не пожелаешь! Гниете в этих своих склепах, спите неделями... Но нам ты не нужен, уволь. Разве ты не понимаешь, как сильно нас раздражаешь?

А вот на нее он посмотрел, этим подчеркнув, что выделяет из всей разношерстной компании:

– Будь уверена, что я не раздражаю вас и вполнину так, как вы раздражаете меня. Но за тысячу лет мне почти не удавалось познакомиться с кем-то вроде вас. Вашу компанию будто специально подбирали для циркового представления, чтобы все психологические проблемы осветить.

– Какие еще проблемы? – Нанья нахмурилась.

– Могу ответить, аппетитная. Вот ты, например, трусиха, каких свет не видывал – от тебя в лагере страхом несло сильнее, чем магией. Но при этом бросилась спасать друзей, хотя даже плана толкового не было. Мелешь все, что в голову взбредет. То есть по всем параметрам – дура набитая.

– Что?!

– Перевертыш из вас самый умный. Идет себе, думы думает, а с вами не делится – верный показатель наличия ума. Хотя, возможно, я необъективен – перевертыши больше всех похожи на кровопийц, поэтому и не злят так сильно.

– Да иди ты к темному хряку! – не выдержал и Лю. – У нас с вами ничего общего нет!

– Мало, но есть, – тот был невозмутим. – Например, преданность. У нас, правда, не настолько собачья, но по сути похоже. Только мы и вы остаемся с партнерами навсегда. Только мы и вы ставим долг превыше страстей. Наши две расы задают структуру общества, а остальные – лишь наполнение.

– Ну да, – расхохотался Лю. – И вы, конечно же, выше всех?

– Конечно же. Кровопийцы созданы для того, чтобы управлять, перевертыши – чтобы служить. С последним-то хоть ты не будешь спорить? А остальные нужны, чтобы кормить, лечить и развлекать.

– Поосторожнее! – напрягся Лю. – Революционные речи слушать не стану! Не забыл, что Их Величество – возвращенец?

– В том-то вся и беда. Только слепые в своей преданности перевертыши не видят, что кругом творится. Не задумывался, отчего даже

твои соплеменники в разбойники подались? Ведь вы наперекор совести никогда не идете.

Поскольку Лю не ответил, вмешалась Отрава:

– И что, ты хочешь сказать, что десять тысяч лет назад, когда на троне сидел кровопийца, было лучше?

– Перед переворотом было хуже, как говорят родители, – спокойно согласился он. – Но даже среди нас бывают отклонения. А вы из-за одного идиота всю структуру поменять решили. Это же надо – усадить на трон возвращенца, который через каких-нибудь сто лет умирает, поэтому, в принципе, не способен быть стратегом на тысячелетия вперед.

Лю уже заметно злился, он сжимал и разжимал кулаки, но пытался держать себя в руках. Наверное, останавливал себя мыслью, что долг его важнее, чем попытаться заткнуть рот сытому кровопийце. Поэтому слова он произносил с едва сдерживаемым ядом:

– Это полный абсурд! Императоров всего два: они возвращаются и сменяют друг друга на троне! Куда уж стратегичнее?

– Я не верю в то, что возвращенцы возвращаются. В прямом смысле этого слова.

На такой бред никто не знал, что и сказать – похоже, кровопийца был не в своем уме. Отрава нерешительно спросила, потому что ее-то этот вопрос затрагивал в первую очередь, пусть даже и получит она только очередную чушь в качестве объяснения:

– В смысле?

– Вот ты, возвращенка, имеешь тот же характер, что и в прошлой жизни?

– Нет.

– Скучаешь ли по тем людям, которых любила она?

Зачем он спрашивал о таких очевидных вещах?

– Нет, конечно! Это даже смешно. Я просто знаю то, что знала она. Но я оставила ее жизнь за гранью смерти, чтобы прожить новую.

– А сколько лет прошло после твоей смерти до нового рождения?

– Около десяти, – она никак не могла понять, к чему он хочет подвести.

– Вот именно. Всего десять лет. Среди возвращенцев считается дурным тоном искать кого-то из предыдущих жизней или напоминать о себе бывшей родне, – Отрава кивнула, соглашаясь. – Они не мстят своим обидчикам из прошлой жизни – они даже не воспринимают те обиды, как свои. Они не любят тех, кого любили. Вы это свое Великое Колесо Жизни четко разделяете на этапы. Все возвращенцы. Кроме Их Императорских

Величеств. Почему им позволено то, что не позволено всей их расе? Откуда ты можешь быть уверена, что на самом деле прожила предыдущую жизнь?

Отрава так оторопела, что остановилась, заставив притормозить и остальных. Но теперь она смотрела только на Кристофера.

– Не слушай его, ядовитая моя, – вмешалась Нанья. – Это же кровопийца – он кровь умеет пить и в прямом, и в переносном смысле!

Но Отраве стало на самом деле интересно, поэтому она ответила Кристоферу:

– Потому что я помню!

Он тоже смотрел ей прямо в глаза, и взгляд его был не менее ледяным, чем голос:

– У меня несколько версий. Например, вы просто придумываете себе прошлую жизнь – нет, не осознанно. Но если ребенку с рождения говорить, что примерно к двенадцати годам он вспомнит о себе в другом теле, то он непременно что-нибудь вспомнит – точнее, разум его это придумает. Причем вспомнит только то, что в этом возрасте способен вообразить, а остальное додумает позже. Разве ты, когда вспомнила свою прежнюю жизнь, сразу увидела и интимные отношения с ее мужчинами, и боль от рождения детей? Или все это накладывается постепенно, по мере получения собственного опыта или хотя бы возможности представить этот опыт? Разве не все возвращенцы, которых ты знаешь, прошлую жизнь жили именно в Левоморье? Не потому ли, что они попросту не могут вообразить быт других стран?

– Совпадение... И просто воспоминания возвращаются постепенно...

– Отрава сказала это неуверенно, но потом припомнила и доказательства: – Нет, это полная чушь! Откуда бы я могла знать, как выглядела Столица в те времена? Или как торговаться за шелк? Или как лечить отравление от диковинной лалаши, которую в Тихую Речку однажды завезли торговцы, и полдеревни слегло с животами? Мне тогда тринадцать было, но я сразу припомнила, что надо через силу уголь глотать – всем помогло! Откуда бы я это знала, если бы не жила в прошлой жизни в месте, где лалаша повсюду растет?

– Именно поэтому у меня есть и вторая версия. Вы ловите настоящие, но чужие воспоминания. Возможно, это и есть особенность вашей расы.

– Или мы просто возвращаемся!

Он медленно покачал головой:

– Нет, в это не верю. Звезды не создают бессмысленного, а эти возвращения бессмысленны.

Отраве стало смешно, когда она уловила логику в его рассуждениях:

– То есть ты просто хочешь, чтобы только кровопийцы были бессмертными, так ведь?

– Мы тоже смертны, возвращенка, просто история ваших рас движется так быстро, что по умолчанию считает нас бессмертными. Где, по-твоему, мой дед или прадед? Далеко не все мои предки были убиты, но кровопийцы могут жить очень долго... иногда пока самим не надоест.

Отрава развела руками. Лю и Нанья слушали, но не вмешивались, раз она сама затеяла и продолжает этот бессмысленный спор.

– Тогда это просто зависть! Потому что мы бессмертны на самом деле! Почему наши возвращения бессмысленны?

– Подумай, возвращенка, если есть чем. Бывают такие кудесники, которые позволяют вам вспомнить многие свои жизни, а не только последнюю. Или, если взять мою теорию, поймать настоящие воспоминания каких-то других возвращенцев. И тогда вы имели бы все шансы стать учеными, управляющими или мудрыми учителями. Почему же вы этого не делаете?

– Боимся, – признала она, но этот факт был общеизвестным.

– Чего? Стать тухляками? Глупые предрассудки.

Видимо, кровопийцам нужно даже очевидные вещи повторять:

– Накопленная за множество жизней мудрость не может не изменить человека! Тем более что мы, в отличие от вас, свои жизни проживаем в разных телах, местах и условиях, а не сидим взаперти в замках, потому и опыт накапливаем гораздо быстрее! Ну, так и чем может закончиться этот процесс, если всю полученную мудрость просто складывать?

Кристофер ее эмоциональностью ничуть не заразился:

– Уж точно не стать тухляками. Это же вообще другая раса.

– Тогда откуда берутся тухляки?

На этот вопрос он, по всей видимости, ответа не знал, потому сменил тему, повернувшись к Лю:

– Так вот, даже если они возвращаются, то совсем другими людьми – против этого даже возвращенка не спорит. А это значит, что вы усаживаете на трон не тех же самых императоров. И если первые это право отвоевали, то все их последователи имели точно такие же способности к управлению, как и любой другой, взятый с улицы. Конечно, император это тоже понимает, потому и не спешит проводить грандиозных мероприятий. Зачем? Он и без того обречен доживать жизнь в шелках и роскоши. И десятки императоров до него рассуждали так же. Мир до сих пор не рухнул, только потому что перевертыши предавать не способны, кровопийц держат в узде, а остальные вообще ни на что не способны. И все это

равновесие обеспечивает Великий Кудесник. Вот он на своем месте, точно так же отвоевал это право. Но сколько он протянет? Максимум, пару тысяч лет.

– Заткнись! – Лю шагнул вперед, но Нанья ухватила его за локоть и удержала. – Заткнись, кровопийца!

Отрава тоже встала между ними, чтобы Лю не вздумал броситься в драку. Ради чего жизнью рисковать? Только потому, что кто-то за сотни лет скучной жизни напридумывал всякой чепухи?

Через минуту они снова шагали по пыльной дороге, но уже молча. А кровопийце удалось внести некоторую сумятицу в ее разум – нет, он оперировал домыслами, поэтому почти во всем ошибался, но нечто, пока неуловимое, в его словах заставляло думать еще и еще. И об этом «еще» с Лю точно не поговоришь, он принципиально запрещает себе об этом размышлять. Отрава никогда не примет сказанное на веру, но теперь она вообще на веру ничего принимать не намерена: в каждом вопросе есть подвопрос, в каждом правильном пути – неправильные ответвления. И абсолютно ничего очевидного. Ей нужно больше знаний, чтобы самостоятельно ориентироваться!

А пока лучше поболтать о ничего не значащих вещах, поэтому Отрава нарушила затянувшуюся тишину:

– Кристофер, почему кровопийцы должны быть высшей расой? Я думала, что все упирается в ваше бессмертие, но ты утверждаешь, что это не так!

– Потому что только кровопийцы – потомки Людей, – поскольку звучало очередное бессмысленное заявление, но никто не перебивал, он объяснял дальше: – Раньше, может быть, миллионы лет назад, в этом самом мире жили Люди. Не те люди, которыми мы сейчас называем всех говорящих и мыслящих, а наши истинные предки. От них не осталось ничего, что можно привести в доказательство, но нас учат так: они были смертными и жили недолго – примерно как сейчас возвращенцы. Старение сильно зависит от пищи. И поскольку пища необходима для жизни, но не может быть идеальной, то и старение неизбежно. Кудесники и перевертыши питаются, как и возвращенцы, но первым жизнь продлевает магия, а вторым регенерация. Но те Люди не обладали такими свойствами, и они изобрели способ изменить обмен веществ, замедлить его, но в этом случае единственным источником питания могла стать кровь живых существ. Что с ними произошло, мы только предполагаем по древним фолиантам, которые основаны на еще более древних фолиантах. Но есть вероятность, что там звучит хотя бы доля истины. И некоторые источники

утверждают, что у тех Людей были железные птицы, способные переносить их по воздуху, сложные механизмы из железа и золота, которые сами изготавливали товары, оружие, которым можно было уничтожать целые города и страны. Думаю, что это последнее и стало причиной их гибели – слишком могущественные, чтобы не разрушить мир, слишком тщеславные, чтобы остановиться. А мы, кровопийцы, потомки тех немногих, кто выжил, когда один мир рухнул и появился новый.

Он рассказывал совсем уж небылицы... А в Тихой Речке деда Ковра еще сумасшедшим называли!

– Ладно, – Лю к этому времени унял раздражение. – Если вы потомки неких настоящих Людей, то от кого тогда произошли все остальные?

– Мне-то откуда знать? От темного хряка, наверное.

Нанья только фыркнула. А Отрава все думала и думала о бессмертии. Кудесники живут в зависимости от своих способностей – и больше двух тысяч лет даже наисильнейший из них не протянет. Кровопийцы могут существовать гораздо дольше, но платят за это... «изменением обмена веществ».

Перевертыши тоже смертны, насколько сами верят. Они в глубокой старости, которая с самыми сильными из них приключается через несколько столетий, переворачиваются последний раз в волков и уходят в леса. А что дальше с ними случается – никто не рассказывал. И оставшаяся родня, будь то перевертыши, кудесники или возвращенцы, устраивают поминки. Хоть перевертыш и умрет в лесу неизвестно когда, но день его памяти не откладывают, ведь все равно уже не вернется. Убийство черного волка в Левоморье по этой причине приравнивалось к убийству человека. Направить на него оружие можно только в случае угрозы собственной жизни. И даже сами перевертыши не думали, что в волчьем обличье они существуют бесконечно.

Про тухляков толком никто ничего не знал – мудрейшие создания в мире, которые не желают делиться мудростью. Возможно, они по-настоящему бессмертны, но кто бы захотел оказаться на их месте? А если Великого Колеса Жизни не существует, и каждая смерть возвращенца – смерть окончательная? Насколько Кристофер ошибается, и в чем он прав? Отраве вдруг захотелось, чтобы кровопийца остался с ними – нет, не потому, что он вдруг перестал ее раздражать, просто пока ей виделось, что он единственный, с кем такие вещи вообще можно обсуждать.

Однако очень скоро ее мнение переменялось.

– Слушай, Кирами, – начал Лю. – Мы уже подходим к Серебряному Облаку. Давай сразу договоримся – там расходимся. Не заставляй тебя

силой гнать.

– Нет, перевертыш. Я слишком много времени провел в обществе разбойников – от них научился быть назойливым. А еще мне интересно, как ты меня гнать собираешься.

– Да зачем мы тебе понадобились? – возмутилась Нанья. – Прицепись, как лишай к заднице, к кому-нибудь другому!

– Нет, аппетитная, такой интересной компании я больше не найду, уверен.

– И что же в нас интересного? – спросила Отрава.

– У перевертыша явно что-то значимое на уме, и это связано с тобой. Он на меня не кинулся только из опасений, что ты пострадаешь. Но он в тебя не влюблен, если интересно. Сердце при страхе и страсти стучит по-разному. Так что тебе ничего не светит, возвращенка.

– Чего это ей не светит? – Лю остановился.

Отрава тоже замерла, готовая прямо на месте умереть со стыда, но ей не повезло – она продолжала стоять, все сильнее и сильнее краснея, и слушать при этом монотонное объяснение:

– А вот у нее сердце стучит совсем иначе, перевертыш. Я еще в сарае заметил, но сейчас уверен – она в тебя влюблена, хочет тебя и ревнует, даже к кудеснице. Скажите спасибо мне, что ситуацию разъяснил. Но, как по мне, ей только повезло. С перевертышем жить – от скуки выть.

Лю вылупился на Отраву, но быстро собрался и отвел взгляд, тоже стушевавшись. И как им теперь в глаза друг другу смотреть? Как вести себя? Кровопийца за минуту усложнил их отношения до невыносимой тяжести! Отраве захотелось разрыдаться от отчаянья: неразделенная влюбленность штука весьма неприятная, но как жить, когда предмет обожания знает об этой влюбленности, но ответить на чувства не может? И не может оставить из-за долга!

– Ну ты и сволочь! – Нанью просто на части разрывало. – Полумертвая тварь! Ведь ты специально это сказал, не дурак же, чтобы не понимать! Ненавижу кровопийц! Только о себе и думаете, черви болотные! Убирайся, а то я тебе всю рожу огнем изуродую.

– Заживет, – он ответил, будто и не слышал оскорблений. – У меня только пальцы не отрастают, как выяснилось.

– А я потом еще раз изуродую!!!

– Жаль. Вот именно с тобой, аппетитная, я собирался подружиться в первую очередь.

– Лишай ты получишь, а не мою кровь, понял?!

– А. Раз ты настроена решительно, то мне с вами больше делать

нечего. Но если понадобятся деньги – знаешь, где меня искать.

И просто зашагал по дороге дальше, оставляя всю троицу в полном недоумении. Одна Нанья продолжала кричать ему вслед проклятия, но даже ее словарный запас рано или поздно должен был иссякнуть. И тогда придется чем-то заполнять ту пропасть, которую Кристофер Кирами оставил между Отравой и Лю.

Эпизод 8. Девушки в нижних юбках

– Лужица! Здоровья твоим рукам, лучшая, но самая медлительная повариха Левоморья!

– О! – пышнотелая владелица всея кухни отбросила полотенце на стол. – Нанька моя вернулась! Хоть будет с кем поскандальить на равных! Иди, родимая, я тебя шлячкой накормлю.

– Шлячку сама ешь, а мне зажарь кабанчика!

– Ишь, раскомандовалась, обжора!

Нанька будто расцвела, как только они зашли в заезжий дом. Последние пару часов, пока они добирались до города, а потом еще говорили со стражей, она всеми силами поддерживала видимость непринужденной болтовни, но обстановку вряд ли сильно разряжала. И вымоталась от такой тяжелой ноши, но вот теперь с возвращенкой Лужицей, так схожей с ней темпераментом, перекрикивалась от чистого сердца. Нанька тут же бессовестно вторглась и на кухню, чтобы покомандовать там. Или отдохнуть от своих молчаливых друзей, оставив их в компании друг друга рассаживаться за столом.

Отрава поняла, что этот разговор придется пережить – и чем раньше, тем безболезненнее:

– Лю, послушай... Кровопийца... он сильно преувеличил...

– Отрава, я вообще его словам значения не придаю! – она уж было подумала, что застала тот редкий момент, когда перевертыш врет, глядя прямо в глаза, как он и сам не выдержал. – Точнее... я теперь понимаю, что все это время был... симпатичен тебе, но раз ты сама об этом говорить не хотела, значит, не настолько уж сильно.

В его последней фразе прозвучала вопросительная интонация. Или надежда. Ему, как показалось Отраве, от этой ситуации было не менее неловко, чем ей самой. Потому она заставила себя быть смелой – трусить можно только в том случае, когда еще есть куда бежать:

– Да, Лю, ты мне нравишься. Возможно, понравился с первого взгляда. Но я не жду от тебя ничего. Честное слово, не жду!

– И не надеешься?

– Нет!

Тут Отрава соврала – хвала звездам, возвращенцы это умеют делать прелестно. Несмотря на то, что Лю не дал ей ни единого повода для надежды, она все равно продолжала мечтать. К счастью, их приключения

пока не давали шанса надолго остаться наедине со своими мыслями. Но Лю этим ответом удовлетворился:

– Это хорошо, Отрава. Потому что я не смогу оставить тебя, даже если этим буду причинять тебе боль. По крайней мере до того момента, пока не передам в руки Великого Кудесника.

– Я знаю, Лю, знаю. И даже обижусь, если ты навсегда пропадешь из моей жизни, когда достигнешь цели! Разве мы не стали за это время друзьями? Разве это не важнее... моей симпатии, которая скоро пройдет?

Теперь он улыбался шире и искреннее:

– Надеюсь. Тогда что, все как раньше?

– Все как раньше!

Она сказала это уверенно и тоже облегченно рассмеялась, пожимая его руку. В конце концов, шаткая неопределенность лучше, чем предыдущее напряжение. Мимо стола проплыла барышня в слишком плотном для такой жары бархатном платье и приветливо кивнула Лю. Он заметно напрягся и кивнул в ответ, а Отраве на всю оставшуюся жизнь расхотелось улыбаться. Ну конечно же, все как раньше! Да ничего подобного!

Волнение Лю, когда он увидел ту девушку, послужило абсолютным доказательством предположения, как именно эти двое были знакомы. В последний ли его визит в Серебряное Облако или еще до того, но факт остается фактом – его извиняющийся взгляд был Отраве совершенно ненужным. Словно теперь он обязан считать себя предателем, здороваясь с женщинами, которые...

Понадобится время, чтобы им обоим с этим примириться. А пока можно радоваться достигнутому. Еще и Нанья подлетела к ним, выставляя с подноса тарелки, словно уже успела устроиться тут на работу. Лужица тоже подошла:

– Вы надолго к нам, ребята? Оставайтесь, погостите! Вот только предупреждаю, – она перешла на шепот, – незадолго до вас к нам заселился кровопийца!

– Знаем, – ответил ей Лю. – Нам сразу об этом сказали, когда ключи от комнат выдавали.

Когда уставшая тройца услышала эту новость, то даже не удивилась. До замка Кирами путь неблизкий, неудивительно, что Кристоферу надо отдохнуть и отмыть свои белые волосы до фамильного цвета. Да и городская стража его опросила в качестве жертвы и свидетеля. Об убийстве крестьянина он на этот раз не упомянул – это Лю выяснил, когда сам отчитывался. Но это преступление кровопийце списали, ведь вышло так, что впоследствии он убил множество разбойников. Так что страже

пришлось выбирать из двух вариантов: либо выставлять его убийцей, либо героем. Поскольку в качестве доказательства вины был только его, почти умирающего, бред, они уверенно выбрали второй вариант. Даже Лю признал – если бы не Кристофер, пусть и вынужденный в этом участвовать, о победе над разбойниками сейчас и речи бы не шло. В Серебряном Облаке уже настолько отчаялись решить эту проблему, что были готовы парад устроить в честь кровопийцы... Но, конечно, не стали – люди бы не поняли.

Лужица же выпрямилась и произнесла торжественно:

– Конечно, сказали! Заезжий дом «Все включено» заботится о душевном благополучии каждого клиента! – и тут же менее торжественно пояснила: – Жаль только, клиенты это не всегда ценят – семейная пара старичков-кудесников тут же съехала и помчалась к конкурентам. Мало кто хочет оказаться с кровопийцей через стенку, хотя те уже лет двести ничего не творили в городе. Традиции сильны! Но зато с кровопийц мы берем за ночлег в пять раз больше. И стараемся не думать, где они перекусывают. Хотя этот вроде бы явился сытым...

Естественно, сытым. Он после разбойничьей трапезы, наверное, месяц не проголодается! Это вам не малюсенькая пробирочка со сданной кровью.

Но за пару дней, проведенных в Серебряном Облаке, они с Кристофером ни разу не столкнулись. Лю только в управе его видел, когда тот давал показания. Нанья и Отрава отдыхали и набирались сил перед долгой дорогой.

Приняв ванную, Отрава отправилась в свою комнату пораньше, но сон снова не шел – опять она тут, вынужденная оставаться на ночь в одиночестве. В заезжих домах было одно правило: каждого селили в отдельную комнату, если это были не родственники. Наверное, считалось, что торговец или путешественник имеет право отдохнуть, как ему хочется, без любопытных глаз друзей. Интересно, как отдыхает Лю? Договорился ли он снова с той девицей или сам спустился в бордель, как называла это странное место Нанья? Или предпочел не расслабляться вовсе, чтобы Отраве лишний раз беспокойства не причинять? А она даже не могла для себя решить, что лучше: чтобы он не обращал внимания на ее влюбленность, живя как раньше, или чтобы постоянно думал о ее интересах. Наверное, первое. Но при этом и ревность полностью игнорировать не получалось.

Как и в прошлый раз она подошла к окну, чтобы посмотреть на взошедшую ночную звезду и услышать внизу женский смех. От тихого стука подскочила на месте. Но стучали, как выяснилось, не в окно. Она

осторожно приоткрыла дверь.

– Привет, возвращенка. У меня к тебе дело есть.

Отрава настолько опешила, что позволила Кристоферу отпихнуть себя в сторону и зайти в комнату. На этот раз он выглядел куда лучше, да и одеждой по размеру успел обзавестись. В руках он держал бумажные листы, которые кинул на ее разобранную кровать.

– Ты грамоте обучена? Красивый почерк? – он не обращал внимания на то, что она не отвечает. – Никак не могу написать так, чтобы выглядело женским почерком. Я без пальца и своим-то едва могу. Ну что ты стоишь, рот открыла? Хочу матери письмо написать – мол, помолвку мы с Лионессой по взаимному согласию расторгли. Вот ты за Лионессу и напишешь: «Простите, дорогая тетушка, но ничего, кроме дружбы... ля-ля-ля».

Он подождал минуту, потом медленно наклонил голову набок.

– Я непонятно объясняю? Не хочу домой возвращаться, собираюсь написать письмо, чтобы не переживали. Ну и заодно, чтобы не надеялись на скорую свадьбу. Они не могут понять – нельзя жить тысячи лет с тем, с кем не хочешь жить и дня. Раньше кровопийц было много, они не стремились к скорым бракам и женились только по любви. А тут как-то сразу решилось, что раз мы с Лионессой на такой большой территории единственные молодые, неродные и разнополые, то просто обязаны друг друга полюбить.

– К... крово... Кристофер, – дар речи к Отраве возвращался постепенно, но зато вместе с громкостью. – Ты... ты в своем уме?

– Не обучена грамоте?

– Обучена! Да только мне наплевать на твои заботы!

– Ну и ладно, – он принял это легко. – Просто напиши, можешь не плакать при этом от счастья.

– Нет! – теперь ей захотелось смеяться – это от чувства неожиданного возмездия, пусть и такого незначительного. Кристоферу не составит труда попросить другую девушку – за золотой она ему хоть что напишет, но пусть хотя бы на половину обрубленного пальца подвинется со своего пьедестала. – Не стану я тебе помогать!

– Так, – он зачем-то сел на кровать, словно собирался спорить. – Подозреваю, ты злишься на меня.

– Да неужели?!

– Тогда давай поговорим.

– Не хочу я с тобой разговаривать! – Отрава совершенно его не боялась – Кристофер не производил впечатления глупца, способного убить в

напичканном стражей городе. Но ее немного настораживал тот факт, что Лю до сих пор не прибежал – а ведь он уже должен был слышать ее громкие ответы! Неужели в самом деле... отдыхает? Снова накрыла тоска.

– Я удивляюсь, – Кристофер рассуждал сам с собой безжизненным голосом. – У возвращенцев такая короткая жизнь, но вы тратите время на старые обиды.

– Старые? – теперь и она заговорила спокойнее, вдруг ощутив бесконечную усталость. – Этой обиде и суток не исполнилось. Уходи, прошу тебя.

– Ладно, признаю, что сказал это специально. Разозлился, что вы так дружно меня из своего общества отвергали. Заметь, я разозлился, но всего лишь ляпнул такую безобидную мелочь, вместо того, чтобы всех вас прикончить.

– Спасибо огромное за это, добрейший человек!

– Не язви. Я был неправ – не знал же, что мне твоя услуга еще потребуется. Но извиняться не стану. Просто скажи, чего хочешь взамен.

Было в уравновешенной и скромной Отраве нечто темное, что иногда подавало признаки жизни. Именно оно тогда и заставило ее в замке Кирами споткнуться перед перевертышами, которые до этого поклялись, что с ней ничего не случится. И это же темное встрепенулось сейчас:

– Хорошо. Но сначала ты мне окажешь услугу, а потом я тебе. Доверять твоему слову я больше не намерена.

– Говори.

Отрава думала минуту, но уже не могла отказаться от безумной, но горячей мысли:

– Внизу, совсем неподалеку есть... бордель...

– Говори.

– Мне страсть как любопытно, что будет, если ты туда зайдешь и... попросишь девушку на ночь.

Кто ни разу не видел, как камень обращается в камень, тот не знает, как выглядит удивление у кровопийцы. Стеклянные глаза Кристофера стали еще более стеклянными, а голос монотоннее:

– Кажется, я неправильно тебя расслышал. Повтори.

– Все ты расслышал! – Отрава, поддавшись азарту, уже снова улыбалась. – Я не прошу тебя на самом деле с ней... ну...

– Спать? Иметь? Любить? – он перечислял с длинными паузами между словами, будто поверить не мог, что она это серьезно. – Как я бы любил кровопийцу, что ли?

– Вот именно этого я и не прошу! Просто зайди и спроси, я хочу

узнать их реакцию!

Он заторможено повернул голову и вперил взгляд в стену. Ответил еще медленнее – наверное, это означало его задумчивость:

– А ничего не будет. Никто не поверит. Это же абсолютно невозможно. Это как если бы возвращенец заявил, что хочет в этом смысле... курицу или тыкву.

– Уверен? А самому не интересно узнать?

Он вдруг встал.

– Интересно. Идем.

Отраве пришлось быстро одеваться: она ведь даже не обратила внимания, что встречала гостя в нижней сорочке. Но тут он прав – разве бы она вспомнила об этом в присутствии медведя или другого страшилища?

Мандраж охватывал все сильнее, когда они вдвоем спускались по лестнице и выходили на темную улицу. Девушек в нижних юбках у входа не оказалось. Кристофер уверенно рванул на себя дверь. Отрава поспешила следом. Внутри было шумно и сильно пахло лишай-травкой. Многочисленные посетители, как и девушки на их коленях, затихли и повернулись к вошедшим.

– Ч... что угодно, господин? – спросила женщина, стоявшая в центре. Отрава разглядывала ее, ошалев от удивления. Той было лет девяносто, поэтому платье с невероятным декольте, могло удерживаться там только какой-то магией. Но огромный участок высушенной груди выставлялся напоказ, будто предмет особой гордости.

– Доброй ночи, хозяйка, – Кристофер впервые при Отраве был настолько вежлив. – Могу ли я посмотреть твоих девочек? Плачу золотом.

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Как Кристофер сразу и предположил – они не поверили, это теперь и Отраве стало ясно. Но он зачем-то решил пояснить:

– Хочу возвращенку или кудесницу. Сойдет любая.

Хозяйка медленно моргнула, но потом выдавила:

– Ты издеваешься над нами, господин?

На этой фразе некоторые мужчины начали подниматься на ноги, а притихшие девушки попятились, не скрывая непонимания и страха.

– Нет. Ну так что, найдется для меня хоть одна? Или сама сегодня поработаешь?

– Да он издевается! – выдохнула хозяйка.

– Издевается! – тут же подхватил ближайший возвращенец. – Над уважаемой всеми Радостью издевается!

И это словно послужило командой к действию – а народу только повод

дай против кровопийцы объединиться. Поодиночке никто бы не рискнул, но в данном случае Кристофер сам будто предложил им разрешить конфликт всем скопом. Трое перевертышей даже одежду стаскивать не стали – обращались под треск ткани. Но первым откуда-то сбоку швырнул синий шар кудесник. Кристофер только чуть отклонился, потому шар, пролетев мимо его носа, врезался в стену и зашипел. Отрава вскрикнула. Кажется, ее забава совсем не оказалась забавной. Вряд ли эта полупьяная толпа была способна причинить кровопийце заметный вред. Опасность была в другом: он сам в порыве драки начнет убивать. По ее, Отравиной, вине!

Она схватила его за локоть и потащила к двери:

– Уходим, Кристофер, уходим!

– Никуда вы не пойдете, пока не объяснитесь! – верещала всеми уважаемая Радость.

– Зачем? – Кристофер посмотрел на Отраву, словно и сам не замечал, что вокруг начинается.

Рядом с Отравой в стену впечатался еще один синий шар.

– Если мы прямо сейчас сбежим, то я напишу это хряково письмо!

– Вторая услуга? Ты мне будешь должна.

И он, мгновенно развернувшись, ухватил ее поперек тела и буквально вылетел наружу. Следом раздавались грохот, крики и рычание – это перевертыши, которые тоже были очень быстры, кинулись за ними. Отрава закричала от ужаса, но замолчала сразу же, как Кристофер коротко распорядился:

– Тихо. Ты привлекаешь внимание.

Поэтому она просто сжалась в его неудобном захвате и слушала ветер в ушах. К счастью, недолго. Кристофер остановился за последними домами у самой городской стены. Постовые, кажется, их перемещение не заметили. Он огляделся или прислушался.

– Отстали. А к утру протрезвеют и остынут, – сказал он тихо. – Ну, может быть, скандалить со мной в заезжий дом прибегут. Но обвинений-то, которые можно озвучить, нет.

Почувствовав под ногами твердую землю, Отрава позволила себе задрожать.

– Извини! Я не предполагала, что так получится!

– Не извиняйся, возвращенка. Это было весело. Я даже не думал, что может быть настолько весело. Меня от смеха сейчас на куски разорвет.

Она удивленно всматривалась в его лицо, пытаясь разглядеть под тусклым светом ночной звезды хоть какие-то изменения:

- Тогда хотя бы улыбнись!
- Третья услуга? – не понял он.
- Да!

Он посмотрел в небо, потом снова на нее.

– Нет, перебор. Идем писать письмо от Лионессы, ты обещала, возвращенка.

Он тут же направился обратно, а она за ним, боясь отстать.

– Меня зовут Отрава! Запомни уже!

– Я помню. Кстати, мне сразу понравилось твое имя. Неаппетитное, конечно, но зато без этих всех... Нежностей и Радостей. Нет, ты видела сморщенную грудь старой шлюхи? Я сейчас умираю от смеха, если ты не поняла.

Отрава же засмеялась вслух – за них обоих. Но быстро осеклась.

– А Лю там был?

– В зале его не было. Но он сбегал с лестницы, когда мы уже покидали это веселое заведение.

Настроение Отравы кануло в небытие. Они шли молча какое-то время, потом Кристофер зачем-то добавил:

– Возвращенка, думай так, что эта твоя жизнь первая и последняя. Убеди себя в этом, даже если я ошибаюсь. Только тогда ты не захочешь потратить ее на пустяки. Например, не станешь любить того, кто не полюбит тебя.

Это было уже слишком – он вздумал раздавать ей советы! Незначительное и незапланированное потепление между ними не отменяло того факта, что Отрава имела право на него злиться:

- Заткнись, кровопийца! Твоего мнения я не спрашивала!
- Меня зовут Крис. Запомни уже.

Он ответил ее же словами, и Отрава почему-то на этот раз была уверена, что сейчас внутри он снова смеется.

Эпизод 9. Тухляк

Крадясь к заезжему двору, они старались не привлекать внимания. Даже спрятались в тени, когда мимо прошатался пьяный прохожий. Кристофер заметил верно: к утру все остынут, ведь ничего особенно страшного не произошло, но если нарушители спокойствия попадутся прямо сейчас, то дело вряд ли закончится миром. Однако из борделя снова раздавался смех и песни, а зlostных хулиганов никто и не думал караулить специально.

– Крис, – Отрава решила на вопрос – в темноте да шепотом легче спрашивается. – А почему тебя так задело наше неприятие? Если ты не соврал, конечно.

– Зачем мне тут-то врать? – он ответил тоже тихо. – Задело, потому что я этого не ожидал.

– Очень странно с твоей стороны, – хохотнула она. – Ты хотел от нас большой любви, но не получил ее?

– Нет. Но я на самом деле ждал другого, – он помолчал. Отраве казалось, что лучше его не сбивать с мысли – вряд ли кровопийцы часто бывают искренними. – Когда мы выбрались из того сарая... Ты ведь тоже понимаешь, что я бы не выжил, если бы перевертыш не прикрывал мою спину. А он бы не выжил, если бы я не прикрывал его. И мы оба погибли бы, не будь там кудесницы, которая создала нужную панику. То есть каждый, если бы был в одиночестве, умер, но мы даже ран не получили – вот так: или все, или ничего. Тогда, пусть совсем ненадолго, я почувствовал единство – как со своей семьей. Всего на пару минут, может быть, но мало кому из нас за тысячи лет и такое выпадает.

Отрава не могла поверить собственным ушам:

– Я-то это понимаю! Но если бы я до этого не угрожала твоей семье, то ты бы просто сбежал, зная, что нас тогда уже точно прикончат!

– Сбежал бы, – легко признал он. – И из-за тебя не успел.

– Так я не поняла – ты меня упрекаешь или благодаришь за это самое «чувство единства»?

– Ничего из этого. Оно просто было.

Отрава попросту не знала, как выразить свои выводы настолько безэмоциональному и нелогичному существу, поэтому задала вопрос, который должен был все последние точки по местам расставить:

– А пойдешь ты с нами и случись похожая ситуация, то сбежал бы или

встал рядом? Только будь честен – хотя бы с самим собой!

– Не знаю. Это честный ответ, Отрава. Потому что если я кому и должен, то только своей семье. То есть я обязан вернуться домой живым, потому что у них нет других детей – на этом не только моя, но и их жизнь закончится.

– Тогда, – она развела руками, – тебе стоит просто вернуться в замок и дожить там остаток своего бессмертия. Отдай долги своему роду, не испытывай судьбу!

– Нет, не до такой степени. Теперь – с вами или без вас – но я хочу отправиться в путешествие. Буду из каждого города матери отсылать почтовика, но лет двадцать-тридцать она меня не увидит. В конце концов, это тоже долг роду – вернуться с молодой женой. Тут, кроме Лионессы, мне партия не найдется, а с ней не могу. Она до ужаса скучная. Ого. А это отличная идея, так матери и напишу, мол, путешествую, чтобы невесту себе найти.

– Ишь, так у тебя просто поиски невесты намечаются? Как здорово, что мы в это не оказались втянуты!

– Нет, не поиски, не передергивай. И зачем ты снова меня злишь?

– Так ты нас не бросил только из-за угроз, а крестьянина на дороге убил!

– А может, не убил? Вдруг он был еще жив, но на меня разбойники напали.

– То есть ты собирался его на руках к кудеснику тащить, чтобы он его спасти успел?

– Да. Собирался. Откуда тебе знать, что не собирался?

И снова это чувство, будто он смеется в полный голос, но смеха почему-то не слышно.

– Чтоб у тебя язык отсох от вранья! Убийца!

– Врун. Убийца. Тебе надо в городской страже служить, так у тебя хорошо обвинительные речи выходят.

Они так и переругивались, уже забыв про шепот, но когда поднялись на третий ярус, тут же разом замолчали. В коридоре их ждали Лю и Нанья. Кудесница на полшаге прекратила свои метания туда-обратно, а Лю стоял, опершись о стену, и хмурился.

– В мою комнату, поговорить надо, – бросил он и скрылся в пролете.

Нанья гневно зыркнула на обоих и последовала за ним. Кристофер и Отрава переглянулись, но тоже решили исполнить приказ – от разговора не уйти, а на крик лучше переходить не в коридоре.

– Что ты устроил? – тут же шагнул к кровопийце Лю. Отрава не могла

понять, насколько он зол. Скорее выглядел удивленным и даже смотрел на нее с нескрываемым облегчением. – У Радости настоящий переполох! Мне когда ситуацию начали объяснять, то какую-то чушь несли, будто ты... Неважно. Кирами! Ради чего эти выходки?

Отрава была слишком совестливой, чтобы смолчать:

– Лю, он не виноват. Не в этом случае, – она опустила плечи. – Это я его... попросила.

Объяснить причину своего поступка, да так, чтобы при этом не выглядеть еще более жалкой, она не могла, поэтому замолчала вовсе. Лю что-то начал уточнять, то Нанья перебила:

– Вы где были столько времени?! Мы чуть с ума тут не сошли! Да как вы вообще встретились?! Зачем вместе пошли? А если бы он тебя убил, ядовитая моя?!

Отрава молчала. Да и Кристофер не изволил объясняться. Поняв это, Лю положил Отраве руку на плечо и сказал спокойно:

– Хвала звездам, что ничего страшного не случилось. Но, Отрава, ты должна понимать: если будешь заставлять меня волноваться, я вообще от тебя не отойду!

Эта мысль одновременно и тревожила, и поливала маслом израненное сердце.

– Прости. Такого больше не повторится, – ответила она, сама удивляясь сухости своего голоса.

– Вот и замечательно! – Нанья никак не могла успокоиться. – Завтра отправляемся в путь, нам надо уйти подальше отсюда! А ты, кровопийца, прощай и не поминай лихом! Обещаю, что пришлем тебе привет почтовиком в замок Кирами.

– Он не собирается возвращаться, – Отраве просто надоело, что ее отчитывают похуже матери. – И я лично не возражаю, если он отправится с нами.

Повисла пауза, которую прервал сам Кристофер:

– С чего вдруг?

Но Отрава ответила не ему, а своим друзьям:

– Кто знает, какие опасности нас ждут? Лишний кровопийца на нашей стороне точно не помешает. Разве я не права, Лю?

Тот в изумлении только плечами пожимал.

– Если... он будет на нашей стороне. Это же кровопийца – он в любой момент нас бросит ради... да ради чего угодно! Я ведь уснуть спокойно не смогу, если он будет рядом с вами околачиваться!

– Я тоже! – Нанья кое-как обрела дар речи. – Ты спятила? Если на нас

нападут разбойники, то конечно, кровопийца придется очень кстати! Но когда он сам нападет на нас, что тогда делать будем – побежим к разбойникам за подмогой? Я против!

Отрава, как ни старалась, но заставить себя поручиться за Кристофера не могла – не было тому ни одного аргумента. Единственное, что заставило ее вообще выразить эту мысль, – его признание в чувстве сопричастности, которое он испытал в лагере разбойников. Возможно, кровопийцы оставались изгоями только по той причине, что не только они сами, но и общество изолировалось от них. Она хотела сказать об этом, но ее опередил Кристофер:

– Идите вы все темным хряком. Мне протекция возвращения уж точно не была нужна. Я и сам давно передумал – это же будет самое ужасное путешествие, если постоянным надзирателем станет перевертыш из столичной стражи. Ни тебе веселья, ни...

– Хорошо, он идет с нами! – тут же сообразил Лю о последствиях. Его ответственность просто не позволяла оставить этого кровопийцу без присмотра, когда тот сам поначалу изъявил желание, чтоб за ним присмотрели.

Кристофер никак не обозначил своей реакции, просто ухватил Отраву за локоть и потащил к двери.

– Если на этом все, то желаю доброй ночи.

– Эй! – Лю вылетел за ними в коридор. – Ты зачем в ее комнату идешь?

– Не ревнуй, перевертыш. Услуга, которую она мне задолжала, не стоит твоей ревности. Доброго остатка ночи.

Тот оторопел, но за ними не последовал. Наверное, хотел этим подчеркнуть, что не собирается контролировать Отраву в каждой мелочи. Возможно, до самого утра прислушивался, о чем они там говорят. И, естественно, слышал смех Отравы – она не могла не смеяться, когда писала письмо о том, как Лионесса «сокрушается и рыдает», «извиняется за то, что к благородному отпрыску Кирами не чувствует ничего, кроме сестринской любви». Ну и, само собой, «полностью одобряет его решение отправиться в странствие, где непременно отыщет свою настоящую любимую. Ведь Кристофер невероятно умен, красив и воспитан, за что его родители заслуживают отдельной благодарности». Отрава хохотала над такими формулировками, но не спорила – кровопийце лучше знать, до какого пафоса способны упасть кровопийцы.

Утро началось с очередных неприятностей. Нанья, едва взглянув на Отраву, тут же подлетела и махнула рукой над ее макушкой. Всем троим уже было понятно, к чему это – их снова нашли заклинанием поиска. И это

означало, что отсюда надо срочно убираться. Как объясняла Нанья, без риска они могут оставаться в одном городе не больше трех дней. В таком режиме бесконечно жить очень сложно, но Лю не мог придумать другого выхода: им придется постоянно перемещаться, пока он не получит очередную весточку от Великого Кудесника. Тот факт, что на него свечи не ставили, говорил об одном – враг искал только Отраву, не представляя, в какой именно компании она путешествует. И наверняка отыскивал ее по примерно тем же магическим признакам, что и когда-то Великий Кудесник.

Они купили коней, припасов и пока решили двигаться по направлению к морю. Так выходило, что они и удалялись от последней точки, где их местоположение уже было раскрыто, но и не слишком приближались к Столице. Следующим пунктом был выбран большой город Розовая Роща. Кристофер, который теперь уже с позволения Лю стал частью команды, этому только обрадовался. Замков кровопийц впереди будет все больше, где он, по всей видимости, надеялся отыскать себе пассию и на том покинуть сплоченный кружок. Лю и против визитов в замки не возражал – Великий Кудесник наверняка будет оставлять свои послания у доверенных кровопийц. Это был самый популярный способ передачи тайной информации, а присутствие Кристофера гарантировало безопасность остальным. Гарантировало ли? Нанья в этом сильно сомневалась и не стеснялась озвучивать тревоги снова и снова.

В первой же деревеньке, где они остановились на ночлег, всплыла проблема, о которой они заранее не подумали. Никто из жителей не оказался настолько гостеприимным, чтобы пригласить компанию к себе. Всю, включая кровопийцу. А заезжих домов в таких маленьких селеньях не водилось... Пришлось им прикупить хлеба, да обосновать лагерь уже за границами деревни. Отрава предполагала, что дальше будет проще, если там население к кровопийцам более привыкшее. Но Кристофер сам остудил ее пыл:

– Нет, не будет. С кровопийцами люди привыкают общаться, к нам нанимаются на работу, сдают кровь и сотрудничают, но вряд ли кому-то придет в голову пригласить кровопийцу в дом на ночевку. Даже не потому, что боятся. А потому что не принято, в том числе и с нашей стороны. Кровопийцы живут в замках, кровопийцы не останавливаются в дороге между городами, кровопийцы покупают наполненные пробирки у кудесников за чистое золото, кровопийцы выбирают лучший заезжий дом и не обращают внимания на то, что селят их всегда подальше от остальных и берут плату в десять раз дороже. Эта традиция настолько всех устраивает, что останется в умах и после того, как последний кровопийца умрет.

Нанья расхохоталась:

– Крис! Звучит так, будто тебе самому это отношение не нравится! Знай свое место в куче золота, сосунок, и не жалуйся, что с вас дерут втридорога! Так и будет, пока в мире не появится хоть один кровопийца-бедняк или тот, кто зарабатывает деньги тяжелым трудом!

– А я и не жалуюсь, аппетитная кудесница, я констатирую факты. Единственное, что вызывает у меня недоумение, почему они вас с такой легкостью подвели под эту традицию, а не меня под вашу?

– Все из-за твоей сногшибательной харизмы! – продолжала смеяться Нанья. – Зато кровь тебе продали без проблем. Золотой за пробирку! Мы ж тебя не прокормим, бледненький ты наш подкидыш!

– Мне в первом же замке выдадут любую сумму, а родители потом возместят. Я для вас как бездонный кошелек, если ты еще не поняла. Но я не против питаться бесплатно. Из тебя.

– Только рискни! Сразу шаром в рожу...

– Хватит уже, – устало перебил их Лю. – Сойдемся на том, что пока Кирами нам неприятностей не доставил!

Наньина лошадь зафыркала вместе с ней.

– Так мы и двух дней не едем! И уже ночевали на голой земле вместо мягких кроватей!

Отрава ехала на своей гнедой лошадке немного позади и улыбалась. Каждое слово Наньи при обращении к Крису сочилось злостью, но если хорошенько припомнить, то она и с остальными вначале общалась точно так же. Жаль только, что он сам не знает, что именно Нанья первой приняла его, демонстрируя то же отношение, что когда-то к ней и Лю. А вот Лю, напротив, при всей внешней доброжелательности, был постоянно напряжен. Но Кристофер вел себя прилично, если рассматривать с точки зрения норм приличия кровопийц.

Ночевать они остановились на небольшой полянке, свернув поглубже в лес. Там с дикими зайцами было попроще. Нанья осталась, чтобы варить кашу из шлячки, Отрава ходила кругами и собирала ветки для костра, а Лю и Крис разошлись в разные стороны, предварительно поспорив, кто из них еды первым добудет.

Заприметив за кустами сладкие съедобные ягоды, Отрава сбегала за железной миской. Хищников этим делом не накормишь, но разнообразие рациона лишним не будет. Увлечшись, она споткнулась обо что-то мягкое и завалилась на бугорок. Не ушиблась, но несколько собранных ягод из миски вылетели, поэтому она, не меняя позы, и начала их собирать. Когда бугорок под ногами зашевелился, заверещала что есть мочи и поползла

вперед, позабыв о ягодах и миске.

Развернувшись и даже не закрыв рот, она оцепенело смотрела в глаза, торчавшие прямо изнутри мха. Лю уже через пару мгновений оказался рядом. Он быстро осмотрелся, а потом рухнул рядом на землю и схватил за плечи, чтобы удостовериться в ее целостности. Подбегала и Нанья, но озиралась по сторонам, чтобы ненароком не нарваться на что-нибудь особенно страшное.

Последним из зарослей вынырнул Кристофер, впивающийся клыками в горло дикого зайца. Видимо, спор он выиграл, но решил, что приятнее самому перекусить, чем получить звание лучшего охотника дня.

Отрава же, так и не найдя подходящих слов, просто указывала пальцем на бугорок с глазами.

– О. Тухляк, – ответил на все ее вопросы Кристофер. – Я ни разу тухляков не видел.

Он подошел к бугру и присел перед ним на корточки. Тот зашевелился активнее, будто поворачивая ту часть, на которой располагались глаза, а потом как запищит нечеловеческим голосом:

– О, кровопийца! Вы еще не передохли все? Ну, тогда чего будили?

Нанья ходила кругами, выпучив глаза и зажимая ладонью рот, чтобы волноваться хотя бы не вслух – сразу видно, что и она с тухляком встречалась впервые.

Один Лю облегченно выдохнул, поднялся на ноги и сказал бодро:

– Прости, что потревожили твой сон! Поверь, не нарочно. Мы уходим, спи дальше.

Поскольку остальные только еще пристальнее вглядывались, и даже Отрава поползла ближе, Лю повторил строже:

– Мы уходим!

На него внимания никто обращать не собирался, когда тут такое! Страх Отравы почти мгновенно сменился на трепет, который только нарастал и уже kloкотал внутри. В Тихой Речке она прочитала и узнала о тухляках все, что только можно было узнать. Информация о них была весьма скудной, но это только добавляло любопытства. Люди говорили, что тухляки – это бывшие возвращенцы, достигшие такого уровня мудрости, что это останавливает Великое Колесо Жизни. Зачем перерождаться, если ты уже все понял о жизни, смерти, себе и мире? А кто-то, как Кристофер, считали их пятой расой, никак с возвращенцами не связанной. Но и он не спорил с тем, что тухляки отличаются от всех прочих мудростью – ведь уходят вот так, в леса, чтобы с простыми смертными о банальностях не разговаривать. Или они сразу из-под земли вырастали, являя собой

одушевленный вид растений? Но все версии сходились на одном: тухляки знают ответы на все вопросы, просто не всегда хотят делиться своей мудростью с другими.

Теперь Отрава могла разглядеть и его рот, и нос под густым зеленым покровом, а там, дальше, уже утопленное в слое земли и тело. Единственное, что шло вразрез со всеми ожиданиями, – это визгливый раздраженный голос:

– Все, все, посмотрели и будет! Подите-ка вон отседова – спать мешаете!

Но Нанья только еще ближе наклонилась:

– Пусть будет ласкова ночная звезда к твоим детям, тухляк!

– Каким детям, идиотка? – пищал бугор. – Иди, ложись рядом, будем с тобой детей делать!

Отрава уверенно ухватила подругу за плечо и отодвинула, чтобы занять ее место:

– Уважаемый, мудрейший, древнейший тухляк! Для нас большая честь встретить тебя! У меня столько, столько вопросов!

Часть бугорка с лицом теперь повернулась к ней и уставилась зелеными злыми глазками:

– Перевертыш, ты где там? Похоже, ты тут единственный в адеквате! Сделай что-нибудь с этими припадочными!

Отрава только грозно взглянула на Лю и снова обратилась к тухляку – слишком невероятной была эта встреча, чтобы просто так сдаться:

– Ну уж нет! Ты сначала на мои вопросы ответь! Правда ли, что возвращенцы, когда Великое Колесо Жизни останавливается, превращаются в тухляков?

– Спасите, спасите меня! Кажется, я заражаюсь тупостью! – почти отчаянно визжал бугорок.

– Отвечай! – Отрава тоже начала злиться.

Внутри его тела что-то захрустело, но потом дырка на месте рта изогнулась, обозначая ухмылку. На этот раз его визг отдавал медом:

– Правда! Истинная правда! Особенно те, кто прицепится к тухляку, как корни к заднице! Поговори со мной еще, деточка, сразу станешь тухляком!

Его сарказм Отраву так просто с пути познания сбить не смог:

– А нужно ли мне ехать в Столицу? Действительно ли мне предстоит спасти династию, и как это сделать?

Тухляк закрыл глаза, потом открыл, устремив взгляд в небо, а потом заговорил совсем другим голосом – более низким, глубоким, монотонным:

– Мир держится на тонких нитях. Узрите, смертные дети, как шатко висит на них вселенская гармония, – тут уже и Лю склонился ниже, ощущая трепет и внимая каждому слову мудреца. – Ощутите, смертные дети, бурю грядущего. Остановитесь, смертные дети, в этом мгновении, ибо оно уже не повторится...

После длинной паузы Отрава все же решилась уточнить:

– Я не поняла – мне в Столицу-то ехать?

– А мне-то почему знать?! – она подпрыгнула от очередного визга. – Я тебе наплел бессмысленной ерунды, сама теперь разбирайся! С остальными это всегда срабатывало!

Нанья хохотнула, а Лю, поняв тщетность усилий, потащил Отраву подальше от нервного тухляка. Только кровопийца остался рядом, медленно водя взглядом вдоль всего бугра и обратно.

– Кирами, – позвал Лю. – Да отстань ты от него – видишь же, ничего толкового мы все равно не добьемся.

Крис ответил, как обычно, бездушным голосом:

– А давайте откопаем его и с собой возьмем. То-то смеху будет. Зато из нас получится самая полная межрасовая команда.

Бугор весь аж волной пошел:

– Перевертыш!!! Перевертыш, ты где там, благодетель?! Не надо меня никуда брать! Скажи ему!

Этот визг полностью уничтожил остатки благоговения, поэтому Лю сказал с тихим смехом:

– Да не потащим мы с собой тухляка, Кирами! Хватит уже беднягу доводить!

Кровопийца медленно склонил голову на бок:

– Мне интересно, можно ли его убить? А если все его тело расчленишь и по лесу раскидать – умрет или просто продолжит спать... кусками?

– А этого я сам не знаю! – пищал тухляк. – Но я согласен на любой вариант, в котором вас нет!

Нанья уже хохотала в полный голос и оттаскивала от бугра Кристофера.

За ужином Отрава думала, что этот мир вовсе не таков, каким его описывают. Хотя и даются почти точные характеристики, но при этом представление получается искаженным. Кровопийцы именно такие по формальным признакам, как в книгах и рассказах, но помимо этих признаков имеют другие черты, которые не так заметны, но при этом сильно меняют весь образ. А тухляки... да про характер тухляков рассказывали очень точно! Но от рассказов у Отравы возникал

благоговейный трепет и почтение, а от реальной встречи – только недоумение без капли любопытства к их таинственности. При этом в изначальной информации ведь не было и слова вранья! Это что же получается? Чтобы узнать о чем-то или ком-то правду, то необходимо это увидеть собственными глазами?

Эпизод 10. Розовая Роща

Кристофер задавал прямые вопросы о цели их похода. Он уже раньше понял, что они от кого-то прячутся, но вопросы Отравы тухляку его подвели уже к конкретным подозрениям:

– Про династию давай-ка поподробнее. Ты за них или против? Судя по тому, что за тобой приглядывает императорский перевертыш, за. А вкусняшке-кудеснице до вашей святой миссии и дела нет – она просто теплое местечко на будущее увидала. Ну, так и зачем тебе в Столицу?

Отрава, как и остальные, на вопросы отвечать не спешила. Но Крис в некотором смысле являл собой самодостаточную личность – по крайней мере он вполне был способен вести разговор и с собой:

– Стража первого ранга к тебе не просто так приставили. И при этом ищут сильные кудесники, а их услуги недешево обходятся, так что занимают тобой люди серьезные. Как именно ты собираешься династию спасти, и самое главное – зачем?

И снова в ответ тишина.

– Отрава, – Кристофер направил коня ближе к ней, – я сгораю от любопытства. Ты... ты такая обычная. Тебя ни в принцессах, ни в защитницах трона представить невозможно. Банальная и неказистая. Я бы сказал – ничтожество, но не стану, потому что я воспитанный. Давай вместе разберемся, что к чему?

– Кирами! – не выдержал Лю. – Оставь ее в покое! Со временем и сам все узнаешь... при условии, что мы будем тебе доверять!

– Ого. То есть я еще должен заслужить ваше доверие? Как интересно.

Отрава не могла предположить, какие выводы из этого сделал Кристофер: то ли искать способ окончательно влиться в их компанию, то ли удовлетворять любопытство не прямыми вопросами, а тихой сапой. Но зато и донимать ее перестал.

Розовая Роща навскидку оказалась раз в пять больше Серебряного Облака. И приближение к ней угадывалось задолго – крестьянские поля и пастбища развернулись во все стороны. Близость к морю сглаживала перепады температур, поэтому климат тут был более подходящим и для сельскохозяйственных работ, и для жизни. Вокруг курсировали отряды из пяти-шести перевертышей, что, по всей видимости, отбивало охоту разбойников селиться в редких зарослях.

К ним с разных сторон направлялись сразу два отряда, еще издали

заинтересовавшись странной компанией. Но и на этот раз бумаг Лю хватило, чтобы остальные вопросы отпали сами собой. Хотя Кристофера рассматривали подозрительно и называли «господин», но, не спрашивая о подробностях, сопроводили путешественников в город.

Они расселились в соседних комнатах заезжего дома и договорились после отдыха и ужина прогуляться по этому густонаселенному местечку всем вместе. Ни один из них раньше в Розовой Роще не бывал, и Лю настоял именно на совместном походе: ему ведь не разорваться, чтобы и за девушками присмотреть, и проследить, чтобы Кристофер приобрел крови в специально отведенном для этого месте.

Теперь Отраве шумное Серебряное Облако показалось тихим местечком, а люди в Розовой Роще еще более странно одетыми – у некоторых пол невозможно со спины определить! Но разноцветные шелка оправдывались повышенной влажностью. Была в ходу тут и странная традиция: лавочники уж слишком настойчиво зазывали прохожих заглянуть к ним. На вежливые отказы хватали за руки и буквально тащили за собой. А еще и детишки в драных рубашках окружали, бесконечно прося монетку. Чем больше город, тем больше нищих – закономерность. Золота у путников осталось не так уж и много, но Отрава нырнула рукой в карман, чтобы хоть полтишок этой гурьбе отдать – пусть между собой делят. Лю остановил ее порыв:

– Если дашь, то мы от них уже не отобьемся, – сказал ей на ухо, а потом гаркнул в полный голос: – Ну-ка, разойдись, шпана!

Но те к такому обращению были привыкшие: они, наоборот, только кольцо крепче вокруг Лю сжимали и оттесняли девушек в сторону, заставляя паниковать. Отрава надеялась, что Нанья от страха не начнет своими шарами швыряться – наглая малышня вряд ли заслужила такой участи.

– Ну-ка, разойдись, шпана, – повторил монотонный голос сзади.

В присутствии кровопийцы есть куча плюсов! Ребятню будто ветром сдуло. Нанья тут же сопоставила все аргументы и уцепилась Кристоферу в локоть. Лю и Отраву подтолкнул ближе к тому, а сам пошагал с другой стороны. Крис только посмотрел сначала на кудесницу, а потом и на остальных, но спорить с использованием себя в качестве отпугивателя не стал. Сказал только:

– А не завалиться ли нам в кабак? Вон там одну вывеску видел.

– Ну уж нет! – отрезал Лю.

– А почему же нет? – удивилась Нанья. – Я вот ни разу в жизни пьяного кровопийцы не видела!

– И не увидишь, – наклонил к ней голову Кристофер. – Мы и пить можем, и лишай-травку жевать, но изменения в поведении ты не заметишь. Как не замечаешь, что я сейчас смеюсь над твоей реакцией. Ну что, вкусная кудесница, идем?

– Идем!

– Я сказал – нет! – повторил Лю еще громче, будто до этого его просто не расслышали. – Они же юные девушки, а там разный сброд собирается!

Кристофер повернулся к нему:

– Я правильно понимаю: тебе можно в борделях развлекаться, а юным девушкам даже в почти приличный кабак заглянуть нельзя?

Лю немного опешил и мельком глянул на Отраву, но она уже и сама приняла решение:

– И правда! Я, например, в таких местах не бывала! Так что я иду с ними, а ты... можешь в заезжий дом вернуться или бордель себе отыскать!

Естественно, этим заявлением она не оставила ему выбора, ведь она не была его арестанткой, но и бросить ее одну он права не имел. Вот и вынужден был плестись за ней, куда бы ни направилась. Лю еще повезло, что обычно Отрава отличалась кротостью, но пора ему начинать привыкать, что так будет небесконечно.

Кабак назывался очень крикливо и патриотично – «Розовая Рोजа». Внутри не было того пьяного шума, который Отрава ожидала. Наоборот, тихо и уютно, как в деревенской библиотеке. Небольшие столики были украшены кружевными салфетками и полевыми цветочками в жестянках.

К ним выплыл молодой возвращенец в белоснежной рубахе, подвязанной фартуком.

– Добрый вечер! У вас заказано?

– Заказано? – растерялась даже Нанья. – Не заказано...

Возвращенец деловито покачал головой:

– Посмотрим, что можно для вас сделать... – он задумчиво осмотрел практически пустой зал, кое-как выбрал столик и будто сам обрадовался такому простому решению: – Будьте добры, сюда! Господин, а вам поближе к сцене или подальше от охраны?

Это он обратился к Кристоферу, но тот на него не взглянул и направился к указанному столику.

– Э-э... Так вы вместе? – не понял возвращенец. – И какое мне тогда меню подавать?

Лю быстро нашелся и ободряюще хлопнул парня по плечу:

– Оба подавай. Наш... к-хм... друг будет кровь, мы – еду.

– А пить будем одно и то же! – подхватила Нанья.

– Так... но... ценники-то разные... – паренек не находил выхода.

Отрава усмехнулась – неужели они всерьез считают, что кровопийцы не имеют понятия о накрутках специально для них? То есть думают, что хитро облапошивают простофилю, в то время как кровопийцы думают, что переплачивают только потому, что способны переплачивать – эдакая вселенская гармония попрошайничества и демонстративности.

В итоге парень, посоветовавшись с комитетом из парней в таких же фартуках, принес к их столику: меню для простых людей; меню для кровопийц, в котором было всего три строчки – с указанием расы; и винную карту... для кровопийц. Похоже, комитет единогласно проголосовал за то, что кровопийца способен оплатить и за себя, и за товарищей по столу. Первой огромную золотистую букву «К» на обложке разглядела Нанья:

– Эй, паршивец! Неси-ка нам винную карту с нормальными ценами!

Тот, уже настроившись на атаку, не думал теряться:

– Так это она и есть. «К» означает «кудесница», уважаемая!

– Да что ты тут мне чешешь?! – Нанья с места подскочила, а глаза ее наливались желанием сжечь тут все к хряку.

Лю ухватил ее за локоть и рванул обратно на место:

– Да не горячись. Мы тут все равно ненадолго. А у них работа такая... с кровопийц три шкуры драть.

Кристофер при этом будто и не присутствовал вовсе, медленно обводя взглядом помещение. Если придется платить по этой винной карте, то они тут задержатся совсем ненадолго. По Отравиным прикидкам на все свои сбережения они тут могут наесться до отвала и понюхать выпивку – если за соседнем столике закажут и разрешат понюхать.

– Крис! – она обратилась сразу к виновнику этого безобразия. – Ты хоть слово скажи!

– Не могу, – тут же отреагировал он, но и взгляда от пустой деревянной сцены не отлепил. – Мне воспитание не позволяет торговаться.

– Чего?! – окончательно вскипела Нанья и взвилась на месте. – Зато мне воспитание позволяет всем тут устроить массовую взбучку!

Она сначала треснула Кристофера по плечу, отчего он даже не вздрогнул, а потом схватила парнишку в фартуке за шиворот и потащила к стойке, где уже кучковались его коллеги по несчастью. Если кто и отобьет у этого сброда правильное меню, то только Нанья! И точно, через несколько минут криков с переходом на личности, она, уже довольная, несла к их столику сильно потрепанное в ходе кровопролитных боев меню – без огромной золотой буквы «К».

В этом меню, как и в предыдущем, была всего одна страница с двумя позициями: самогон и лишай-травка. Было бы за что воевать. Особенно когда Лю добавил:

– Заказываем по кружке самогона и хватит! С лишай-травки я вас потом по всей Розовой Роще собирать буду.

– Роже? – переспросила Отрава.

– Роще, – Лю выглядел уставшим или напряженным. – Если не по всему Левоморью.

Самогон Отрава в Тихой Речке пила – немного, конечно, но что же это за молодежь, которая ни разу у родителей бутыл не сперла и где-нибудь за последним сараем не распечатала? И после этого, как и все остальные, даже с одного глотка готова была и в танцы пуститься, и песни веселые кричать, а потом, крадучись, пытаться попасть в свою комнату, чтобы мама запах не уловила. Та, скорее всего, улавливала, но предпочитала не разводить хотя бы эту тему до скандала – сама ведь когда-то была молодой! А вот к лишай-травке отношение было более настороженным: говорили, что она мозги сушит и вызывает привычку. Люди, нажевавшись ее, пьянели примерно так же, как с самогона, но чудили сильнее – бывало им мерещилось то, чего наяву не было. Но главное – от лишай-травки зубы заметно желтели, поэтому ее любителей уже по улыбке можно было распознать. А раз так, то от маминого скандала не спасешься.

И немного-то она теперь выпила, но все эти воспоминания вызвали неестественную грусть:

– Лю, прямо сегодня напишем моим письмо, ладно?

– Так напиши! Давно пора! – не понял он.

Отраве было неловко поднимать эту смущающую тему:

– Ну... я бы хотела, чтобы и ты им что-нибудь написал – чтоб они уж совсем не переживали. Мол, путешествуем по государству и все у нас хорошо... что любим друг друга... Только это маму успокоило бы окончательно...

Лю, хоть и не любил врать, но кивнул серьезно – в некоторых случаях правду можно немного приукрасить, чтоб родне Отравы жилось спокойнее. Но вмешался Кристофер:

– Ты только представь, как твоя мама обрыдается, прочитав такое занудное письмо. Давай я тебе помогу. Мы-то с тобой уже в обмане родни на романтические темы асы.

Отрава, вспомнив, как они сочиняли письмо от имени Лионессы, расхохоталась. И тут же согласилась на предложение – в любом случае процесс обещает быть презабавным. Его потом только остановить надо

будет от формулировок типа «Высокоблагороднейший потомок высокоблагороднейшего семейства перевертышей очень счастлив составить партию вашей деве».

Тихой «Розовая Рожа» оставалась недолго: со временем сюда стягивалось все больше народа. Так, глядишь, и битком забьется. И шум будет только нарастать, а ближе к восходу ночной звезды перевертыши разойдутся по домам. Хотя могут и вернуться позже, когда их критический период снова схлынет. На сцене выла безголосая, но очень грудастая возвращенка в блестящем платье. Отраве только поначалу ее выступление казалось смешным, но через пару песен она и сама начала с удовольствием подвывать и даже немного завидовать блеску ее платья.

Но Кристофера блестящая возвращенка, естественно, не интересовала. Он долго наблюдал за крайним и самым шумным столиком, а потом спросил у остальных:

– Во что они там играют? Я тоже хочу.

Лю только бегло взглянул в ту сторону.

– В карты. Да там шулеры собираются – на золото подвипивших разводят. Не думал, что и кровопийцам свойственен азарт!

– А кто же это проверял? Я, например, даже играть не умею. Но шулеры же объяснят?

Крис встал и направился сквозь толпу к эмоциональной компании картежников. Лю уж было рванул за ним, но повеселевшая Нанья остановила:

– Да пусть развлекается! Ему же явно полной жизни захотелось, а если мы его начнем ограничивать, то он так полудохлым и останется! – и тут же упорхнула, приняв очередное приглашение на танец. Нанья выходила танцевать уже в четвертый раз, никому не отказывая, но каждый раз с новым кавалером. Видимо, тоже полной жизни захотелось. Точнее, она иначе жить и не умела.

– Сколько у него с собой денег? – поинтересовался Лю и мнением Отравы.

Она только плечами пожала, но не собиралась портить настроение его напряжением:

– Не думаю, что много. Но он ведь говорил, что его любые кровопийцы на нужную сумму кредитуют, а отсюда до замка Аяну всего несколько часов пути! Пусть проиграет пару монет, зато поумнеет на десять!

Самогон в небольших количествах придает смелости, поэтому Отраве даже наедине с Лю теперь было лень стесняться. Она только придумывала,

какой вопрос задать первым: пойдет ли он танцевать с ней или пригласит другую девушку? Потому что ей лично все равно! Ей лично только хорошо, если он перестанет хмуриться и начнет развлекаться.

Но не успела она выбрать, как уже Нанья тащила Лю танцевать. И он, смеясь, согласился! А вот это уже было немного обидно... Правда, к Отраве тут же подсел парень и поставил свою жестяную кружку на стол.

– Девушка, а мы с тобой раньше не встречались?

– Н... не думаю, – растерялась Отрава.

– А твоей маме зять не нужен? – подмигнул он.

– Н... нужен. У меня шесть сестер на выданье...

Он отчего-то опешил, но быстро собрался:

– Вспомнил! Я тебя во снах видел!

– Ты кудесник, который умеет видеть будущее? – поразилась Отрава. – Ого! А что еще видел?

– Понятно. Так бы и сказала – не заинтересована в знакомстве. Зачем же издеваться? – обиделся он, подхватил кружку и пошатался к другому столику.

А вернувшаяся Нанья еще и похвалила:

– Ну вот, теперь и наша Отрава учится проходимцев отшивать! А ты, Лю, сюда идти не хотел!

Лю успел согласиться, что вечер проходит на удивление весело и познавательно, как пыл его погасил подошедший перевертыш. Мужчина хлопнул его по плечу и заявил, едва сдерживая хохот:

– Начальство ваше уже до нитки вытрясли!

– Какое еще начальство? – Лю не сразу понял, но интуитивно посмотрел в сторону картежников. – Кровопийца?

– Ну, а кто ж? – тот ржал в полный голос. – Он уже и золото проиграл, и рыжую, – кивнул на Нанью. – Сейчас на худышку играет. Ты, судя по всему, будешь следующим.

– В смысле... проиграл? – Лю не мог уловить общий смысл сказанного, а уж Нанья и Отрава подавно. – Как он может нас проиграть? Мы ему что, мебель какая или рабы?

Перевертыш, уловив в его тоне ярость, объяснил обескуражено:

– Да при чем тут рабы? Вы же на него работаете – вот по неделе отработки с каждого и проиграл... Вам-то какая разница, в каком доме котлы чистить или ворота охранять? Тут на это часто играют, когда золота не остается...

Глаза Лю становились чернее обычного, а в лице он менялся так быстро, будто ночная звезда сегодня поднялась на пару часов раньше.

– Куда ты? – Отрава вцепилась в его плечо.

Но оказалось, что Лю тут был не самым агрессивным противником азартных игр.

– Я ему сейчас котел начищу! – вопила Нанья, прорываясь вперед.

Но наткнулась на пару перевертышей с вполне себе серьезным видом, которые, по всей видимости, к таким разборкам уже давно привыкли, а может именно для них тут и присутствовали:

– Дамочка, остынь! Никто вашего господина играть не заставлял. Да и в чем проблема? Не хочешь отрабатывать – не будешь. Он или других слуг пришлет, или золотом долг покроет. Вот тебя, правда, уволит, но это уже ваши личные заботы.

– Да я ему не слуга! – закричала Нанья так, что даже вопящую девицу на сцене заглушила. – Никто из нас!

А вот это уже зрителей удивило. Играть на отработки – уже само по себе дело ненадежное. Ведь действительно, не рабы, не обязаны, поэтому придется проигравшему за работу своих слуг в чужом доме сверх нормы платить, чтобы с нервов не уволились. Хотя беднякам, которые на кровопийц работали, в голову бы не пришло увольняться из-за такой ерунды – более надежное место вряд ли можно сыскать. Потому-то рабочая сила и являлась платежным средством, хоть и непопулярным. Но ставить рабочую силу посторонних людей...

– Эй! – один мужик тут же поднялся из-за стола. – Господин, ты нам тут что чешешь? Зачем ставишь то, на что права не имеешь?

– Так собираюсь отыгаться, – спокойно ответил ему Кристофер, даже не отрывая взгляда от своих карт. – Я забыл – какая масть старшая? Столько сложных правил... Садись, Прилив, не отвлекай хоть ты.

– Господин, – тот немного тон сбавил, но все же говорил с явным нажимом. – Ты сначала за предыдущий проигрыш золотом рассчитаешься, а потом уже ставки делай! Мы тут в долг не играем! Рой, кликни-ка там охрану... И за дружками его присмотрите, пусть тоже тут побудут.

– Не надо охрану, ребята! – Лю сжимал и разжимал кулаки. – Уладим миром! Сколько он должен?

– Пять золотых, – тут же отозвался Кристофер.

Лю заскрипел зубами, но вытащил из кармана последнее – ровно пять. Бросил на стол, но при этом уже не сдерживаясь:

– Я тебя в ближайшем ручье утоплю, Кирами, в ближайшем ручье... Вставай, пойдем отсюда!

Кристофер на него и не посмотрел. Подвинул три монеты уже улыбающемуся и усаживающемуся за стол Приливу, огорошивая:

– Я немного преувеличил. Был должен три. А теперь у меня есть еще две, чтобы поставить. Играем? Я отыграюсь.

– Играем-играем! – Прилив мгновенно изменил настрой. – Раздавай, Клио!

От такой наглости даже Наньина наглость, которая до сих пор считалась сверхнаглостью, с треском хрякнулась. Она открывала и закрывала рот, хлопала глазами и разводила руками. А Лю будто лишай-травки нажевался и уставился в стену, ошарашено что-то там разглядывая. Оставшись без поддержки, Отрава приняла управление на себя:

– Ребята, он не играет! Вы же видите, что у него других денег нет! И у нас нет, чтобы за него заплатить!

– Да не переживай ты так, худышка, ставка уже сделана. Проиграет эти и пойдет домой с легкими душой и карманами!

– Или отыграюсь, – совсем уж тупо повторил Кристофер.

Нанья засопела, как паровой котел, но потом ухватила друзей за локти и притянула к себе. Зашипела:

– Я тут кое-чем подсобить могу. У меня отец так на выпивку зарабатывал и меня научил. Могу сделать, чтоб ему хорошая карта пришла. Но как только он выиграет, сразу утаскиваем его отсюда – хоть силой. Так что будь готов, Лю!

Лю, которому дали хоть какой-то план, сразу успокоился и сосредоточился. Нанья же с прищуром смотрела на перемешиваемую колоду и что-то под нос себе бормотала. После раздачи Кристофер спросил:

– А какая масть старшая-то? Эта? – и простодушно показал одну из карт противникам.

– О! – удивленно отозвался Прилив и посмотрел на Клио, который сдавал карты. – Что за ерундень, дружище?

Они даже и не скрывали, что мухлевали все это время! А теперь Клио подскочил на месте и завизжал, тыча пальцем в Нанью:

– Кудесница! Кудесница наворожила! Мошенники! Гоните их из нашего честного заведения!

Теперь даже до Кристофера дошло, что игра закончена. Он встал, проводил взглядом последние две монетки, которые Прилив тут же схватил со стола, а потом молча направился к двери. Перед ним толпа расступалась, не решаясь высказаться оскорбительно прямо, но зато на остальных направила весь свой гнев. Отрава ощутила пинок под зад, когда их «проводжали» за двери, а уж Лю испытал гостеприимство по полной.

Уже на улице Кристофер остановился и повернулся к ним.

– До того как ты начнешь кричать, перевертыш, я хотел бы извиниться, – это слово настолько не сочеталось с его характером, что все замерли – пусть хоть извинится, раз желает! – Вы должны кое-что понять. Я не привык к такому кутежу, и, оказалось, что я очень азартный парень. Ха. Ну признайте, ничего страшного не случилось, зато было очень весело.

– Идиотина тухлая! – видимо, Нанья его извинения близко к сердцу не приняла. – Это хорошо, что у нас за комнаты вперед заплачено! А если твои Аяну не дадут нам мешок золота, я тебя урою, клянусь последним огненным шаром! Лучше б мы тебя там сразу бросили! Какого хряка мы полезли его выручать?! – она безнадежно всплеснула руками и направилась по мощенной дороге в сторону заезжего дома.

– Утоплю в ближайшем ручье... утоплю в ручье... – обреченно бубнил Лю, проходя мимо Кристофера. – А если не получится, то утоплюсь сам... все облегчение...

– Отрава, – Кристофер смотрел теперь на нее своим белесым взглядом. – Ты тоже злишься?

Она ахнула:

– А как ты думал?! Меня еще ни разу пинками ни откуда не выгоняли! – и демонстративно потерла зад.

– Ну, так радуйся, что нескучно живешь. А я вот вряд ли когда-нибудь пинка получу.

И снова это чувство – словно он смеется в полный голос при каменном лице. Но при этом с примесью чего-то еще... Неужели в самом деле ему немного стыдно? Эта мысль и успокоила Отраву:

– Крис, ты должен выбрать: ты или с нами, или нет.

– С вами. Кажется, это очевидно.

– Тогда думай иногда и о нас, а не только о себе!

– Я не умею. Кажется, это тоже очевидно.

И все же пошел рядом с ней, о чем-то размышляя. Отрава надеялась, что его сложный ум все же приведет его к некоторым правильным решениям, но ошиблась:

– Я успел проиграть только кудесницу и тебя – по золотому на каждую. Почему же перевертыш так обиделся?

– Представь себе, потому что он о нас думает в первую очередь! И ты тоже попробуй!

Кристофер посмотрел на нее:

– Разве непонятно, что я им вас бы не отдал? Возможно, получилась бы драка с убийствами или еще больше пинков. Но кудесница – она ведь как бочка с самой ценной кровью. Мне не досталась, но это не значит, что я

такое сокровище кому угодно доверю.

Даже в его «заботе» отчетливо звучал цинизм.

– Как Нанье повезло! А я чем заслужила такую милость?

– Ты мне нравишься, – на этих словах Отрава замерла, как вкопанная.

Крис тоже остановился. – Нет, не пойми неправильно. Ты мне нравишься больше всех остальных не-кровопийц.

– И чем же? – его объяснений Отраве хватило, чтобы снова начать улыбаться.

– Тем, что говоришь со мной так, будто тебе важно, как твои слова изменяют мои мысли. А не просто высказаться, как это случается со всеми остальными.

Отрава хмыкнула:

– Не могу сказать, что разделяю твою... симпатию, но точно готова ждать, когда же мои слова начнут менять твои мысли!

– Изменения будут отчетливо заметны через пару тысяч лет.

– Придется настроиться на долгое ожидание.

Эпизод 11. Золотой Краб

Аяну приняли их хорошо, в смысле, традиционно холодно. Отвесили достаточно золота по первой просьбе Кристофера. Он тут же отослал почтовика в замок Кирами, чтобы передать привет родителям и попросить возместить ущерб. Только обняв большой кошель и потираясь о него щекой, Нанья перестала ныть и дуться.

Встреча эта, как и совместный обед в неудобном замке, была ничем не примечательной, кроме одного разговора, которому Отрава в тот момент значения не придавала. Кристофер, проформы ради, поинтересовался у господ о наличии дочери в молодом возрасте – надо же в отчет перед родителями и это вставить. Но единственная дочь Аяну уже была замужней и уехала отсюда в замок своего супруга. Жили они далеко, на Северной Территории. В той местности не было крупных городов, тамошние кровопийцы жили в некоторой изоляции, общаясь только с крестьянами из ближайших деревень. И господа озвучили свою тревогу: они уже шесть месяцев не получали вестей от дочери и зятя.

Шесть месяцев для кровопийц – срок совсем незначительный, а заблудившиеся или пропавшие почтовики не редкость. Поэтому родители и не думали переживать, пока торговцы, заезжавшие несколькими днями раньше, не рассказали некоторые сплетни. Сами они свидетелями не были, но коллеги их коллег, работавшие в тех краях, поговаривали, будто замки кровопийц разрушают, а самих господ убивают. Звучало абсурдно, но после этого Аяну стали отсылать родне почтовиков ежедневно и пытались разузнать в Розовой Роще подробности, но тамошняя стража ничего про это не слыхала.

Родительские тревоги всегда преувеличены, потому гости на них внимания не обратили. Слухами, как известно, Левоморье и живет. А уж про отдаленные районы рассказней всегда навалом – о чем еще сочинять байки торговцам в их скучных путешествиях? Если бы кровопийц казнили за злоупотребление клыками, то родню оповестили бы в первую очередь. А кто еще мог быть настолько силен, чтобы и охраняемый замок разрушить, и пару молодых кровопийц прикончить? Уж точно не крестьяне из соседних деревень. И если б это было правдой, то такие новости передавали бы перевертыши из стражи, а не торговцы через десятые руки.

Решили теперь направиться в портовый город Золотой Краб, чему Отрава была рада до повизгивания и прихлопывания в ладоши. Увидеть

море хотелось даже больше, чем Столицу! И уже через пару дней ее мечта исполнится. А пока – утомительные конные переходы и усталые переругивания у костра перед ночевками.

– Эй, Кирами, ты куда это устраиваешься? А ну, дуй на ту сторону!

– Перевертыш, твое недоверие меня обижает. У меня с собой запаса крови на неделю вперед, а кудесница и сама за себя постоять может.

Нанья от усталости даже злиться поленилась:

– Могу. Да ладно тебе, Лю, пусть тут дрыхнет. Он все равно ж за мужика не считается. И не храпит...

Отрава тоже не могла понять, почему для Лю этот вопрос так важен. Захоти Кристофер кого-то из них ночью прикончить, то смог бы – и неважно, с какой стороны костра он спать уляжется. Но Лю настаивал:

– Ты-то за себя постоять можешь, Нанья, но я не за тебя переживаю!

Отрава улыбнулась. Конечно, он обязан в первую очередь беспокоиться о ней, но это было нелепо – она Криса не боялась уже давно. Даже наоборот, ей нравилось вслушиваться в его философские размышления с самим собой. Многого она не понимала, со многим была не согласна, но часто именно его слова и заставляли ее задуматься о чем-то и потом прийти к собственным выводам.

Например, глупые волнения кровопийц об их дочери действительно выглядели неважными только при условии, что речь шла о кровопийцах. Если бы семья перевертышей, возвращенцев или кудесников потеряла связь с родными, городская стража в обязательном порядке взялась бы за прояснение ситуации – даже если нет никаких оснований, просто чтобы успокоить просителей. А тут даже почтовика в ближайший к тому замку город не отправили – якобы все равно слишком далеко, незачем попусту тревожить. Кристофер называл это расизмом. Но Отрава задумалась о другом: о построении любой поисковой системы в Левоморье. Этим занимались только перевертыши из городских или деревенских страж. И лишь потому, что в начале службы принесли клятвы. Выходило, что власть на местах только на этих клятвах и держалась. Перевертыши разрешали локальные споры, искали пропавших, расследовали преступления. Неподкупным перевертышам верили и потому не считали, что кто-то другой с этими задачами справился бы лучше. А когда возникала какая-то нестандартная ситуация, то решение возлагалось на главу поселения – тоже всегда перевертыша. В небольших деревнях так вообще никаких глав не было, только стража, чаще всего из местных добровольцев. Кудесники и возвращенцы тоже входили и в охрану, и в Советы городов, а злоупотреблять своим положением им мешали все те же перевертыши.

Неплохая система, работающая, но при чем тут император? Его власть присутствовала только в виде налогов в столичную казну. Кристофер о дальнейшем прямо не говорил – Отрава сама додумалась: все бы ничего, если местные задачи и эдак решаются, но государство будто поделено на зоны. Поэтому когда возникает проблема где-то в отдаленном районе, местных это вроде как и не касается. А если тут своих сил не хватает, то это, опять же, только их заботы. Столичные власти ничем не помогали: ни в поисках, ни в борьбе с разбоями, ни с нищенским уровнем жизни. Великий Кудесник вмешивался лишь в периоды крупных эпидемий – и на том спасибо.

Задумавшись, Отрава пропустила разгар конфликта.

– Перевертыш, это твое «мальчики налево, девочки направо» – тактически идиотично. Раз ты за Отраву так переживаешь, то не верно ли уложить с ней рядом лучшего из сторожей? Меня.

– А! – Лю не знал, то ли смеяться, то ли плакать. – Так ты, оказывается, из чисто благородных побуждений?

– Конечно. И просто хочу спать тут. Меня успокаивает ее сопение во сне.

Отрава на этих словах усмехнулась, так и не определившись, шутит он или нет.

– Ну, тогда все ясно! – издевательски отреагировал Лю. – А что еще ты хочешь, Кирами? Говори, не стесняйся!

Кристофер, наверное, тоже издевался, просто в его тоне это невозможно было уловить:

– Чтобы ты заткнулся уже. И перестал изображать главного.

– Так он и есть главный! – Нанья открыто смеялась.

– Как он может оставаться главным, когда тут появился я? – до того, как кто-то успел возразить, продолжил почти примирительным: – Хотя это ладно. Я даже готов подчиняться, потому что в походе вопросы о субординации не поднимают. Поэтому пусть будет главным – лишь бы заткнулся. А Отрава будет сопеть на ухо только мне.

– Прямо-таки на ухо? – уже ухохатывалась Нанья. – То есть ты не по нашу сторону костра перемещаешься, а непосредственно Отравушке под бочок?

– Со временем, – монотонно ответил ей Кристофер. – Например, завтра. Еще хочу, чтобы она уже перестала такими глазами на перевертыша смотреть. У меня от этого зрелища приступы влажного омерзения. Не ты ее защищать должен, а я. Еще раздражает, что она этого никак не понимает.

На этих словах повисла тишина. Даже Нанья перестала улыбаться и

после затянувшейся паузы неуверенно озвучила свои мысли:

– Крис... Если бы ты не был кровопийцей, я бы решила, что ты ревнуешь... ну, типа влюбился...

Как только это было произнесено вслух, у Отравы в груди будто холодный шар лопнул, вызывая судороги отвращения и отдаваясь импульсами в руки. Лю молчал, уставившись на Нанью и отвесив челюсть – таких бредней он от нее не ожидал. К счастью, Кристофер ответил примерно то же:

– Ересь, аппетитная кудесница, чистая ересь, – и только было Отрава облегченно усмехнулась, зачем-то добавил ненужное: – Или нет?

Нанья выкатила глаза, а Лю и Отрава почти синхронно подпрыгнули на месте и вылупились на кровопийцу в ожидании, когда он уже снова скажет хоть что-то, отчего все это абсурдное предположение снова будет выглядеть смешным. Но Кристофер молчал, попеременно переводя взгляд с одного на другого, словно и сам ждал ответа. И точно так же, как раньше Отрава улавливала его внутренний смех, сейчас она почти отчетливо ощутила какое-тодребезжание – тоже ничем внешне не проявляемое... и очень похожее на панику.

Кристофер посмотрел на нее и снова не нашел того, чего внутри себя искал. А потом молча направился мимо костра в темный лес. Не пропадет, поэтому никто бы и не подумал его останавливать.

– Этого же не может быть? – Отрава была обязана задать такой простой вопрос, чтобы получить на него очевидный ответ.

– Нет! Абсолютно невозможно! – великодушно помог ей Лю.

Но Нанья той же добротой не отличалась:

– А почему абсолютно-то? Нет, это, конечно, дикость, но я и про извращенцев похлеще слыхала! А наш так вообще на всю голову отшибленный... что это за кровопийца, который в замке не сидит, а гулеванить на полстолетия отправился?

– Извращенец? – Лю с сомнением оглянулся и прислушался. – Нет, все-таки вряд ли. Похоже, он просто нашел предлог, чтобы от нас уйти. И это плохо. Его видели со мной, и если Кирами кого-нибудь убьет, то это бросит тень на мою репутацию...

– Ушел, оставив нам все свое золото и коня? – Нанья покачала головой. – Хотя у него в замке этого золота... Ну, тогда и хорошо, что ушел!

И только Отрава не могла согласиться ни с Лю, ни с Наньей. Ей было как-то совсем не очевидно, хорошо ли, что Кристофер ушел. Спать улеглись до восхода ночной звезды, и никто намеренно не стал озвучивать, что теперь опасности стало больше: в случае нападения у них теперь ровно

на одного кровопийцу меньше.

А неприятности ведь всегда сидят в засаде и только ждут подходящего момента – когда к ним меньше всего готов! Поутру путники собрали вещи и вышли на дорогу, но даже на лошадей усесться не успели. Навстречу к ним направлялся небольшой отряд возвращенцев.

– Здравия, путники, – хмуро поприветствовал один. – Вытрясайте свои рюкзаки и идите в том же здравии дальше.

– Вы разбойники, что ли? – Лю едва не смеялся – эти оборвыши впятером совсем страха не вызывали. – Тогда лучше сами идите в том же здравии.

– Я разделяю твой скепсис, перевертыш, – отозвался тот унылым голосом. – Но это часто срабатывает. Хоть коня отдайте – зачем вам лишний? Не будьте жадными.

– А-а! – даже Нанья не думала пугаться. – Вы разбойники-попрошайки?

– А вот это обидно! – главный оборвыш насупился еще сильнее. – Мы и подраться не дураки! Перевертыш, правда, нас все равно прикончит, но может, мы хоть одной из вас успеем камнем в лоб зарядить. А так, могли бы и просто договориться. Ну зачем вам лишний конь?

Лю бегло глянул на Отраву, словно сопоставляя, стоит ли удар ей в лоб камнем коня, но тут же перевел взгляд ей за спину. Она тоже оглянулась, но Кристофер из зарослей показался только спустя какое-то время.

– Я тут подумал и додумался, что кудесница ошиблась, – он вообще на грабителей внимания не обратил. – Совершенно в этом уверен – я себя отлично понимаю. Поэтому и нет ничего страшного, если я продолжу путешествие с вами. При условии, что перевертыш не будет строить из себя пуп земли. У кровопийц, между прочим, монополия на высокомерие.

Он подошел к Лю, сложил руки на груди в ожидании, когда тот соизволит ему передать уздцы коня.

– Вот и отлично! – неожиданно обрадовалась Нанья, вопреки своим вчерашним словам. – Очень рада, что ты оказался не извращенцем!

– А уж я-то как рада! – облегченно рассмеялась Отрава.

Пришлые совсем вылетели у них из головы, но те сами напомнили о себе:

– Э-э... ребят... Вы чего? Зачем сразу так-то? И мы... это... – главарь посмотрел на своих молчаливых друзей, – мужики, вытрясайте чего у вас там в карманах есть. И пойдем отсюда в том же здравии дальше.

Лю от них только отмахнулся. Один было сорвался бежать, но его ухватили за рукава и остановили громким шепотом:

– От кровопийц убегать нельзя! Не провоцируй в нем инстинкт охотника, Кирпич, а то он сначала тебя догонит, а потом и нас в азарте выпотрошит!

Кристофер или не слышал, или не считал их достойными своего внимания. Поэтому пришлось снова отвечать Лю:

– Мужики, идите уже. И смените род занятий!

Но главный оборвыш вытянул шею и проблеял на высокой ноте:

– Господин, можно, мы пойдем? Не сочти за наглость наш мирный диалог с твоими приятелями. Господин!

Крис, не собираясь на него реагировать, подтянул упряжь, запрыгнул на коня и направил медленно вперед. Остальные последовали его примеру. И только неудачливые разбойники остались на дороге глотать пыль и остатки достоинства.

По мере приближения к морю воздух наполнялся влагой, даже трава тут пахла сильнее. И зверье в лесах попадалось все откормленнее. Если сравнить с родными местами Отравы, которые находились не так уж далеко, то разница потрясала. Она подобрала определение «природное буйство». Вроде бы все то же самое: те же дикие зайцы, кудрявые козлы, травы и деревья, но будто ярче, живее. Прошлую жизнь она провела в похожем климате, но помнила о ней, как о прочитанных фактах, теперь же испытывала настоящие эмоции новизны.

Несколько часов они передвигались по побережью, и путешествие это не понравилось лишь лошадям, копыта которых немного вязли в песке. Наверное, только Лю, видевший море не раз, не охал от восхищения. Кристофер, естественно, тоже вслух не охал, но он мог делать это про себя. Отрава же с Наньей не сдерживались:

– Тут такой шум! Громкий и незаметный одновременно! Я это только теперь поняла, когда услышала, как ты орешь, ядовитая моя!

– Смотри, смотри, Нанья! Там птицы – они прямо в воду головой ныряют!

– Так они рыбу ловят! Ай! Гляди, одна поймала! В клюве!

– А что же, рыбы такие глупые, что специально к поверхности подплывают? – не верила своим глазам Отрава.

– Вообще-то, рыбы на самом деле глупые, – спокойный голос Кристофера показал, насколько тут шумнее привычного – его слова на таком расстоянии разобрать было почти невозможно. – Было бы странно ожидать от рыб высокоинтеллектуальных решений.

– Ну же, Крис! – крикнула ему Отрава. – Покажи, насколько ты сам впечатлен! Ведь ты же впечатлен?

– Очень, – согласился он. – Особенно тем, что через каких-нибудь пару часов, если карты перевертыша не врут, я наконец-то помоюсь.

– Помоюсь! – точно с тем же восторгом подхватила Нанья и эту мысль. – Не при дамах и Лю будет сказано, но у меня уже все тело чешется. И воняет, поди, как прошлогодний сыр.

– В точку, – серьезно подтвердил Крис. – Именно так ты и воняешь последние два дня.

– Хамло!

– Прошлогодний сыр.

– Забери свои слова обратно! – Нанья даже в седле приподнялась, чтобы орать еще громче.

– Это как? – он сдаваться не собирался. – Но справедливости ради, Отрава воняет точно так же. А Лю еще хуже.

– Ну, спасибо, – буркнула Отрава, проклиная тонкий нюх, которым обладали и кровопийцы, и перевертыши. Она предпочла бы не знать о себе подробностей, на которые все равно не сможет повлиять в ближайшие пару часов.

Лю отреагировал еще раздраженнее:

– Ты один у нас ничем не воняешь, идеальная свежесть!

– Так жутко вонять я себе не позволяю. Но грязь и меня атакует. Я, если вам интересно, самый блондинистый блондин, а не то рыжее чучело, которое я разглядел во вчерашнем ручье.

Все по очереди фыркнули ему в ответ. Блондином это чучело быть не перестало – тут он преувеличил. Но кожа его, к солнцу не приученная и оттого изнеженная, теперь покраснела. Так он со временем еще и веснушками покроется – вот хохоту будет! Или хотя бы загорит до среднечеловеческого оттенка – тоже не лишнее. И вообще, у Кристофера был врожденный талант: буквально любой разговор заканчивать на собственной персоне, хоть они даже слухи о традициях Каменноземелья взяли бы обсуждать.

В Золотом Крабе даже бумаг не попросили, было достаточно, что Лю, только они спешили, представил всех по очереди, начиная с себя:

– Лю из столичных, Нанья из болотных, Отрава из тихореченских и Его Высокомерие Кристофер из таких же высокомерных Кирами. Путешествуем вместе, законов не нарушаем. Но нас с ним, пожалуйста, проводите в разные заезжие дома! Хоть пару дней отдохнем от приятного общения.

Стражники усмехнулись, но не слишком откровенно.

– Господин, а ты случаем не знаешь про разрушенные замки на

севере?

– А вы? – заинтересовался Кристофер.

Те переглянулись, но не посчитали эту информацию секретной:

– К нам с утра почтовик из Белого Леса прилетел. Это единственный большой город на всю Северную Территорию, если вы не знаете. Пишут какую-то чушь – якобы у них два самых дальних замка кровопийц разрушены. Подчистую. И господа убиты, и охрана, и обслуга. Но при этом никакого перемещения серьезных сил не замечено. Будто армия появилась и потом в воздухе растворилась.

– И что вы собираетесь с этим делать, кроме чтения почтовой рассылки? – голос Кристофера стал более ледяным, чем обычно.

– А что тут поделаешь, господин? Не сорвемся же мы из этих мест, чтобы своими глазами убедиться – подчистую там все снесли или не совсем! А, кстати, Лю, загляни в отделение связи – могу ошибаться, но, кажется, там на твое имя письмо приходило.

По всей видимости, их новости о кровопийцах не особо впечатлили. Зато Кристофер окаменел сильнее обычного.

– Я должен вернуться домой, – он подтянул за уздцы коня.

Но к нему неожиданно шагнул Лю, остановил:

– Нет, Кирами, сейчас отдохнем и подумаем. И если решим возвращаться, то вместе. Разве мы не одна команда? Только сначала в отделение связи.

Кристофер медленно кивнул, а Отрава не знала, уловил ли он в тоне Лю напряженную задумчивость. Даже она поняла, в чем странность: неужели у короны в этих местах нет доверенных кровопийц, чтобы передать ему послание? Лю сам отправил Великому Кудеснику из Серебряного Облака сообщение с намеком, куда именно они направляются. Но тот распоряжения отдавал всегда через сторонних лиц – городской страже присылал почтовика с просьбой для Лю явиться в такой-то замок. То есть само послание всегда находилось в руках кровопийц, что гарантировало дополнительную секретность.

Он нахмурился еще сильнее, когда выяснил, что письмо на самом деле было адресовано ему. Оплатив комнаты в заезжем доме, они тут же разместились в одной, забыв про желанный обед и еще более желанную ванну.

Лю подержал записку над огнем, прочитал, отложил в сторону и обратился сразу ко всем:

– Итак, Великий Кудесник приказывает нам задержаться в Золотом Крабе. Приказывает, а не советует.

– Великий Кудесник? – единственное, что уловил Кристофер. – Не тот ли самый Его Волшебное Очарование и Держатель Дворцовой Защиты От Магического Нападения?

– Он.

– Почему же ты по лесам прячешься с таким-то покровителем?

После этого Лю выложил всю их историю, чему Отрава не удивилась, ведь он на это решился сразу, еще у городских ворот, потому и потащил сюда Криса.

– Так, ладно. И зачем ты вдруг меня в это посвятил? Как это связано с нападениями на кровопийц?

– Пока не знаю, – Лю подскочил на ноги и нервно зашагал из угла в угол. – Но интуиция вопит, что тут есть какая-то связь! Почему Великий Кудесник не прислал письмо в ближайший замок кровопийц, как всегда это делал? Он больше не доверяет кровопийцам?

Кристофер только сопровождал взглядом его перемещения:

– Ты у меня спрашиваешь? Я еще минуту назад не знал, что он когда-то вообще доверял кровопийцам.

– Не всем! – Лю остановился. – Теперь посмотрите, как выглядит картина со стороны. Отрава должна предотвратить падение династии – раз. Главными подозреваемыми в будущем перевороте считаются кровопийцы. Это настолько очевидно, что даже спорить сложно. Почти все кровопийцы, за исключением нескольких домов, по определению считаются потенциальными врагами короны. Это два. И что мы видим? Вместо нападения кровопийц на Столицу, их самих вырезают по одной семье... Даже замки разрушают. Зачем?

Кристофер тоже встал.

– И этим заниматься может сам Великий Кудесник, – сделал он и свои выводы. – В профилактических целях, так сказать. Конечно, тайно. Потому что если бы кровопийцы поняли, кто виновен, то они моментально объединились бы против короны, даже если бы этого не планировали. Кстати, вряд ли планировали. Вся наша критика Их Величеств застольными разговорами и ограничивается. Только я до сих пор не понимаю, почему ты мне это рассказал. Да, кровопийцы сейчас обленились – занимаются только своими хозяйствами и женитьбами детей. Самое время их потихоньку вырезать, как это давным-давно сделали в Правоморье. Но я-то с вами расшевелился. Я вам революцию за месяц устрою.

– Не устроишь! – уверенно ответил Лю. – Потому что ты умный... надеюсь. Во-первых, наши предположения могут быть неверны. Вы

выступите против императорской армии, а сзади ударит настоящий враг!

– Послушайте-ка... – подала голос Нанья. – Я ведь когда свечку впервые на Отраве увидела, сразу сказала, что такое заклинание под силу кудеснику уровня нашего Великого... Может, он сам ее и отслеживал? Может, Лю ее должен был только найти и привести в нужное место, чтобы там тихо...

– Это тоже пока домыслы! – Лю злился непонятно на кого. – Но и эту версию будем иметь в виду. Во-вторых, наверняка я знаю только одно – Отрава должна спасти императора! Если Великий Кудесник и выступает против кровопийц, то это не значит, что вся династия должна пасть от его действий. Получается, что моя миссия остается той же – сделать все возможное, чтобы Отрава выжила. И тебе, Кирами, сейчас выгоднее остаться в самом центре событий, ведь это единственный способ хоть как-то на них повлиять. До твоего замка от мест, где произошли нападения, слишком далеко. Нет смысла направляться на север и просто стать плюс одной жертвой.

– Есть и другая версия, – сказал Кристофер. – Идиотизм нынешней власти очевиден всем. Не пришел ли в голову Великому Кудеснику единственный разумный выход – наконец-то подмять трон под себя? Ты разыскал для него Отраву, которая, видимо, чем-то может помешать. И она уже бы умерла, если бы вы остались в замке Ронмару, а не начали скакать, как дикие зайцы, по лесам.

– К сожалению, мне в голову эта мысль тоже пришла, правда в других формулировках, – согласился Лю.

Кристофер продолжал размышлять:

– Но кровопийцы-то ему чем могли помешать? Две трети всего сельского хозяйства страны на нас держится, кто же перед переворотом экономику разрушает?

На этот вопрос и Отрава могла ответить:

– Да потому что все привыкли к тому, что десять тысяч лет власть не менялась! Считают это догмой! Кардинальная смена возможна, но только при условии, что не будет сильных противников, которые сразу вспомнят о своих правах на престол!

Нанья кивнула:

– Самое подозрительное – его приказы оставаться на одном месте! Ведь он не может не понимать, что шансов выжить больше, если напрямик добираться до Столицы, чем сидеть в одном городе и ждать врага! – кажется, она с врагом уже точно определилась.

– И что же нам делать? – спросила Отрава.

На самый сложный вопрос отвечать пришлось Лю, поэтому он долго размышлял, прежде чем сказать:

– Я давал клятву лично императору, поэтому готов послушаться любого приказа Великого Кудесника. Если наши предположения на его счет ошибочны, он меня потом все равно простит, если ты будешь жива. Поэтому мы в любом случае отсюда уходим.

– Куда?

На это Лю только покачал головой – в любом направлении, лишь бы не оставаться в одном месте до тех пор, пока на Отраве не появится очередная свечка.

– В Правоморье? У них же с Левоморьем дружеские отношения, сойдем за любопытных путешественников.

Предложение Кристофера озадачило всех, но после недолгих обсуждений каждый согласился. Слишком неожиданный маршрут. И добраться до них будет уже не так просто, поэтому можно будет спокойнее оставаться на одном месте. Да и золота им хватит на оплату проезда через целое море.

Эпизод 12. Первый холостяк Левоморья

Оказалось, что привести план в исполнение не так-то просто: в портовом управлении следовало получить дополнительные бумаги, в коих должно быть указано, что путешественники не являются преступниками или подозреваемыми в преступлениях. На подготовку нужных документов уходило несколько недель: сначала отправляли почтовиков по всем крупным городам и получали ответ, а уже потом давали бумагу. Такая официальность процедуры была явно лишней для тех, кто хотел бы просто исчезнуть. Но подвыпивший юнга в одном из кабаков подсказал, что за дополнительную плату можно уплыть и без бумаг. Правда, те капитаны, что на это шли, цену заламывали, которую не каждый крестьянин произнести вслух сможет. Корабль этого самого юнга в плаванье отправлялся только в будущем году, поэтому для их миссии не подходил.

Но Нанья убеждала, что этот план – лучший из всех возможных. Она знала наверняка, что вода сильно притупляет действие заклинаний, и была почти уверена, что через целое море поставить свечку не под силу даже Великому Кудеснику. А когда враг не сможет отыскать Отраву, решит, что она мертва. Это ли не лучший способ сбить любого ищейку со следа? Скорее всего, им будет достаточно пробыть там с месяц, а потом вернуться и действовать уже без той опаски, что сейчас.

Кристоферу было доверено другое задание. Аяну не поскупились с золотом – дали ровно столько, сколько он попросил. Но если учесть, что в Правоморье замков кровопийц нет, и оттого кредитная линия будет перекрыта, плюс цены за нелегальный проезд были невообразимыми, компании требовался значительный запас денег. Поэтому решили посетить еще один замок и перезанять монет дополнительно. Интересно, что подумают родители Кристофера, когда получат такие невообразимые счета один за одним? Но Крис без возражений согласился. Да и Отраве лучше было на время из Золотого Краба исчезнуть, ведь неизвестно, когда враги сюда явятся. Нанью тоже ей в компаньонки снарядил. Конечно, Лю не хотел отпускать троицу без своего присмотра, но был вынужден. И раз уж он сам доверился Кирами, то теперь поздно отступать. Они разошлись в разные стороны и договорились встретиться через три дня в лесу, надеясь, что к тому времени все вопросы будут улажены.

Кровопийцы Сари уже знали про нападения на северные замки, но относились к этим новостям с напряженным недоверием. Кажется, даже у

этой расы был общечеловеческий недостаток: пока беда слишком далеко и происходит с кем-то незнакомым, то вызывает сочувствие, но не насущную тревогу, мешающую спокойно спать. И золото выделили без возражений – похоже, Кристофер не шутил, когда говорил, что торговлю кровопийцы считали недостойным для себя занятием. Но ведь они ничем и не рисковали: семья Кирами возместит ущерб, да еще добавит сверху за услугу наследнику.

И Отрава, и Нанья уже иначе воспринимали кровопийц, чем в первое время. Те выглядели такими же холодными и неэмоциональными, но уже не устрашающе мертвыми. Отраве уже удавалось различать некоторые интонации в их голосах – они не звучали отчетливо, но будто угадывались неведомым чутьем при произнесении фраз. Видимо, общение с Кристофером сказывалось: тот уже стал понятным, как облупленное яйцо. Вот теперь она и у незнакомых Сари эмоции улавливала, особенно когда они представляли своих дочерей. О, они сначала выяснили подробности личной жизни и родословной Кристофера, а потом уже перешли к делу – это было так похоже на традиции, которые существовали в семье Отравы, что ей стало смешно. Хоть на холодной физиономии госпожи не читалось ни капли материнского азарта, но если сделать скидку на их различия, то сейчас происходило то же самое: она увидели достойного кандидата и теперь собирались трясти его от всей души. Или что там у них вместо души.

Сари внимательно слушали рассказ Криса о том, как он потерял палец в лагере разбойников. Сочли это героизмом и даже изюминкой, добавляющей ему таинственного очарования, на что Нанья с Отравой переглянулись, но не спешили громко смеяться. Если уж сестренкам Сари хочется отвешивать ему нелепые комплименты, то кто их остановит?

Клеопатра была старше Кристофера почти на тысячу лет, но такая разница в возрасте для брака вопиющей не считалась. Из стандартного набора своей расы она унаследовала только худшее: просто невероятную худобу, темные для кровопийц волосы, почти того же оттенка русого, что у Отравы, и слишком заостренные черты лица. В профиль она выглядела гротескной карикатурой на кровопийцу, если бы ее изображал ребенок, никогда лично кровопийц не встречавший. Родители описывали ее как веселую, гостеприимную девушку, имеющую таланты к музицированию и шелковой вышивке. Однако одним взглядом Клеопатра будто приколачивала к стенке, что несколько обесценивало ее прочие достоинства.

А вот младшая, Нефертити, сильно от сестры отличалась: миловидная,

тоненькая, но не до выпирающих наружу костей, и скорее стройная, чем прямая как шпала. И хоть это было невозможно, но выражение ее лица создавало у Отравы ощущение, будто девушка вот-вот улыбнется. Если бы она была на месте Кристофера, то не задумываясь, рассмотрела бы ее кандидатуру – вряд ли на свете можно сыскать более одушевленной молодой кровопийцы. Но родители о ее талантах даже не заикнулись – то ли они, как и Отравина мать, предпочитали сначала избавиться от «залежалого товара» в виде ее крючконосой сестры, то ли ее пятивековой возраст считался еще слишком ранним для сватовства.

Девушки смотрели на Кристофера, не отрываясь и не моргая. И Отрава отчего-то испытывала гордость, словно сама такого приятного жениха вырастила, воспитала и в их замок привела. Она еще посмотрит, кто ее подопечному подходит! Ей показалось, что и Крис больше заинтересовался Нефертити. Или он смотрел на нее только затем, чтобышний раз не смотреть на ее сестру. И, надо отдать ему должное, на вопросы отвечал вежливо и высокомерно, что только добавляло ему статусных очков, но сам ничем не интересовался. Правда, на приглашение снова посетить их замок «после легкомысленного, но наверняка познавательного, перемещения по государству», согласился. Это заметно обрадовало всех Сари, а Клеопатра даже моргнула.

А потом они два часа слушали музыкальные композиции на органе и разглядывали вышивки – одну другой страшнее. Нанья уже в четвертый раз повторила, что ей срочно нужно на свежий воздух, а то ее от такого количества изящных искусств укачало, но ее все более и более громкое нытье будто не замечали. В последний раз Кристофер ее поддержал и напомнил господам о своей усталости. После этого гости получили долгожданную свободу от радушия кровопийц.

Нанья и Отрава в своей комнате просидели недолго, ведь для самых интересных вопросов им нужен был Кристофер! Они высунулись в коридор, когда слуги разошлись, и подкрались к следующей огромной двери. Стучать не стали, чтобы лишнего внимания не привлечь, и вдвоем с усилием надали на дверь толщиной в вытянутую руку взрослого человека.

Кристофер тоже еще не собирался укладываться и выглядел так, словно их ждал.

– Заходите быстро, чтобы вас не заметили. Я, конечно, объяснил им все предельно подробно – якобы таскаю вас с собой вместо пробирок с кровью. Вкуснее и свежее, – Нанья на этих словах было фыркнула, но потом сама же себя остановила и просто коротко пожала плечами,

принимая этот вариант за разумный. – Но лучше, чтобы они не видели вас в моей комнате после сытного ужина из их лучших запасов. Могут воспринять это как оскорбление. Хотя я и сам собирался к вам заглянуть, если бы вы не пришли.

Нанья скинула обувь и завалилась на его кровать – такую же огромную, как и в их комнате. Подоткнула бархатную подушку под спину.

– Еще бы мы не пришли, Крис! Нас же от любопытства разрывает!

– Я тоже об этом думал. Золота у нас сейчас столько, что больше уже будет тяжело таскать. Но хватит ли его, чтобы прожить в Правоморье месяц, а потом вернуться обратно? А если там придется задержаться?

Отрава ответила Нанье точно такой же, как у подруги, лукавой улыбкой. Кристофер со своими «думами» вообще промахнулся. Обеих количество собранного золота сейчас меньше всего волновало. Нанья подскочила, схватила его за руку и потащила к себе. Усадила на бархатном плацдарме несопротивляющееся от удивления тело поудобнее, а с другой стороны его зажала Отрава.

– Давай, давай, Крис, рассказывай – какая из девчонок Сари тебе больше понравилась? Лучше они твоей бывшей... как ее там? Лионесса?

Он молчал, переводя взгляд с одной на вторую, а потом обратно. Тогда и Отрава решила подтолкнуть его к искренности:

– Если хочешь знать наше мнение, то младшая – просто прелесть! Для кровопийцы, конечно. Ты-то у нас красавчик, мы тебя кому попало не отдадим! Но вдруг наши вкусы с вашими не совпадают, и ты впечатлился жуткими вышивками старшей?

– Так вы меня про вкусы спрашиваете? – наконец-то отмер Крис. – Тогда они обе милы, но первыми красавицами вряд ли могут называться. Волосы и глаза слишком темные для кровопийц, темперамент взрывной. Хотя у меня после общения с вами темперамент тоже стал кошмарным. Когда к родителям вернусь – они глазам своим не поверят.

– Да к хряку твой взрывной темперамент! – не выдержала Нанья. – Ты жениться-то намерен?

– Конечно. Когда-нибудь.

Нанья погладила его по плечу, словно успокаивая разбушевавшегося ребенка:

– На ком же? Ведь ты уже пообещал Сари, что потом к ним заглянешь!

– Загляну. Возможно. Или нет. Но точно не чтобы жениться на Клеопатре или Нефертити. Если уж среди кровопийц такое безрыбье настало, я тогда лучше к Лионессе вернусь. Та хотя бы на органе играть не умеет.

– О! – протянула чем-то обрадованная Нанья. – А наш мальчик еще и с высокими запросами!

– Так еще бы! – подхватила Отрава, поддаваясь шутливому настроению. – У нашего-то мальчика волосы белее белого и глаза серее серого! Мы нашему лапушке самую красивую отыщем – вот с Правоморья и начнем искать!

– В Правоморье почти не осталось кровопийц, насколько я знаю, – Кристофер снова внутри смеялся, теперь Отрава это угадывала безошибочно. – Но спасибо, что взяли меня под опеку. А то ведь я без вас бы пропал.

В дверь постучали, отчего все втроем сразу замерли. Слуги вряд ли в такое время сунутся в господские спальни, а за широченными стенами их голоса вряд ли могли расслышать даже кровопийцы. Кристофер, сообразив первым, тут же ухватил обеих за локти, рванул сначала с кровати, а потом зашвырнул под нее. Для обид за такое обращение время было неподходящим, поэтому девушки просто замерли в куче пыли.

Кристофер уже открывал дверь.

– Нефертити?

– Зашла пожелать тебе доброй ночи, Кристофер, – голос ее эмоциональностью не слишком отличался от других кровопийц, и теперь, когда не было видно ее миловидного лица, то звучал так же мертвенно.

– И тебе доброй. До свидания.

– Подожди, – вот этот, слишком резкий ответ, наверное, и говорил об ее излишней импульсивности. Дверь закрылась с тихим стуком. – Кристофер, я знаю, что очень молода, но между нами промелькнула искра. Ты не можешь этого отрицать. Я не понимаю твою тягу к путешествиям, но готова ждать столетиями. Как раз и вырасту.

Нанья зажала рот рукой, чтобы не смеяться. Кровопийца уже должна была почуять их присутствие, но, похоже, была слишком взволнована разговором.

– Ты меня совсем не знаешь, а уже даешь такие обещания. Верный признак молодости.

– Мне было достаточно нашего знакомства, чтобы все понять.

– Того часа, что мы сидели за столом? Странно.

– Достаточно.

– Нет.

– Да.

– Слишком мало.

– Достаточно.

- Нефертити.
- Кристофер.
- Не было никакой искры.
- Была.

Снова стук в дверь, от которого идиотская и грозящая бесконечностью перепалка затихла.

– Это Клеопатра. Точно говорю – Клеопатра. Она меня на месте убьет. Точно говорю – убьет.

Нефертити, произнеся это, как заклинание, вдруг с той же скоростью, на которую способны только сытые кровопийцы, бросилась под кровать. Нырнула под нее, как с рыбацкого причала в озеро, и в этой же позе замерла, уставившись на Нанью и Отраву. Но только ноги поджала и ни звука больше не произнесла. Очевидно, страх перед сестренкой был важнее мимолетного удивления.

– Здесь становится многолюдно, – сказал Кристофер колыхнувшемуся балдахину и пошел открывать дверь.

– Клеопатра?

– Прости, Кристофер, что беспокою в такое время. Пришла пожелать тебе доброй ночи.

– Благодарю. Пусть будет ласкова ночная звезда к будущим детям такой гостеприимной хозяйки.

– К нашим детям.

– Чьим?

– Между нами промелькнула искра, Кристофер. Ты не можешь этого отрицать.

– Но я попробую. Натренировался. Доброй ночи, юная госпожа Сари.

– Оставь сарказм при себе – не такая уж и юная. Но «Кирами» мне подойдет больше, тут ты прав.

– Я не...

Там, за пределами видимости происходило что-то непонятное. Ноги Кристофера куда-то исчезли, а потом последовал сильнейший удар по кровати. Потом еще несколько ударов и звуки возни, но при этом ни единого возгласа или хотя бы какого-то звукового ориентира, указывающего на то, что именно там творится.

– Клеопатра, держи себя в руках, – голос Кристофера звучал теперь сверху и по-прежнему спокойно. – Я ни разу не бил никого из кровопийц, но ты не оставляешь мне выбора. Ай.

– Расслабься, красавчик, и сделай мне ребенка. А потом катись в свое путешествие. Свадьбу можем сыграть и после.

– Ай. Клянусь клыками, если ты с меня не слезешь, мне придется применить силу.

– Так давай, примени уже силу. А то лежишь, как бревно. Как будто и не победитель разбойников.

– Ай. Темный хряк тебя дери, не кусайся.

Сложно было сказать, что именно сместило больше: этот диалог на кровати или надувающиеся до невероятных размеров щеки Нефертити. Нанья ничего не могла с собой поделать – как она ни зажимала рот, но смеяться совсем бесшумно у нее уже не получалось. Отрава попыталась ее успокоить, сама едва сдерживаясь, но первой не выдержала Нефертити. С криком «Кусаться вздумала, старая дева?!» она вылетела из укрытия.

И снова удары – на этот раз куда более мощные. От одного кровать даже сильно подвинулась, являя миру ногу Отравы и густой пылевой покров с уже расчищенными полянками. Однако на них некому было обращать внимания – сестры вцепились друг в друга, потом Клеопатра сильнейшим хуком снизу отправила соперницу к стене, но та, сползая на пол, уже вновь сжимала кулаки. Нанья хохотала в полный голос, Отрава глазам своим поверить не могла – и это «высокоблагороднейшие отпрыски высокоблагороднейших семейств»?! Ей было и немного смешно, и сильно страшно: кто знает, не прилетит ли им двоим за компанию?

Сверху показалось перевернутое лицо Кристофера:

– Если вы мне друзья, то должны спасти меня. Обязаны. Потому что если я ударю хоть одну из них, это может привести к затяжной войне между нашими домами.

Нанья тут же собралась, вылезла из-под кровати, стряхнула с руки шмат пыли, засунула два пальца в рот и издала свист, от которого уши заложило. Отрава тоже встала, чтобы, если потребуется, прикрыть подругу хотя бы собственным присутствием. Кристофер встал с кровати, но держался на безопасном расстоянии.

Две пары ледяных плошек уставились в их сторону.

– О, а эти тут что делают? – удивилась лохматая Клеопатра, державшая в руках русский клочок волос.

– Уважаемые госпожи Сари! – торжественно начала Нанья. – Пусть будет ласкова ночная звезда к вашим будущим детям! Такие милые создания, как вы, заслуживают... В общем, я льстить не мастак, поэтому сразу к делу. Парниша, из-за которого вы тут лохмы друг другу дерете, извращенец! Он, представьте себе, уже давно влюблен. И не в кровопийцу! Извращенец! Крис, подтверди!

– Извращенец, извращенец, – с явным облегчением поддакнул

Кристофер и даже шагнул вперед. – Как пить дать. На всю голову нездоровый.

Сестры уставились теперь на него, и даже Отрава почувствовала: они ни единому слову не поверили. Наоборот, начинали злиться еще сильнее оттого, что их отшивают настолько грубым враньем. Наверное, это уловила и Нанья, потому что растерялась и посмотрела на Криса, но тот никакого решения не подсказал, поэтому кудеснице снова пришлось брать руководство в свои руки:

– Госпожи Сари! Посмотрите на себя... ну, не сейчас, потом как-нибудь посмотрите... в смысле, вы же красавицы и умницы! По статусу ли вам с извращенцем якшаться?

– Поди вон, лживая кудесница, пока я тебя на куски не разорвала, – отвесила ей Нефертити, натягивая разодранное платье на плечо. – Кого это он там любить может?

Тогда Нанья развела руками, словно перед кем-то извиняясь. Через мгновение Отрава поняла – перед кем и за что.

– Так Отравушку. Сердцу ведь не прикажешь!

Кристофер сначала посмотрел на Нанью, потом тут же на Отраву. Она тоже вылупилась на него, не зная, какого еще поворота событий ждать – и увидела в его глазах, как паника сменяется весельем. Он схватил ее за руку, не позволив даже дернуться, и рванул на себя. Впечатался губами в ее исказившийся от отвращения рот. Отрава глаза выкатила до боли в веках, но попутно расслышала и Наньин комментарий:

– А все так невинно начиналось – были лучшими друзьями!

Вот ведь гадюка! Специально напомнила, выделив последние слова! После этого Отрава не могла не подыграть. Какой же друг товарища в беде бросит? Поэтому с усилием захлопнула глаза, раскинула руки, изогнулась, насколько умела, и вытянула вперед одну ногу – это ли не лучшая поза для романтического поцелуя? Ей казалось, что Кристофер где-то внутри теперь смеется. Да нет, она была уверена – на таком-то расстоянии в его внутренностях разобраться несложно!

До того, как Отрава расхохоталась ему прямо в рот, Кристофер вернул ее в исходное положение, но тут же снова взял за руку и повернулся к обалдевшим кровопийцам.

Клеопатра и Нефертити почему-то смотрели друг на друга, будто впервые видели. Потом, как по команде, развернулись и выплыли из комнаты. Нанья захлопнула за ними дверь, и только после этого Кристофер отпустил руку Отравы.

– Наверное, я должен перед тобой извиниться? Снова. Так я скоро и

привыкну.

– Да нет! – Отрава отмахнулась. – Тебе-то за что извиняться – ты просто ухватился за единственную идею, которую тебе дали. А вот Нанья... Эй, рыжая, ну-ка иди сюда и расскажи, почему это наш Крис не в тебя влюбился?

– Я испугалась их! – визжала Нанья, уворачиваясь от захвата. – Ядовитая моя! Ну, они ж тебя теперь на куски порвут, а меня нет! Что мне еще было делать?

Отрава попыталась повторить предыдущую драку по масштабности, но у нее это не вышло даже приблизительно. Нанья была шустрее и смехом сбивала с мысли. Запыхавшись, Отрава остановилась и просто произнесла все известные ругательства. А потом еще раз повторила, в той же последовательности. Затем позволила подруге обнять себя, чтобы вернуться к прежним отношениям.

В свою комнату девушки возвращаться побоялись. Выдернули из-под покрывала одеяло невероятных размеров, завалились все втроем на широченную кровать и договорились, что убегут от Сари с самого утра. Да ну их, с их высокоблагородными замашками.

Кристофер, который снова оказался в центре, заявил напоследок:

– Как же хорошо, что перевертыша с нами нет. Опять бы все веселье испортил.

Нанья уже посапывала – она всегда быстро засыпала, поэтому Отрава сказала тише:

– Знаешь, Крис, а я заметила, что ты уже сильно отличаешься от других кровопийц. Все твои эмоции теперь как на ладони! Хоть у вас это и не ценится.

– И это хорошо?

– Не знаю. А сам как думаешь?

– Да, у нас это не ценится. Но зато я совершенно точно сейчас счастливее, чем был год назад. Наверное, вы и правда мои друзья.

– Ну, хвала звездам – дошло!

– Все-таки извини. За то, что использовал тебя без разрешения. Ведь между друзьями так не принято?

– Забудь. И никогда не вспоминай! Я серьезно – не вздумай никогда об этом напоминать, Крис! Прекрати смеяться... Я же чувствую, как ты смеешься!

– Спи уже. Развела тут болтовню.

Эпизод 13. Дружественное государство

В условленном месте Лю не оказалось, отчего вся троица застыла в напряжении. Когда они расставались, то выглядело все так, будто именно он переживал за остальных, а самого его оставляли с легким сердцем. Но если враги уже успели явиться в Золотой Краб в поисках Отравы, то неизбежно схватили бы Лю! Отчего-то эта очевидная мысль пришла слишком запоздало.

– Нам с Крисом нужно отправиться в город, а Отраву оставить здесь. Возможно, он в беде... – предложила Нанья и затряслась от страха.

– Ну уж нет! – уверенно заявила Отрава. – Если идем, то вместе!

– Давай начистоту – от тебя толку ноль, – бессердечно рассуждал Кристофер. – Зато мешаться под ногами ты умеешь. Твой перевертыш вряд ли обрадуется, если мы вытащим из беды его, но при этом полностью или частично потеряем тебя.

– Так почему же меня никто не учит защищаться? – обиделась Отрава. – Только и повторяете про мою незащищенность, и хоть кто-то бы сделал шаг, чтобы это изменить!

Кристофер подумал и ответил с присущей ему внешней серьезностью:

– Специально. Чтобы на фоне тебя выглядеть сильными. Вот я на фоне вас всех выгляжу совсем героем – и меня это устраивает.

– Эй! – воскликнула возмущенная наглостью Нанья. – И в чем твой героизм проявляется? Даже от двух милейших дамочек без нас отбиться не смог! Все твои заслуги сводятся только к тому, чтобы бледной рожей попрошайек отгонять!

– Да, но от остальных толку еще меньше.

– Вы отвлеклись! – не выдержала Отрава. – Там Лю в беде! Один! А вы тут спорите, кто из нас бесполезнее?!

– Да нет! – повернулась к ней Нанья. – В бесполезности-то ты всех победила, твой женишок прав. Ладно, у нас есть план? Какое счастье, что Лю в письме Великому Кудеснику нас с Крисом не упоминал!

– Это точно, – припомнила Отрава его сомнения на этот счет. Шифрованное письмо не предполагало лишней информации, поэтому он и не придумал, как вклинить в отчет Нанью, а Кристофер в Серебряном Облаке и вовсе не предполагался постоянным попутчиком. Поэтому если враг перехватывает эти сообщения, или врагом сам Великий Кудесник и является, то в рукаве у их компании минимум две козырные карты.

В итоге она все-таки настояла на том, что оставлять ее, беззащитную и бесполезную, в лесу одну нерезонно – если ее найдут, то у нее не будет ни единого шанса отбиться. Крис и Нанья вынуждены были согласиться, поэтому решили дожидаться темноты и отправиться в Золотой Краб вместе. Возможно, Лю, живой и невредимый, сидит в заезжем доме и до сих пор пытается уладить дела. А если это не так, то и неизвестно, где его искать.

Задолго до восхода ночной звезды они собрали вещи и потушили костер. Но не успели пересечь и половины пути, как Кристофер, который шел впереди, остановился и поднял руку. Нанья с Отравой замерли, доверившись его чутью. А чуть позже и сами расслышали вдалеке хруст веток и неразборчивое мычание. Крис молча кинулся сквозь заросли в ту сторону, а потом вернулся. За ним следом шел улыбающийся Лю и тащил за шкирку незнакомого тощего возвращенца.

Отрава облегченно выдохнула и немного позавидовала Нанье, которая без оглядки бросилась другу навстречу и повисла у него на шее. Когда-нибудь и отношения Отравы с Лю станут настолько простыми, что она сможет делать так же!

Лю объяснялся:

– Простите, что заставил волноваться. Я этого шпиона еще позавчера заметил! Вот и пришлось его сначала отловить, а уже потом к вам шагать. Рад, что вы целы! Отдельное спасибо тебе, Кирами... за то, что никого не убил.

Они добрались до предыдущего места. Нанья, как заправская домохозяйка, сразу кинулась к костру, чтобы развести его заново, радостно приговаривая:

– Зря ты на нашего кровопийцу бочку катишь! Он вел себя отлично, да я тебе такого расскажу, что с нами веселого приключилось – волосы на затылке дыбом встанут сначала от омерзения, а потом и от смеха! Но давай сначала ты, у тебя-то, я смотрю, даже шпиончик личный завелся!

Лю швырнул своего пленника на землю. Перепуганный до смерти молодой парень с завязанными за спиной руками таращился на всех по очереди, но от вида кровопийцы предсказуемо сжался и заныл:

– Люди добрые! Пусть будет ласкова ночная звезда к вашим детям! Умоляю, пощадите, я ни в чем не виноват!

Теперь разгорающийся костер освещал его лицо и являл свидетелям ссадину на лбу. Наверное, пытался сопротивляться или сбежать по густым зарослям. Его окружили и рассматривали с интересом, как неведомую зверушку.

– Я договорился с капитаном правоморского судна, – начал Лю с

главного. – Под утро мы должны быть в порту. Цена не такая огромная, как я ожидал, и он даже имен не спросил.

– У нас тоже все улажено. Все золото разделим на четверых и припрячем в вещах, потому что сейчас оно в одном мешке – слишком заметно, – ответил ему Кристофер таким же отчетом. – Не будем раздражать моряков лишними соблазнами.

Лю кивнул.

– Значит, нам осталось только одно дело – выяснить, кто нанял этого возвращенца.

– Никто меня не нанимал! – скулил тот. – Клянусь честью моей матери!

Клятвы возвращенцев имели примерно такую же силу, как слово кровопийцы. Лю присел перед ним на корточки:

– Почти два дня ты ходил за мной. А прошлую ночь провел под окнами заезжего дома. Не трати время – ты не с тем связался, чтобы продолжать корчить из себя дурака.

Возвращенец отчаянно ревел.

– Предлагаю отрезать ему палец, – предложил Кристофер так, словно долгое время только и ждал такой возможности. – Я, наверное, успокоюсь, только когда сам кому-нибудь палец откромсаю.

Отрава от всей этой ситуации впадала во все большее напряжение, но никто ее волнения не разделял. Нанья так вообще открыто смеялась:

– Это называется комплексами, Крис! Да вот только твой палец от этого не отрастет! Но, с другой стороны, почему бы и нет?

Возвращенец перестал рыдать и замер в ужасе. Запричитал:

– Н...не... надо... палец...

Лю спокойно заметил:

– Он не хочет палец. Что еще можно отрезать, чтобы по-быстрому? Мне спать скоро надо, а то если к восходу ночной звезды мы не закончим, то допроса не получится. Даже если он все-все решит рассказать...

– Как насчет огня? – легко предложила Нанья.

Она раскрыла ладонь, над которой загорелся маленький огонек, разросся немного и замер, издавая характерное потрескивание.

– Так ты укладывайся, перевертыш, – ответил ему Крис. – Мы о госте и с кудесницей можем позаботиться. Доверь нам приятную работу.

У Лю еще было в запасе немного времени, поэтому он не спешил. Пленник смотрел теперь только ему в глаза, будто загипнотизированный, и нервно подрагивал.

– Чтобы скрасить унылое ожидание неизбежного, давайте я прочитаю

вам лекцию о пытках, – монотонно затянул Крис. – Человек иногда сам себя удивляет и способен сопротивляться почти любой боли. Единственный способ добиться результата – сначала сломать тягу к сопротивлению, то есть волю. Поэтому жертву необязательно сразу кромсать на куски. Лучше всего доставить долгосрочное мучение – например, подвесить так, чтобы у него сухожилия перекручивались, или содрать кожу... с пальца. Или... ну ладно, Нанья, уговорила, качественные ожоги работают прекрасно.

После этих слов светящийся желтый шар над ладонью Наньи еще немного увеличился, словно обрадовался, что его в лекции упомянули. Отрава же, открыв рот, вылупилась на Кристофера. Неужели кровопийц в самом деле обучают основам пытокологии, как грамоте?

– Какую еще волю ты собрался ему ломать? – Лю повернулся к нему. – Ты же чувствуешь, что он уже обмочился?

– Э-э-х! Я надеялся, что ты не заметишь! – Кристофер произнес это с самой ярко выраженной интонацией разочарования, на какую только был способен. Отраве осталось только пожалеть, что первая его очевидная реакция случилась именно по такому поводу.

– Я... я... все расскажу... сам расскажу... – сообразил пленник.

Нанья сжала пальцы, заставив шар схлопнуться. Кристофер обиженно поджал губы, но Лю вряд ли был заинтересован в так необходимых кровопийцам развлечениях, поэтому поторопил:

– Так рассказывай! Чего ждешь? Когда не только обмочишься?

Тот затряс головой, пытаясь привести мысли в порядок, и затараторил:

– Я... в страже городской работаю... Просто ухватился за возможность подзаработать! Я же не знал, что все так... ну...

– Вот поэтому в охрану нельзя брать возвращенцев! – Лю не сдержал негодования.

– А... как же нас не брать, если перевертыши на восходе ночной звезды спать должны? Кто-то ведь должен их разбудить в случае опасности, вот мы и... А если бы нас не брали, то вы бы сами за этот час полгорода...

– Ближе к делу! – рявкнул Лю, который очень не любил, когда обсуждают единственный недостаток перевертышей.

– Так вот... Я за неделю до вашего прихода письмо получил... и десять монет к нему... Я должен был отслеживать, когда в Золотой Краб явится Лю из столичных с молодой возвращенкой из тихореченских... А потом сообщить об этом и следить, чтобы не ушли... И обещали мешок золота, если все сделаю правильно...

– Кому сообщить?!

– В... в Столицу... Возвращенцу Лучу из столичных...

– Какому еще, к темному хряку, Лучу?! – разозлился Лю и подскочил на ноги.

Но и ему, и остальным было ясно, что пленник не врет. Вряд ли заказчик открыл бы ему настоящее имя. Он просто подкупил по одному стражнику во всех городах этого направления, тем самым избавив себя от необходимости ставить свечки, раз уже стало понятно, что Отрава каким-то образом научилась от них избавляться. И в каждой же страже найдутся такие отщепенцы, которых, в отличие от перевертышей, легко подкупить и избавиться от лишних вопросов. Его сбивчивый рассказ подтверждал версию о Великом Кудеснике, но не служил прямым доказательством. А настроение Лю уже заметно ухудшалось – ему пора отправляться спать, пока он им всем тут кровопролитное представление не устроил!

Кристофер предложил:

– Теперь одному из нас надо отправиться в отделение связи и написать письмо этому Лучу: якобы вы с Отравой ушли на север, к примеру. Сбить со следа.

– Отлично придумано! – согласилась Нанья.

– Раз я такой молодец, – почти жалобно попросил Крис, – то можно я его хотя бы убью?

Лю коротко пожал плечами и направился к костру, чтобы улечься спать. Этим он, очевидно, дал разрешение на что угодно, но Отрава не могла промолчать:

– Зачем убивать? Ведь он все рассказал!

К ней подошла Нанья и потянула за руку:

– Мы не можем его отпустить – он нас сдаст. И к тому же помни, что парнишка сам ввязался в неприятности. Пойдем, ядовитая моя, не смотри.

Но Отрава выдернула руку и осталась на месте. Возможно, ей пора взрослеть. Возможно, ей пора собственными глазами увидеть, каковы на самом деле те, кого она называет друзьями!

Кристофер почти улыбался. Он рванул пленника вверх, обнял, прижимая к себе дергающееся от страха и крика тело, как любовника. Одной рукой зажал тому рот, вынуждая просто мычать в его ладонь. Против такой силы возвращенец ничего не мог поделать. Кровопийца заметил ее взгляд, на секунду замер, а потом, так и не прерывая зрительного контакта, вцепился клыками жертве в шею. Отрава смотрела в его глаза и глохла от собственных мыслей.

Кристофер ни на секунду взгляда не отвел. Даже тогда, когда жертва перестала дергаться. Даже тогда, когда откидывал бездыханное тело в

сторону и вытирал рот. Взгляд сама Отрава и отвела, вынужденная упасть на колени от накатившей тошноты. Убийство само по себе отвратительно. Но убийство с помощью вот такого каннибализма – вообще за гранью восприятия. Но тошнило Отраву по другой причине: от воспоминания, как она сама когда-то подставила Крису свою шею, или – еще хуже – как она своими губами совсем недавно касалась этого самого рта!

Конечно, она дернулась, когда Крис подошел к ней и остановился рядом. Напомнила себе, что они на одной стороне, но никак не могла себя заставить поднять голову.

– Отрава, пойми только одну вещь – мне принимать вас такими, какие вы есть, не менее сложно. Но я очень стараюсь. Теперь твоя очередь постараться.

Немного придя в себя, Отрава поднялась на трясущихся ногах и направилась к остальным. Для отдыха у них оставалось не больше двух часов. Она не посмотрела на труп, который, по всей видимости, никого больше не интересовал. Но уснуть так и не смогла.

На корабль они успели до восхода солнца. Нанья забежала в отделение связи с заранее написанным письмом и оплатила почтовика до Столицы, потом они чинно вышли за городские ворота, чтобы «отправиться на север». И затем, уже бегом, добирались до указанного места на берегу, где их ждала лодка. Капитан торгового судна, урожденный правоморец, проблем с местными законниками иметь не хотел, но и патриотической преданности не испытывал. Потому был не прочь подзаработать, но без риска лишиться торговой лицензии.

Капитан, пожилой возвращенец, отличался невероятно веселым и общительным нравом. Он тут же встретил гостей на палубе и лично сопровождал их в каюту – мизерную комнатку с матрасами на полу. Четверым в ней даже впритык спать будет тесно, но никто и не думал жаловаться. Команда моряков слушалась его беспрекословно, и даже это не удивляло – капитан за короткое время трижды повторил, что способен найти общий язык буквально с любым человеком. И для этого не надо строить из себя морского волка или сурового палача. Этому легко верилось, потому что он точно умел располагать к себе.

Единственным, кто испытывал все больший и больший дискомфорт, был Кристофер. Правоморцы на судне в большинстве своем ни разу кровопийц не видели и не пытались скрыть любопытства:

- И правда, тысячу лет прожил? А выглядишь совсем пацаном!
- Ты точно взял достаточный запас крови в пробирках?
- А через сколько дней ты умрешь, если не будешь есть?

– Можешь один натянуть вон тот трос?

– А кровопийцы в туалет ходят? И как часто?

Они окружили его всей гурьбой, задавая бесконечные вопросы, но больше других напирал сам капитан. Он даже попытался засунуть палец Крису в рот, чтобы пощупать клыки. Тот, к такому обращению непривыкший, перестал отвечать почти сразу, а после заявил:

– Для всех – я подчеркиваю, что для всех – будет лучше, если вы вообще ко мне приближаться не станете. В Левоморье каждый знает, что кровопийцу раздражать нежелательно.

Но то в Левоморье! Эти люди не испытывали никакого благоговейного трепета, потому что в их краях уже даже байки о кровопийцах не были на слуху. Сложно бояться того, чего бояться не привык, а Кристофер на самом деле внешне производил впечатление безобидного молодого худощавого паренька с необычной внешностью. Он просто оставил шумную толпу и скрылся в каюте, намереваясь, по всей видимости, отсидеться там все путешествие. Отрава решила, что обязательно поговорит с ним вечером – если он уже на грани того, чтобы разорвать в клочья дружелюбных и просто не слишком воспитанных людей, то как он собирается жить в Правоморье? На родине кровопийцы пребывают в слишком расслабленном состоянии, вот характер у них от этого и испортился. А Кристоферу пора привыкать и к другим правилам!

Само плавание занимало в среднем недели три. Отсутствие ветра тоже не было проблемой – на судне имелся сильный кудесник, способный наполнять паруса заклинаниями. Единственными неприятными сюрпризами для путешественников могли стать редкие штормы или пираты. Но капитан на взволнованность Лю тут же ответил привычным:

– Я со всеми могу договориться! А мой кудесник может договориться даже со штормом – ну потрясет малость, оно даже на пользу!

И тут же расхохотался.

Все складывалось преотлично, вот только Нанья уже к середине дня начала чувствовать тошноту, а к вечеру ее почти постоянно рвало. Ей было так плохо, что она от бортика не отходила. Не отползала, если говорить точно, потому что еще через день уже и на ноги едва поднималась. Бортовой кудесник сказал, что некоторым людям качка противопоказана – и тут мало что можно поделать. Его травяной отвар положение улучшил не слишком сильно. Еще через два дня уже Отрава и Лю умоляли его сделать хоть что-нибудь, пока Нанья от отчаянья в море не выбросилась. Он смог предложить только сильное успокоительное – заговоренную траву, которая заставит ее спать почти постоянно. Нанью только хотя бы раз или два в

день будить надо, чтобы не умерла от истощения. Та заявила, что тут и думать не о чем: море она уже ненавидела всей душой, поэтому даже расплакалась от счастья, что ей такой простой выход предложили.

Трава подействовала быстро, принеся долгожданное облегчение не только Нанье. Кристофер и сам умел спать по несколько дней кряду. Отрава только умилялась, глядя на эту парочку. Не каждый день застанешь зрелище, когда главная скандалистка Левоморья мирно сопит на плече главного скандалиста Левоморья.

По вечерам они с Лю играли с моряками в карты и кости – не на золото, а просто ради интереса и украшения досуга. Иногда пили с ними крепкий самогон. И слушали истории о такой похожей и непохожей на их родину стране.

Отрава потом еще много лет будет вспоминать эту приятельскую атмосферу, которая так сильно шла вразрез с последующими событиями. И через много лет она так и не сможет ответить на вопрос, как можно даже в смех вложить столько притворства? Как можно так искренне интересоваться семьей или радоваться победе в настольной игре над человеком, которого ты уже списал со счетов? И как бы она ни старалась, ровно ни в чем не смогла найти подвоха.

О приближении другого судна они поняли по крикам моряков. Лю тут же бросился к капитану, опасаясь нападения пиратов. И сразу напрягся, когда его начали окружать. Те же самые веселые мужчины, которые только вчера обменивались с ним шутками.

– Конечно, пираты! – задорно ответил капитан. – Какой еще бы корабль шел наперерез? Но я со всеми могу договориться!

Как выяснилось, такие договоренности были простыми, и на них шли все торговые суда. Если разбойники устроят абордаж и массовые убийства, никто не выиграет. Длительное противостояние было невыгодно ни тем, ни другим. Поэтому экономически правильнее – добровольно поделиться частью товара или золота. Причем такой частью, чтобы торговля не перестала быть прибыльной – это и пираты понимали. Раньше, когда разбойничали каждый сам за себя, теряли все, потому что пираты, захватив корабль, вытрясали его до доньшка. А теперь, когда тут организовалась монополия, всем стало проще жить. Раз предотвратить грабежи невозможно, их нужно принять! Организованное пиратство заодно следило и за тем, чтобы в водах не появлялись разрозненные бандитские группировки. Получалось, что они тем самым защищали торговцев и от разорительных грабежей. К настоящему времени между торговцами и пиратами установились вполне себе приятельские отношения.

И это бы ничего, не добавь капитан тут же:

– Но сегодня настоящий праздник, потому что я вообще ничего не потеряю! Да и вы, если не поведете себя глупо, тоже ничего не потеряете.

Лю спонтанно оглянулся назад. На палубу уже выводили Нанью, которая шагала, но даже глаз так и не открыла, и Кристофера. За ним следом шел кудесник и что-то нашептывал.

– Что происходит? – Крис кое-как выдавливал из себя слова, но был в ясном сознании. – Я почти не могу пошевелиться.

Отрава, почувствовав железный захват на своем локте, даже не дернулась, успев приготовиться ко всему.

– Рабство? – Лю глянул на Отраву, будто сопоставлял, что успеет сделать, если перевернется прямо сейчас.

– Рабство, рабство, – утешал его капитан. – Но вы не волнуйтесь – в Правоморье очень мягкие порядки, давно уже! Будет у вас и хлеб, и кров. А если хорошо себя будете вести, вас даже разлучать не станут – у нас считается, что раб лучше работает, если о нем хорошо заботиться.

– Нас будут искать! – заявила Отрава.

Капитан совсем по-доброму ей улыбнулся:

– Да это я уже понял! Вы ведь беглые – то ли убийцы, то ли воры. Разве это не лучше, чем казнь или тюрьма? Совет вам дам: не испытывайте судьбу и никаких неприятностей не последует. Даже наоборот, стабильность до конца жизни. И за такой отличный совет я ваше золото себе оставляю – и без того договоримся. Один кровопийца чего стоит! За него я еще десяток рейсов выторгую.

Отрава посмотрела на шатающегося Кристофера – он был обездвижен каким-то заклинанием, а Нанья и вовсе в себя не приходила и безвольно висела на руках одного из матросов. Теперь болезненное любопытство к кровопийце заиграло новыми красками. В Правоморье этой расы не было – их истребили тысячи лет назад. И за это время разучились бояться. А теперь вдруг заинтересовались. Раб-кровопийца в виде наиценнейшей безделицы в быту? Ведь если Кристофера постоянно держать под таким заклинанием, то и толку с него не будет! Но, скорее всего, они эти вопросы уже обдумали, раз капитан так уверен в своем ликовании. Значит, спрос точно есть. И тут они так кстати сами подвернулись под руку с предложением.

– Перевертыш! – капитан заговорил громче, понимая, что пленники не вслушиваются в его слова. – Посмотри, они уже спускают шлюпки, так что времени у нас немного. Давай разойдемся друзьями? Я вот что предлагаю – поклянись, что не станешь сопротивляться и будешь подчиняться своим

господам. И тогда я в договор включу пункт, чтобы с вами хорошо обращались и продали в один дом. Это несложно, нужно только мое слово. Кровопийца, конечно, не в расчет – он птица другого полета.

– Я вам покажу, какого я полета... – Кристофер сказал совсем тихо и вызвал этим только смех.

– Не покажешь! – перебил его капитан весело. – Смирись уже. Тебе выдерут клыки, и после этого ты станешь совсем ручным. Ну, так что, перевертыш, по рукам? Получи хотя бы то, что можешь получить.

Кристофер покачнулся. Лю, белый, как кровопийца, посмотрел сначала на него, а потом на Отраву. Она знала, какое решение он примет.

– Нет! – крикнула Отрава. – Нет!

Но если речь шла о ее безопасности, пусть даже и обещанной самым лживым человеком, то Лю думать было не о чем:

– Я, Лю, родившийся в Столице, страж первого ранга, клянусь, что не окажу сопротивления и буду подчиняться своим господам.

Эпизод 14. Просто другой способ производства

Отрава была вне себя от отчаянья, но всеми силами пыталась этого не показывать – врагу незачем видеть ее слабость, а Лю и без ее паники едва держался. Но их даже связывать не стали – акт приемки-передачи рабов оказался наипростейшим мероприятием. Капитаны просто пожали друг другу руки и быстро обсудили детали сделки, после чего пленникам было предложено пройти в шлюпку и уместиться покомпактнее.

Лю повиновался, как и обещал. Отрава повиновалась, потому что не хотела доставить им всем дополнительных неприятностей, раз все равно ничего поделаться не могла. Нанья повиновалась, потому что до сих пор окончательно не проснулась – она даже приобняла матроса, который довольно бережно перетаскивал ее. Один Кристофер портил эту бесконечную гармонию:

– В общем-то, нам все равно, на каком судне до Правоморья добираться. Но зато я каждого из вас в лицо запомню.

– Смирись, кровопийца, – пират-перевертыш выглядел хмурым. – Это сложно принять только вначале. Менталитет не позволяет.

– Что конкретно мой менталитет не позволяет принять? – Крис по-прежнему говорил медленнее обычного – из-под заклинания его выпускать не собирались. – Что меня хотят сделать чьей-то вещью? И правда, есть определенные сложности с пониманием.

– Тебе, кровопийца, будет сложнее, чем остальным – это факт, – подтвердил капитан. – Поэтому чем раньше смиришься, тем быстрее привыкнешь. А для остальных – не такое уж и серьезное изменение положения. Какая им разница на кого работать и чьи приказы выполнять? Если раб работает хорошо, никто не вздумает его понукать. И жизнь у него будет прекрасной – ничем не хуже жизни обычного крестьянина в вашем Левоморье. Только уже без угрозы голодной смерти.

– Вы о чем?! – не удержалась Отрава, хоть и понимала, что разговоры эти бесполезны. – Мы не хотим быть рабами! Да я лучше от голода умру!

Перевертыш посмотрел и на нее:

– Не кричи, глупая девочка. Ты просто еще ни разу не голодала, оттого-то и несешь чушь. Это ваш менталитет. Рабство – просто другой способ производства, чем-то лучше, чем-то хуже вашего. Ты это очень

скоро поймешь. Как и твои друзья. И все, хватит вопросов!

– А я, получается, не пойму? – Кристоферу было плевать на его распоряжения.

Капитан нахмурился сильнее и буркнул:

– В твоём случае – вряд ли. Вот твоя жизнь изменится кардинально. А может, и нет, раз твои пальцы уже кто-то успел покромсать.

Кристофер начал говорить еще что-то, но кудесник из пиратов зашептал заклинание громче, пока кровопийца не сложился пополам. И хоть на лице его, как и прежде, эмоции были неразличимы, Отрава точно знала, что он испытывает невыносимую боль.

Этот корабль был намного меньше и быстрее предыдущего. Теперь стало понятно, почему нагруженные товаром торговые суда даже не пытаются пройти мимо – сбежать нет ни единого шанса. И люди тут были совсем другие: серьезные, невеселые. Бывшие вояки или разбойники, которые «остепенелись». Но если потребуется, то за ними не заржавеет и кровь пролить.

Едва они вступили на палубу, им тут же предложили еды, чему Отрава сильно удивилась. Кажется, пираты и впрямь не собирались понапрасну демонстрировать власть или заставлять пленников побыстрее смириться с новым статусом. Нанью кудесник вообще поил сам из ложки, но она неожиданно пришла в себя, обвела мутным взглядом обстановку и со всего размаха треснула его по лицу. Кудесник сжал кулак, но замер после приказа капитана:

– Чирк, не надо. Она ведь пока ничего не знает. Сначала надо объяснить правила, а наказывать можно только после того, как правила нарушаются.

Лю с Отравой тоже подбежали к подруге – им и пришлось все ей рассказывать. Нанья долго не могла поверить в происходящее. Она не умела бороться со страхом и бежать тут было некуда, поэтому пометалась в руках у обнимающего ее Лю какое-то время и разрыдалась. Это ничего. Пока ведь ничего страшного не случилось, а слезы необязательно следует приберегать для более подходящего случая.

Правила были просты: пока они не доставляют проблем, с ними будут обращаться хорошо. Недаром тут капитаном был перевертыш – каждое его слово имело вес. Каждое было правдой. Стоило порадоваться и этому, если больше причин для радости не находилось. Они хотя бы могли усестись рядышком и взять друг друга за руки. Кристоферу же не досталось даже этого – того сразу утащили в трюм и остальным приказали туда не спускаться. Надо отдать этим людям должное, они не собирались его

недооценивать и продумали каждый вариант развития событий.

Остальным пленникам выделили каюту на нижней палубе, где жили простые матросы. Кормили в общей столовой по расписанию. Их не били, не унижали, к девушкам не приставали, чего те поначалу боялись сильнее всего остального, не запирали и не давали никакой работы – лишь бы под ногами не путались. И даже иногда, если сами пираты захотят, отвечали на вопросы. Эта видимость свободы расслабляла, и даже Нанья, которую снова начало бесконечно тошнить, теперь выдавливала из себя проклятия. Конечно, только в присутствии друзей. Но и это приносило хоть какое-то облегчение. Лю повторял, что им пока лучше сидеть тихо – на море они все равно ничего сделать не смогут.

Они не могли не думать о Кристофере, и волнение только росло от отсутствия новостей. Моряки не отвечали вовсе – не их дело. Лю не сдержался и спросил об этом напрямую у капитана. Тот тоже не ответил, но всю троицу лишили ужина. Вот примерно так отношения и строились – мелкая провинность карается незначительно, но с рук ничего не сходит. Их будто воспитывали быть рабами, как домашних животных приучают к порядку.

К концу второй недели Отрава подняла эту тему снова. Им надо знать, жив ли еще Кристофер. И ради этого ответа она готова была рискнуть пробраться в трюм – Нанью от тошноты качало, а Лю дал клятву. План друзьям очень не понравился, но Отрава не собиралась сдаваться: всегда, в любых обстоятельствах, и как бы их отныне не называли, они должны оставаться теми людьми, которыми были прежде! Наверное, Лю тоже расслабился от мнимой свободы и мягкости обращения с ними. И чувствовал себя очень виноватым из-за того, что не может сделать вылазку сам, поэтому резанул себе запястье и нацедил в фляжку своей крови. Нанья прочитала заклинание, которое слыхала от кудесников, когда кровь сдавала – так, мол, кровь не густеет. Лю добавил устало:

– Вряд ли Кирами там уже подыхает от голода, но... найди его и передай от нас привет. Но если там выставлена охрана, то... Кирами вполне обойдется без нашего привет.

Нанья тут же принялась заговаривать его рану, а Отрава, пообещав быть осторожной, отправилась на поиски Криса.

На этом судне самогонные вечеринки не приветствовались. Это был рабочий рейс с довольно строгими порядками. Но поскольку перемещение пленников, если не считать трюма, никто до сих пор не ограничивал, Отрава повторяла себе, что пока бояться нечего. И все равно тряслась, вжимаясь в темноту, когда мимо кто-нибудь проходил. И снова заставляла

себя пробираться дальше. Нанья бы справилась с этим делом лучше, вооруженная нехитрыми заклинаниями. Лю бы справился лучше – он ничего не боялся вообще. Но Отрава была рада, что важное дело наконец-то выпало именно ей.

Люк вниз она рассмотрела еще днем, поэтому знала, куда двигаться. Дождалась, когда рядом никого не оказалось и бегом бросилась к нужному месту. Дверца была незапертой, а лестница уводила в непроглядную темноту. Отрава пробиралась на ощупь и пыталась не дышать. Внизу, чуть дальше от входа, раздавались голоса, поэтому она, спустившись, тут же осела на пол и заползла под лестницу.

Времени до утра много и лучше не спешить. На ее стороне было почти полное отсутствие освещения. Моряки ходили с фонарями, но темных мест, где можно было укрыться, хватало. Отрава будто играла в страшную игру: переместиться из первой точки во вторую, перестать дышать, осмотреться, прислушаться, переместиться из второй точки в третью...

Трюм оказался огромных размеров, да еще и разделенный на отсеки. Кристофер мог находиться в любом из них. Поэтому она переместилась ближе к тому месту, где сидели за маленьким столиком два возвращенца, надеясь, что хотя бы в их разговоре прозвучит подсказка.

Ждать пришлось долгими часами, и ноги уже одеревенели от неудобного положения. Отрава спряталась за небольшим ящиком, и малейшее ее движение могло привлечь внимание. Но за длительное время матросы не сказали ничего интересного – ленивое обсуждение обычных текущих дел, непонятных ей событий и пошлые шутки. И она напряглась всем телом, когда речь наконец-то зашла и о чем-то стоящем:

– С кровопийцей нам очень повезло – кто бы мог подумать! Заработаем в этот раз, как никогда раньше. Заказчик из Миралья обещал просто огромные деньги, а капитан умеет торговаться. И я больше не пойду в рейс, устал. Заведу себе чернобровую бабу и буду любить ее до конца этой жизни.

– Наскучит, Огонек. Как только закончится золото, так сразу и наскучит.

– Разве чернобровая баба может наскучить, молокосос? – тот вздохнул. – Ладно, я на боковую. Что-то долго сегодня Чирк с кровопийцей возится, тот и так уже безобидный, как младенец... Не переборщил бы наш кудесник со своими опытами.

– Это точно, – молодой пират оглянулся на отсек за спиной. – Будет жаль, если Чирк его прикончит.

– Да я его сам тогда на рее повешу! А кровопийца все-таки

интересный экземпляр – он скорее помрет, чем паясничать перестанет.

После этих слов Отрава едва не завывала от отчаянья – что же там происходит? Ему уже выдрали клыки? Ей казалось, что для кровопийцы это хуже смерти, но она, конечно, не имела никаких доказательств этой мысли. Просто интуиция – то же самое шестое чувство, которое уловило, как Крис содрогнулся, когда ему впервые об этом сказали. Но если с ним уже сделали что-то настолько страшное, то ей тем более надо хотя бы на минуту оказаться рядом – пусть знает, что они переживают за него! Пусть услышит, что Лю сам разрезал себе руку, чтобы дать своей крови! И пусть при этом ничем не покажет своих эмоций. Даже кровопийце нужно знать, что кому-то небезразлична его жизнь и его клыки – Отрава и не думала в этом сомневаться.

К этому времени она уже поняла, зачем эти двое тут находятся. Вряд ли они охраняют какой-то ценный груз от своих, скорее – они тут на всякий случай, если вдруг ценный груз каким-то образом выберется из-под заклинаний. На стороне этой же версии был и тот факт, что отдыхали они по очереди и никуда вдвоем не уходили, то есть несли расслабленный, но ответственный караул. Значит, Кристофера держат в каком-то из отсеков рядом.

Отрава могла тем же путем выбраться обратно – утром это сделать будет сложнее, но ей так не хотелось отступать. Дверь крайнего отсека скрипнула и оттуда, пригнувшись, чтобы не удариться головой, вышел кудесник Чирк. Помахал караульщикам, один из которых еще досыпал свою очередь, и молча направился к выходу наверх.

Теперь Отрава знала, за какой дверью держат Кристофера и устала до такой степени, что сил на страх не осталось. Она выждала немного времени, потом вытащила из кармана припасенные с ужина подсохшие корки и швырнула в сторону выхода. Они ударились об один из ящиков, издав негромкий звук, но и этого оказалось достаточно.

– Эй! – молодой матрос встал на ноги и прислушался. – Это ты, Чирк?

Он подхватил фонарь со стола и отправился проверить, на что Отрава и рассчитывала. До того, как он обернется, у нее есть несколько мгновений, поэтому она не позволила себе ни единого вздоха на раздумья. На четвереньках направилась к нужной двери, заботясь лишь о том, чтобы не издавать звуков. Но дверь в отсек все же скрипнула – точно так же, как когда оттуда выходил Чирк. И хоть в темноте невозможно было разглядеть, как та открывалась, но ответственный матрос через минуту все же заглянул следом за ней в трюмный отсек и осветил фонарем помещение. Все смеялись над худобой Отравы! Ну и кто, интересно, на ее месте смог бы

незамеченным остаться за дверью, вытянувшись и замерев в форме струны?

– А разве тебе разрешено сюда заходить, возвращенец? – раздался голос Кристофера.

– Н... нет, но...

– О. Да ты еще со мной и поговорить решил? Я правильно помню, что за это тебе грозят розги?

Матрос молча вылетел за дверь и с грохотом ее захлопнул. Отрава сползла вниз по стене и тут же расслышала саркастичное:

– Я знал, что ты по мне будешь скучать. Как ты собираешься отсюда выходить?

Кристофер теперь шептал. Рядом с ним на полу оставили зажженный фонарь, но чтобы разглядеть получше, Отрава пробежала на цыпочках вперед и села рядом. Он был прикован к стене цепью – гораздо более тонкой, чем когда-то у разбойников. Если бы кровопийца был в себе, то таких препятствий и не заметил бы. Похоже, его не били и не пытали, но вид был крайне изможденным. Заклинания. Тут явно к кровопийцам относились с большим уважением, чем лесные левоморские разбойники.

– Крис, я принесла тебе крови. Это Лю...

– Не поможет. Ничего не поможет, – он совсем не впечатлился рвением друзей. – Этот хряков кудесник свое дело знает. Будь добра – убей его для меня. И после этого я убью для тебя весь мир.

Он шутил – хороший знак. Или не шутил? Отрава не спрашивала, мучается ли Крис, ведь и без этого видела, так и есть. И была уверена, он об этом прямо не скажет. Поэтому, без лишних разговоров, вытащила из-за пазухи фляжку и повернула крышку. Пусть не поможет, но хоть на каплю станет легче.

– Сделай глоток – обещаю, твое настроение поднимется, – она пыталась улыбаться, но стук сердца все равно больно отдавался в ребра. – Очень рада, что твои клыки на месте!

– Это ненадолго. Они не имеют права трогать никого из нас – может сказаться на цене. А вот когда нас всех продадут, тогда настоящее веселье и начнется.

– Мы выкрутимся, Крис! Когда доберемся до берега, что-нибудь придумаем!

Он почему-то молчал. Не верил в благополучный исход? Узнал что-то, что лишило его окончательной надежды? Но после паузы сказал только:

– Уходи отсюда, Отрава.

– Крис, просто знай, что мы выкрутимся!

– Вали уже к темному хряку, Отрава, спать мешаешь.

Да, она тоже переживала, как бы ее тут не обнаружили, но еще пристальнее разглядывала его лицо – надо будет во всех подробностях описать его состояние Нанье. Ведь именно той придется придумывать, что с этим делать. Поэтому она дала себе еще пару минут, а Крису – пару глотков крови перевертыша.

Отрава подскочила на ноги и выронила флягу, услышав позади резкий стук. На входе стоял Чирк и улыбающиеся моряки из караульных. Как же она ошиблась, думая, что провела их!

– Это правило, которое нельзя было нарушать, Отрава, – мягко и совсем по-отечески сказал корабельный кудесник.

Она от ужаса примерзла к месту, но все равно дернулась, когда Кристофер сказал громко:

– Чирк, дружище! Моя подружка принесла мне только немного крови. Ты ведь не против?

– Я не против, Кристофер, твои друзья – мои друзья, – отозвался в тон ему кудесник. – Но правила есть правила.

Кристофер чуть дернулся вперед, но тут же бессильно рухнул обратно.

– Чирк, отпусти ее. И я уже порядком отдохнул – можем продолжить наш с тобой приятный разговор.

– Какое интересное предложение! – Чирк будто оживился, но потом покачал головой. – Нет, дружище, я не могу рисковать – ты ведь вот-вот помрешь. А тебя живого продавать выгоднее. Так что... правила!

Отрава не сопротивлялась, когда ее тащили на верхнюю палубу. Только едва успевала переставлять ноги и думать о том, что на этот раз вряд ли отделается лишением завтрака.

До рассвета оставалось недолго, и никто не спешил будить капитана. Но уже скоро постепенно на палубу начали стягиваться все. Конечно, и Лю с бледной от тошноты Наньей выскочили из своей каюты, но им не позволили приблизиться.

– Я так понимаю, что вы до сих пор не очень верите в то, насколько ваше положение изменилось? – хмуро сказал капитан, обращаясь к ним. – Тогда послушайте – если и вы начнете доставлять хлопоты, то нарушительницу мы выкинем за борт, а вас двоих тоже накажем. Слово перевертыша.

Лю тут же остановился и подхватил под локоть Нанью, чтобы та не упала. Отрава смотрела на него всего мгновение и отвела взгляд.

– У рабов в Правоморье вполне вольготная жизнь, – объяснял капитан, пока помощники выполняли его распоряжения. – Но только у тех, кто чит

правила. Первое и самое очевидное предупреждение рабу – это знак, который уже никогда ему не позволит забыть о своем месте. К сожалению, это может снизить цену на рынке. Но, возможно, что твои хозяева, наоборот, будут рады, что мы не попытались им впихнуть некачественный товар. А я человек чести.

Отрава слышала, как в стороне закричала Нанья, когда на палубу вытащили жаровню и развели в ней огонь, но не посмотрела на друзей. Теперь она уже не считала свой поступок геройским – герои так просто не попадают! Но при этом понимала, что все равно кто-то из них спустился бы в трюм, поэтому нашла в себе силы порадоваться, что сейчас она, а не Лю или Нанья, смотрит на то, как накаливается докрасна клеймо на конце железного прута.

Она только на мгновение закрыла глаза и снова открыла, чтобы смотреть прямо. Отрава не боялась. Ей секунды внутри мыслей хватило, чтобы представить себя кровопийцей. Как Кристофер, на лице которого не было и следа переживаемой боли, так и она сможет. Море, в которое ее грозились выкинуть, ее тоже теперь не страшило. Море – оно внутри. Все важное только внутри – и ничего снаружи.

– Ты очень симпатичная, – говорил капитан, но Отрава не придавала значения его объяснениям. – Вряд ли тебя кто-то купит, если я изуродую такое милое лицо. Но на будущее знай – ты рабыня. И если не выучишь этот урок сейчас, то дальше с тобой церемониться не станут.

Отрава смотрела на него без страха или улыбки – без малейшей эмоции. Он может раздавать ей какие угодно эпитеты, но море внутри. Рабом человек может сделаться только сам, когда сломается, и никакие ярлыки извне до тех пор значения не имеют. И пусть они называют это безумие «просто другим способом производства», но это не значит, что она давала на это согласие.

Ее резко развернули и разодрали рубаху на спине, оголяя лопатку. Боль, шипение и мерзкий запах паленого мяса. Отрава не кричала – ей бы и в голову не пришло расцепить зубы и закричать, потому что это не имело смысла. Как не кричал бы Кристофер. Отрава в самый страшный момент своей жизни стала кровопийцей. Море внутри.

Эпизод 15. На одно клеймо старше

Казалось, лучше уже никогда не станет. Лю и Нанью наказали только лишением еды – за соучастие, а Отраву утащили обратно в трюм. Вероятно, опасались, что она сгоряча за оставшийся день путешествия доставит еще неприятностей. Или просто изолировали ее от Наньи, чтобы та заклинанием не могла снять боль. А боль никак не хотела угасать, и... казалось, лучше уже никогда не станет.

Поместили ее к Кристоферу. Кудесник даже снизошел до объяснений: остальные отсеки завалены товаром, оружием и запасами пресной воды. Да и раз уж она так рвалась в компанию кровопийцы, то почему бы не позволить им двоим пообщаться? В конце концов, это все равно последний день, когда они видятся.

Хотя самому Чирку распоряжение капитана было не по нраву:

– Дружище, – обратился он к Кристоферу. – А нас не будет тяготить присутствие твоей подружки?

– Как будто тебя это остановит.

– Ты прав, тогда начнем!

Отраву приковали с другой стороны, но даже если бы она сидела ближе, то ничего разглядеть бы не смогла – только почувствовать. Чирк нашептывал заклинания, Крис закрывал глаза. Отрава вспомнила лагерь разбойников: когда один из тех воткнул Кристоферу в плечо стрелу, он тоже закрыл глаза. Точь-в-точь как сейчас. А ведь все познается в сравнении – разбойники теперь выглядели приятными ребятами, устроившими им веселое приключение.

Это продолжалось часами – Отрава жалеть Криса устала за это время, так каково было ему? Повезло, что у нее имелось и собственное развлечение – ожог болел невыносимо. Она попыталась забыться, чтобы хотя бы немного отдохнуть, но вздрогнула и снова села, услышав в голосе Чирка тревогу:

– Дружище? Эй! – он сначала затряс Кристофера, ухватив за плечо, а потом хлестко ударил по щеке. – Эй! Только не говори, что ты умер!

Он вскочил на ноги и бросился к двери, но замер через несколько шагов. Отрава кожей ощущала его ужас. Чирк снова рванул к Крису и начал его трясти.

– О... он не умер, – прошептала она, но садист услышал и посмотрел на нее с надеждой. – Потерял сознание.

– Ты уверена?! Разве такое возможно?

Ей и самой слова давались с трудом, но такой повод помочь другу хоть чем-то она упустить не могла:

– Да. Тело кровопийцы после смерти сразу разлагается, насколько я знаю из книг. А сознание он уже терял, тоже от боли, – Отрава припомнила рассказ Криса о том, как его взяли разбойники. – Но если ты продолжишь, то он точно умрет. Лучше оставь его в покое или помоги, если можешь.

– Как помочь? – похоже, Чирк и в самом деле перепугался до смерти. – Я же не знаю заклинаний, которые могут излечить внутренние раны у кровопийц!

Очень интересно. Значит, калечить за эти две недели превосходно научились, а на лечение времени не нашлось? Отрава скрипнула зубами:

– Они быстро излечиваются. Но для этого нужна кровь и... да хряк с тобой, ослабь ты уже свое заклинание, из-за которого он двигаться не может!

Чирк качал головой и причитал. Сам же подсунул запястье Кристоферу ко рту, но когда тот так и не отреагировал, запаниковал окончательно и забормотал заклинание. Не добившись результата, вылетел из отсека. Вряд ли для того, чтобы признаться капитану в том, что их ценный пленник прямо в эту минуту грозит откинуть копыта.

После его бегства Отрава еще какое-то время надеялась, что Кристофер это специально разыграл, но уже скоро стало ясно – это не так. Она звала его по имени, пока не захрипела от отчаянья, но потом он неожиданно вздрогнул и медленно поднял голову.

– О. А я и забыл, что ты тут.

Отрава выдохнула так громко, что караульным за стеной наверняка было слышно.

– Как чувствуешь себя, Крис? Этот идиот должен был ослабить сдерживающие заклинания!

Он подумал, потом заторможено кивнул:

– Да. Точно. Чувствую. Но спешу тебя разочаровать – я сейчас и без заклинаний веселых песен петь не стану. Надоело.

Его язвительность в порядке, но сам он еще долго будет приходить в норму. Поняв это, Отрава заявила:

– Я убью для тебя Чирка, Кристофер Кирами. И остальных убью. Обещаю.

– Здорово. Ну и как тебя наказали за твою глупость?

– Заклеймили, как корову после покупки.

Казалось, что у него все силы уходят на то, чтобы держать глаза

открытыми и продолжать говорить:

– Веселье началось, Отрава? Воспринимай это иначе: не тебя клеймили, а ты повзрослела на одно клеймо. Так тоже бывает.

– Удивишься, но именно так я это и воспринимаю.

Он вдруг сжал губы, а потом криво растянул. Это была почти улыбка! Отрава онемела, не веря своим глазам. Как странно, что Крис научился улыбаться точно в тот день, когда она разучилась.

Больше она его разговорами не донимала, позволяя им обоим общаться с собственной болью в тихом забытьи. Да и не разделяла она уверенности Чирка в том, что это их последняя встреча.

Ночью Чирк вернулся. Очевидно, он никому о своем проколе не рассказал и просто выжидал подальше от неприятностей, чтобы его в этих неприятностях могли обвинить хотя бы не в очередь. Но как только наклонился к Кристоферу, то сразу ожил и разулыбался – обошлось:

– Надеюсь, ты меня не выдашь, дружище? Ты ведь оклемался, так что оставим обиды в прошлом!

– Да я не злопамятный, Чирк, – ответил ему Крис до сих пор слабым голосом. – И какое мне удовольствие, если капитан тебя прибьет на месте? Вдруг у него рука тяжелая, и он сделает это быстро? Я лучше сам – кровопийцы не слишком жалуют физический труд, но в некоторых случаях с удовольствием делают исключения.

– Это вряд ли, – облегченно рассмеялся кудесник. – В порту тебя будут ждать. И раз заказчик платит за тебя столько золота, вряд ли упустит из виду. Не удивлюсь, что сопровождение тебе выделяют похлеще королевского!

– Давно пора. Надоело это неуважительное отношение к наследнику Кирами.

Спор этот звучал скорее обменом любезностями между старыми друзьями, не имеющим особого смысла. Отрава понимала, что Кристофер с угрозами не шутит, но сейчас, глядя на его почти неменяемый вид, она сильно сомневалась в вероятности их осуществления. Так думал и Чирк, который не собирался оставлять за собой последнее слово – признак уверенности в собственной правоте. Он встал и бодро направился к Отраве:

– К утру уже будем в порту, поэтому тебя разрешили выпустить наверх. Поешь и приведешь себя в порядок, а то тебя и так теперь будет сложно продать! – он только улыбнулся, уловив презрение в ее взгляде. И объяснил мягче: – Это в твоих же интересах. Кудесницу купят сразу – если не в поместье, так городские знахари возьмут – им бесплатные помощники всегда нужны. Перевертыш в хозяйстве тоже лишним не бывает. Поэтому

если хочешь остаться с друзьями, то будь покладистой и надейся, что новые хозяева будут настолько добры, что возьмут и тебя довеском.

Отрава не выдержала и опустила голову. Если ей приходится смиряться с чем-то, то ведь это не значит, что она уже и внутри стала рабом? Конечно, нет! Это лишь стратегия – сейчас лучше сделать так, чтобы впоследствии появилась возможность поступить иначе. Главное со смирением не переборщить.

Опухшая от слез Нанья рухнула на пол, когда увидела вошедшую в их каюту Отраву. Неестественно бледный Лю рванул к ней, обнял и прижал к себе дрожащими руками.

– Прости меня, прости... – бормотал он. – Я виноват... Я не должен был отпускать тебя в трюм... прости!

Отрава поморщилась то ли от боли, то ли от разочарования – реакция Лю оказалась до банальности предсказуемой. Ну, конечно, он винил во всем только себя! При этом даже мысли не допустил, что Отрава не спрашивала его разрешения – она бы отправилась в трюм, даже если бы он запретил!

Нанья, увидев выражение ее лица, тут же вскочила на ноги.

– Я помогу! Шрам останется, тут я бессильна, но боль заговорю!

– Не надо, – уверенно сказала Отрава, которая успела примириться с невыносимым жжением. – Оно должно отболеть само, чтобы я навсегда запомнила это чувство.

Друзья ее не понимали, а на вопросы она отвечать не спешила. Не знала слов, которые бы описали, как она повзрослела на одно клеймо. Неизвестно, что случится еще в будущем, но теперь она ощущала себя иначе – сильнее и жестче, готовой к тому, к чему не была готова еще три дня назад. Лишилась душевной невинности, что в этом мире точно не помешает. Свободная возвращенка с рабским клеймом на лопатке в виде двух звеньев цепи – это примерно то же самое, что кровопийца без пальца. Как грамота по окончании школы уникального опыта.

После рассказа о положении дел Кристофера, Нанья только головой качала и извинялась за то, что обладает огромными талантами, но не научена ими управлять. Единственное, что она могла предположить – если кудесники не станут накладывать дополнительные чары, тогда воздействие со временем иссякнет.

Им всем троим выдали новую одежду и даже вернули личные вещи. Конечно, за исключением монет. Даже если бы их на берегу отпустили на волю, вернуться домой без денег было бы затруднительно.

Правоморский берег уже издали отличался от всего, что они видели

прежде. Портовый город был воистину огромен и светился высоченными шпилями и золотыми башнями. Даже Лю умолк, созерцая этот хаос запредельной красоты, а ведь он всю жизнь прожил в Столице Левоморья!

На палубу вывели и Кристофера. Он выглядел намного лучше, хотя едва переставлял ноги. Но это благодаря Чирку, который вернул для подстраховки все сдерживающие заклинания.

– О. Перевертыш и аппетитная моя кудесница, а вы почему не пришли меня навестить? Сразу видно, что меня не любите.

– Любим, любим! – заверяла Нанья, но матрос не дал ей возможности это продемонстрировать. – Определенно, ты наш самый любимый кровопийца!

Лю был серьезен и не пытался задушить Кристофера в объятиях:

– Ты как, Кирами?

Только им четверым было известно, сколько искреннего участия прозвучало в этом вопросе. Крис это тоже уловил, но предпочел не изменять себе:

– Экий парадокс, перевертыш. Я даже после двухнедельного сплошного наслаждения выгляжу лучше, чем ты. Совпадение или уже закономерность?

– Мы найдем тебя, Кирами, – Лю и не думал поддерживать шутливый тон.

Кристофер теперь тоже смотрел на впечатляющий город на берегу.

– Нет, Лю, не найдете, – совсем тихо сказал он, кажется, впервые назвав перевертыша по имени. – И не нужно. К тому времени я или сам найду вас, или мне уже станет все равно.

Чирк толкнул его в плечо, направляя в сторону трапа. Кристофера повезут в другой лодке и под усиленным конвоем. А Нанью, Лю и Отраву отправят совсем в другом направлении. На этом их знакомство можно было считать оконченным. Лю опустил голову, и ему сейчас было не по себе. Нанья отвернулась – она, почти как Кристофер, все меньше походила на себя прежнюю. А когда в человеке что-то ломается – чинить очень сложно.

Отрава крикнула вслед Крису и сопровождавшим его пиратам:

– Выпрями спину, наследник Кирами! Ты похож на тухляка, а не кровопийцу!

Ему не позволили остановиться или даже обернуться. Справедливости ради, спина у Кристофера оставалась прямой все это время, но Отрава точно знала – она заставила его улыбнуться. Пусть даже и внутри себя. Это меньшее, что она могла для него сделать. Чинить сломленного человека очень сложно, но кровопийцу починить вряд ли возможно.

Красотами города вблизи полюбоваться не удалось. Сразу после высадки их сопроводили в место с чудесным названием «Рынок рабов и должников». Отрава предполагала, что там они будут одни – вряд ли многие, подобно их компании, так глупо попадают. Но в огромном каменном помещении было многолюдно. Оказалось, тут же пираты разгружают награбленное: часть в общак, часть себе. В это же место приходят бедняки и добровольно отдаются с потрохами рабство. Это те, которые слишком стары или слабы, чтобы выживать на разбоях. И все равно Отрава не понимала: если люди готовы продаться, лишь бы не голодать, то почему же в Левоморье не было ничего подобного? На родине люди жили общинами, вместе и выживали, некоторые устраивались на работу в замки кровопийц – но оставляя за собой свободу в любое время уйти, а тут – рабство! Большинство местных лишалось свободы за долги. Вот так, шли и отдавались лет на пять своим бывшим соседям и кредиторам. А если тем были не нужны, то являлись на этот рынок в надежде найти покупателя, достаточно щедрого, чтобы покрыть долг. В Левоморье должника бы выпороли на площади, да денег больше не давали, но никому бы в голову не пришло брать его в дом и овец доверять. Да, разница менталитетов, не иначе.

Через пару часов их троицей заинтересовались. Точнее, как и предсказывал Чирк, заинтересовались Наньей, которая продолжала сидеть, будто в воду опущенная. Но подошедший мужчина, рыжебородый и выряженный в цветастый мешок до пола, присел на корточки и заговорил ласково, не обращая внимания на ее безучастность:

– Я кудесник высокого уровня. Знаю тысячи заклинаний, умею излечивать многие хвори, продлевать жизнь и могу помочь возвращенцу вспомнить до пяти предыдущих жизней! – на этих словах Нанья осмелилась взглянуть на бородача. – Разве ты не хочешь стать моей помощницей?

Человек этот производил приятное впечатление. И, очевидно, был баснословно богат, поскольку при его появлении торговцы тут же засуетились и повторяли бесконечное: «Господин Иракий, сюда! Господин Иракий, посмотри, какой шелк! Господин Иракий, левоморская кудесница! Молодая и здоровая!». Вот только последнее и вызвало в нем любопытство.

– Расскажи, что ты умеешь, – мягко попросил он, и Отрава понимала, что он вовсе не был обязан проявлять такое терпение – скажи он хоть слово, и торговцы вытрясли бы из Наньи любые ответы.

Нанья все же нерешительно перечислила свои навыки. На каждом ее заявлении господин Иракий переспрашивал, сама ли она этому научилась

или кто-нибудь объяснял, как это делается. И становился все более довольным.

– Одаренная девочка! – и тут же крикнул в сторону капитану: – Я покупаю кудесницу!

Его решение предсказать было несложно, но Нанья снова сжалась, зажмурилась и затрясла головой. Но на этот раз добрый господин Иракий на ее реакцию внимания не обратил – ему было плевать на ее несогласие. Лю, который сидел на полу между ними, положил руку Нанье на плечо, успокаивая. За те часы, что тут провели, они втроем успели наслушаться страшилок: все, включая болтливых рабов, стройным хором уверяли, что Нанью продадут до конца дня. Якобы настолько рыжих кудесников тут редко встретишь, а это какой-то верный знак чего-то там! В крайнем случае, придут монахи и выкупят ее – им знахари нужны. А в монастырях жизнь не слаще смерти. Давали советы, мол, если заглянет сюда помещик какой, даже самый суровый, то надо всей троице отчаянно строить ему глазки – все лучше, чем в монастырь укатить или остаться тут, пока цена совсем не упадет. Кого дороже купили – с тем лучше и обращаться будут. Инвестиции ведь должны окупаться! А кого за бесценок взяли, того на самую тяжелую работу, если не на рудники, отправят – помрет, значит, Небесный Свет так возжелал. Они этот Свет упоминали по поводу и без. Но почему-то желания его учитывались только тогда, когда личная выгода была не так очевидна.

Капитан пиратского судна подошел ближе, а господин Иракий поднялся, чтобы пожать руку для закрепления сделки. И тот же самый жестокий человек, который собственноручно клеймил Отраву, вспомнил об обещании попытаться продать их в один дом. Перевертыш – он перевертыш и есть.

– Бери и этого. Он вел себя смирно и тихо, но я старый солдат и по походке коллегу узнаю. Провалиться мне в Подземную Тьму, если он у левоморцев не был одним из лучших бойцов! Бери, господин Иракий, не пожалеешь!

Солдат – это что-то наподобие стража или охранника в Левоморье. Устаревшее слово, которое тут использовали часто.

Кудесник задумчиво глядел на Лю, пока капитан продолжал:

– А эта возвращенка проблемная, скрывать не стану. Но привыкнет. Может, и ей местечко где на кухне-огороде найдется?

Господин Иракий, на Отраву даже не посмотрев, озвучил решение:

– Перевертыша и кудесницу возьму. Твоему слову верю.

И только теперь Отрава поняла, что больше всего сейчас боялась

остаться одна. Как Кристофер! Любые тяготы можно преодолеть, если будет возможность вечером обнять подругу или позорно разреваться при Лю. Но она запретила себе открывать рот. Тогда ожила Нанья:

– Я руки на себя наложу! – она подскочила на ноги. – Клянусь... этим вашим Светом! Бери нас всех, а иначе... как их... инвестиции не окупятся! Понял? Это я тебе...

Иракий залепил ей пощечину, заставив замолчать. Но после этого сказал спокойным голосом:

– В следующий раз проси, если тебе что-то надо, но никогда не повышай тон при мне, Нанья, – и повернулся к капитану. – Хорошо, возьму троих, если скинешь цену за возвращенку вполонину.

Ровно с этого момента начался новый этап их жизни.

Переезд в тесной повозке занял весь остаток дня – господин Иракий жил далеко от города, предпочитая уютное уединение своего семейства из трех человек. Но, похоже, что под уютным уединением он подразумевал и всех рабов, коих на его полях и в бытовом хозяйстве водилось предостаточно. Потом пленников, изможденных дорогой и переживаниями, высадили возле дома, который запросто можно было назвать дворцом. Накормили, переодели и представили остальным господам: супруге Иракия, слишком пышнотелой возвращенке, и такому же тучному сыну, унаследовавшему расу матери. Хозяйка повторяла, считая, вероятно, слова свои проявлением доброжелательности:

– Привыкайте, привыкайте.

Вот они и привыкали – день за днем, неделю за неделей. Жизнь в поместье оказалась не такой уж и плохой. Каждому выделили по каморке, и в одной из них они обязательно собирались перед восходом ночной звезды, чтобы хоть несколько минут побыть вместе. Поначалу молчали. Потом жаловались. А потом наперебой рассказывали друг другу, как прошел день. Отрава – о том, как с утра до вечера снова чистила овощи и полировала серебряные ложки. Нанья через пару недель щебетала:

– А он действительно силен! Думаю, что даже в Школе Высокого Колдовства столько бы не увидала! Очень добр. По роже бьет, только если я вовремя не умолкну...

Так Нанья привыкала.

– У них тут все по-другому! Я еще ни одного разбойника не видел. Больше следим, чтоб зверье какое не забрело, да урожай не потоптало. Мы на дальней заставе вчетвером легко справляемся.

Так привыкал Лю.

И Отрава, видя, что друзья ее перестают быть прежними, все чаще

заводила самую важную тему:

– Когда мы сбежим?

– А куда бежать, ядовитая моя? – разводила руками Нанья. – Мы уйдем отсюда, конечно. Но мне бы побольше узнать о колдовстве, уж тогда я нигде не пропаду! И вам пропасть не дам!

Лю смотрел виновато:

– Они взяли с меня клятву, Отрава. И это хорошие люди... просто они привыкли жить иначе.

– Клятву?! – Отраве хотелось его ударить. – А ты не забыл, что давал клятву Их Величеству?

– Нет, не забыл, – он смотрел ей в глаза. – Но ты жива! А если мы уйдем – без денег, бумаг и... с твоим клеймом, кто может гарантировать, что с тобой ничего не случится?

– Я понимаю, – Нанья попыталась приобнять Отраву, но та не позволила. – Ты думаешь о Крисе. Мы все о нем думаем. Но что мы можем сделать для него сейчас? Где искать? И как выручать, если сами беззащитны? Милая, мы ведь ехали в Правоморье, чтобы укрыться от преследования! И посмотри-ка, столько дней на одном месте, и ни одной свечки! Так чем же не укрытие, если есть кров и хлеб? По крайней мере пока...

Отрава не ответила. Нет, она думала не о Кристофере. Она думала о другом менталитете – менталитете обычной тихореченской овцы, которая будет жить там, где ее кормят.

Кристоферу ни на миг не позволяли выйти из-под чар. Даже мысли его путались, словно их перевязали теми же тяжелыми оковами, что руки-ноги. На этот раз ему внимание уделяли целых два кудесника, будто одного было недостаточно. Чтобы не тратить силы на пустое, он не отвечал на вопросы и не делал лишних движений. Хотя его глубоко аристократичной натуре это и не было свойственно. Да и сопровождающие были не особо разговорчивы. Вояки или солдаты, как они сами себя называли. Солдаты – это что-то наподобие городских стражей в Левоморье, только еще зануднее.

Пленника перевозили в крытой повозке, которую тянули рогатые волы. В Левоморье таких не водилось, а эти еще и передвигались со скоростью резвой лошади. Магия. Направлялись они, насколько Кристофер мог судить, на юг – к другому морю, еще дальше от дома. Хотя про дом он и не вспоминал вовсе – оказалось, это только мешает сосредоточиться и ничем не помогает. Домом сейчас стал казаться не только замок Кирами, но вся огромная территория, называемая родиной. И чем дальше его увозили, тем

большую по охвату местность он готов был назвать домом. Настроение поднималось при воспоминаниях о друзьях – наверное, только потому, что они были где-то ближе дома, но при этом с самим домом и ассоциировались.

Военная крепость Мираль располагалась на берегу Теплого моря. Там, за этими водами, находится Каменноземелье – главный враг Правоморья. По всему побережью были расставлены большие и малые крепости, обеспечивающие защиту государства от грабительских налетов и военной экспансии. Организацией обороны занимались сильнейшие кудесники, ответственные перевертыши и самые преданные отчизне возвращенцы. Но для пополнения внешней и внутренней армий добровольцев было недостаточно, потому набирали рекрутов среди простого люда: по одному сыну от семьи или по несколько рабов от поместья. И поскольку каждый верил в некий Небесный Свет, то и выпавшую долю принимал, как должное. В конце концов, солдаты, в отличие от рабов или торговцев, были в почете, и оттого такой выбор свыше считался далеко не худшим из возможных.

За время недолгого путешествия Кристоферу до темного хряка надоели их псалмы: «Небесный Свет дарует жребий и выбрал тех, кто Свет несет!» Особенно забавно этот пафос звучал из уст одноглазого старика-возвращенца, которого призвали во внешнюю армию еще в юные годы. Кристофер не знал, что конкретно тот в себе нес: боль давно заживших ранений или осознание, что жизнь прошла мимо и под бестолковые молитвы, но уж точно не свет.

Эпизод 16. За одну жизнь до

На кухне работали только женщины, и отношения складывались по-семейному доброжелательными: никому из них проблемы не были нужны, поэтому мелкие ссоры тут же забывались и всем коллективом кухарки возобновляли всегдашние сплетни. Все были правоморками, но Отраву почти сразу приняли. Даже наоборот, обрадовались, что появилась в их кругу рассказчица, которая могла поведать о заморской жизни. И удивлялись каждой мелочи.

Отрава удивлялась в ответ – большинство этих женщин были в долгом рабстве. Вот так, муж серьезно проигрался или прогорел на торговле, а его преданная жена преспокойно отдается в чужой дом. На три, а то и на пять лет. Они смотрели на это как на обычный заработок – ничем не хуже других занятий, вот только плату не выдают. Зато долг уменьшается! Встречались и потомственные рабы – те, что родились и выросли в неволе. Утешало только то, что семьи разлучать было не принято. Да и жестокость по отношению к рабам не приветствовалась. Никем эти правила специально не устанавливались, но каждый правоморец свято верил, что после окончательной смерти попадет или в Небесный Свет, или в Подземную Тьму, согласно поступкам своим. А если кто в это верить отказывался, то рисковал встретиться с монахами из ближайшего монастыря. Власть у тех была неограниченной – ударить монаха считалось наитягчайшим грехом, зато сами монахи ходили с палками-посохами, которыми имели право молотить кого угодно. В том числе и за жестокость к слугам. Но рабы своих спасителей чаще всего боялись посильнее хозяев. Ведь жаловаться на судьбу – тоже грех, хоть и не такой тяжкий.

Многое было точно таким же, как в Левоморье, только иногда назывались иначе. Например, ночную звезду они называли луной, а дневную – солнцем. Животным и растениям давали другие имена. Но к этому привыкнуть было проще всего.

Несмотря на всю необычность их уклада, Отрава не могла не замечать, что средний уровень жизни в Правоморье намного выше, чем в родных краях. Тут даже простой крестьянин мог позволить себе хороший дом и все необходимые блага, а по одежде вообще было сложно отличить бедняка от первого богача. Нет, наметанным глазом возможно, но Отрава подолгу не могла понять, чем же принципиально отличается вечерний наряд госпожи от платья главной поварихи. Пошито из тех же тканей, немного другого

фасона и рисунка. Выяснилось, что шьют одежду одни и те же портные, но выставляют по разным ценам: богач возьмет только дорогое, ведь он знает, что по мелким деталям любой угадает стоимость. На заявление Отравы, что в такой роскоши в Левоморье живут только кровопийцы и Их Величество, женщины смеялись:

– Вы сами распустили своих кровопийц, вот они вам кровь и пьют! – говорила Печаль, весьма веселая и общительная кухарка. – А мы своих как повырезали, так сразу спокойно и вздохнули! Зачем вы возвели их в ранг господ, ведь они самая уязвимая раса?

– Уязвимая? – Отрава думала, что ей послышалось.

– Конечно! Они зависимы от крови, а значит, ими легко управлять! Я слыхала, что и у нас осталось несколько кровопийц – их свезли на какие-то рудники. И за каплю крови они из шкуры вон вылезут – лучшие рабы на свете!

Все вокруг смеялись. Отраве же такие разговоры настроение не поднимали. Но она запретила себе жалеть Кристофера. Он или справится сам, или не заслуживает ее сострадания. Как все эти люди не заслуживают. Они не видели в своем положении ничего вопиющего. Рабов поощряли за хорошую работу выходными, подарками или небольшой суммой денег. Они и рады были стараться! За мелкие провинности карали лишением обеда, за воровство пороли розгами. Клеймили только беглых или наотрез отказывающихся работать, но таких тут почти не попадалось. Поэтому с интересом и расспрашивали у Отравы, чем же она умудрилась заслужить столь редкое наказание.

– А я сбежать собиралась, – с сарказмом отвечала Отрава.

– Откуда? С корабля?!

– Ну да. С корабля. А что тут такого?

– Странные вы... левоморцы! – легко верили они и в такую чушь. – Вот ведь глупая! Знала бы заранее, что в такое отличное место попадешь, думала бы иначе, правда? Ведь сейчас жалеешь, что настолько глупой была?

Отрава не жалела, но и не собиралась оправдываться. Этим людям, которые до мозга костей рабы, не понять ее объяснений. Они даже предпочитают верить в какой-то Небесный Свет, который карает за инакомыслие! Свою веру в Великое Колесо Жизни она считала совсем другой – ведь та основывалась на понимании и логических рассуждениях, а не слепом принятии. И ведь неизвестно, кто из них ошибался.

Единственное, что заставляло этих женщин хмуриться, всегда касалось молодого господина. Возвращенец, примерно Отравиного

возраста, господин Лад отличался пренеприятнейшей внешностью, которая не имела значения на фоне еще более мерзкого характера. Возвращенец, родившийся в семье настолько сильного кудесника, оказался то ли недолюбленным из-за того, что не оправдал чаяний отца, то ли перелюбленным, чтобы компенсировать ему прочую ущербность. В детстве – пакостный, в юношестве – истеричный, сейчас он входил в свою новую стадию – Лад взялся приставать ко всем молодым рабыням в поместье. Зарница, первая жертва его гормонального всплеска, долго домогательства терпела. И даже сдалась пару раз на милость господина, лишь бы он ей других неприятностей не устроил. Но потом Крапива пошла и пожаловалась его матери. Та сына мягко приструнила, но зато с тех пор Крапива то крысу дохлую в своей комнате найдет, то изрезанное в лоскуты новое платье. И она еще сомневалась, правильно ли поступила! Господа, дескать, нередко рабынями скрашивают темные ночи. И не будь этот столь отвратителен, то ничего зазорного в этом и не было бы. Если, конечно, у женщины не остался в городе муж или жених. Ну, а траву, которая мешает зачать нежеланного ребенка, в ближайшей же деревне можно купить за бесценок.

Конечно, молодой господинчик тут же заприметил двух новеньких. Но Нанья оказалась в безопасности – она целыми днями находилась в лаборатории с его отцом. А отца Лад боялся не на шутку. Об этом Отрава от Наньи и узнала: та говорила о господине Иракии с каждым днем со все большим уважением. Похоже, он в самом деле был умен и справедлив. Но мог бы и выйти из своей лаборатории ненадолго, чтобы заняться воспитанием наследника! По крайней мере Отрава знала, к кому отправится, когда внимание Лада дойдет и до нее. Ее крысами и изрезанными платьями точно не запугать.

Но когда она впервые заметила на себе заинтересованный взгляд сальных глазок, тут же передумала. И улыбнулась в ответ широко.

Лю боится за нее, поэтому и не решится на побег! И он свято верит, что предсказание Великого Кудесника сбудется в любом варианте, при котором Отрава жива. Возможно, потом он и сам поднимет вопрос, что пора возвращаться домой. Но сколько месяцев или лет пройдет до этого озарения? Сейчас уже конец осени, они провели тут слишком много времени. На носу зима, но это Отраву не страшило. Она боялась, что сама к весне начнет привыкать к теплу и сытости, а это непростительная ошибка.

Выйдя вечером из кухни, она сразу заметила Лада, который ее поджидал. Такому и крючка не нужно, чтобы клюнул. Она хотела пройти мимо – игра должна оставаться игрой, но парень ухватил ее за руку и

потащил подальше от дома. Там обнял, обволакивая ароматом трехнедельного проживания в свинарнике, и зашептал в ухо:

– Отравушка, красавица моя! Хочешь опытного мужчину? Будешь ласкова со мной – я буду ласков с тобой!

– Господин! – с ненаигранным возмущением воскликнула она. – Нас увидят!

– Ну и что? – он заглядывал ей в лицо, пока она пыталась не скривиться от отвращения. – А может, я полюблю тебя? Хотя я люблю женщин в теле, а не таких костлявых... Рыжих особенно люблю. Но и ты ничего!

Он и не понимал, насколько несоблазнительно звучат его ухаживания. Но Отрава угадала верно – Ладу понравилась Нанья. Он кружил вокруг кудесницы все это время, но никаких путей к той мимо отца не обнаружил. Именно поэтому Отрава и жила до сих пор спокойно.

– Господин, отпусти! Не смущай меня!

Он бормотал, прижимая ее еще теснее:

– Не люблю хвастаться своими победами, но ты спроси у Зарницы, каков я! Спроси – и будешь знать, что не пожалеешь!

Вот именно от Зарницы она и наслушалась про «вонь до тошноты» и «омерзительный стручок, который из-под живота не разглядеть».

– Господин, – зашептала Отрава, уклоняясь от блестящих губ. – Приходи ко мне, когда стемнеет. Только умоляю, пусть об этом никто не знает!

– Скрамница, невинная скромница! – отчего-то восхитился он, но на свободу выпустил.

Первый шаг сделан. Главное не начать брезгливо тереть плечи.

Вечером к ней первой пришла Нанья.

– Ядовитая моя! У меня потрясающие новости, – она заорала сразу с порога. – Я уговорила господина Иракия помочь тебе вспомнить предыдущие жизни! Представляешь, как интересно?

Отрава закрыла за ней дверь:

– Говори тише, Нанья, люди уже спать укладываются. И нет, мне неинтересно. Разве ты не знала, что возвращенцы этого не любят?

Та забралась на узкую кровать с ногами.

– Да помню я, как вы с Крисом об этом говорили! Но неужели он прав – ты боишься помудреть до уровня тухляка?

Ну, естественно, им смешно. Потому что сами не возвращенцы, вот и смеются над такой причудой. Да и что Отрава будет делать со своими воспоминаниями? Знания из предыдущей жизни ей только раз

пригодились, никаких чувств и эмоций не осталось. Тогда зачем копить то, что не потребуется, зато может утяжелить ношу?

К их ленивой перепалке подоспел и Лю. Тоже уселся на кровать и устало откинулся на стену.

– А вот мне бы было интересно... – рассуждал задумчиво. – Хотя и риск есть. Вдруг ты когда-нибудь была городской сумасшедшей или убийцей младенцев, как шутила твоя мать? Я понимаю твой страх.

Слово «страх» для теперешней Отравы было наихудшим из оскорблений. Она только бровь изогнула:

– Завтра с утра отпрошусь на кухне и загляну в лабораторию!

Нанья хотела было воскликнуть от радости, но замерла, услышав стук. Надо же, какой галантный господин, стучится! Правда, тут же и распахнул дверь. Улыбка скисала, превращаясь в удивленно-разочарованное «О», пока он окидывал взглядом всю компанию.

– Господин Лад, – подбежала к нему Отрава и показательно округлила глаза. – Ты что-то хотел?

– Н-нет... Ты... это... завтра... мать просила передать...

– Понятно, сделаю!

И ушел. Это оказалось легче, чем Отрава предполагала. Наверное, не хотел при Нанье демонстрировать свой интерес к другой – надежда-то не умирает за миг!

Но как только она заперла дверь и повернулась к друзьям, то поняла, что и второй шаг выполнен в лучшем виде.

– Что он тут делал? – Лю вскочил на ноги. – Отрава, он... он пристает к тебе? Как давно? Он обижал тебя?!

Это было очень похоже на ревность, но она не почувствовала ожидаемой теплоты на сердце. Отраве Лю по-прежнему нравился, но такой, каким он был сейчас, Лю перестал вызывать в ней трепетное восхищение. Каким-то неожиданным образом и в силу обстоятельств, но было несложно позабыть, что на самом деле он – отважный герой, а не дрессированная псина.

Она только кивнула и пожала плечами – мол, а что тут поделаешь? Этого еще слишком мало, чтобы друзья сильно запереживали, только начало.

Нанья предложила рассказать все господину Иракию, если «жирдяй осмелится хоть пальцем к Отраве прикоснуться». Лю просто злился и кстати припомнил, что в его клятве ничего не звучало про то, что он уродов не имеет права убивать. Но его эмоциональность можно было списать на скорый восход ночной звезды. Провожая друзей и обещая, что запретят на

замок, Отрава была счастлива – она создала нужный настрой. Теперь они уже оба не решатся сказать, что здесь ей живется уютно!

Утром она все же зашла к господину Иракию, хоть до сих пор и не хотела этого делать. Но отказывалась признавать себя слабой. Кудесник усадил ее на большой стул и велел закрыть глаза, а потом долго-долго повторял незнакомые слова, перемежая их комментариями совсем другими тоном:

– Если вдруг начнешь вспоминать – кивни. Это очень сложное заклинание, но я умею вытаскивать до пяти жизней!

– Не надо пять, господин Иракий! – не удержалась Отрава.

– Закрой глаза и успокойся. Сегодня только одну – ту, которая предшествовала прошлой.

Через час внутренних мучений Отрава кивнула. Иракий прошептал еще что-то и мягко подтолкнул ее в спину. Она открыла глаза. Встала со стула. Повернулась к нему:

– Спасибо тебе, господин.

– Иди на кухню, Отрава, – строго сказал он. – Трудись усердно и не создавай проблем. Этим и отблагодаришь.

Нанья, которая все это время ходила кругами, попыталась остановить подругу, но та только покачала головой и отправилась, куда было велено.

До конца дня Отрава не могла прийти в себя. Даже палец немного порезала, начищая овощи. Печаль отругала ее за рассеянность и отправила мести полы. К вечеру женщины уже не на шутку встревожились, постоянно переспрашивая ее о самочувствии.

Великий Кудесник не собирался ее убивать, как они предположили в Золотом Крабе! Наоборот, он хотел ее защитить. Как защищал и тогда... лет двести назад, когда она была служанкой во дворце. Он уже тогда увидел ее судьбу – благодаря ей, в какой-то из последующих жизней династия Их Величеств падет, а заодно и придет конец всеобщей разрухе. Он действительно готовил переворот и даже прямо ей об этом говорил, безусловно доверяя судьбу всего государства. И повторял, что откровенность его оправдана – он уже в те времена был слишком стар и мог не дожить до сегодняшних дней, а так он оставлял ей хоть какую-то зацепку, спрятанную глубоко в памяти. Он готовил переворот, но не ради того, чтобы самому усестись на трон – нет, он радел за будущее, он видел впереди большие катастрофы и войны, которым может противостоять только сильный владыка, а не то «безобразие, которое мы коронуем каждое поколение». Эта формулировка почти дословно совпадала с тем, как говорил Кристофер! О, темный хряк! Великий Кудесник даже говорил, что

равенство рас – ложь, которая нужна, чтобы легче жилось простому люду. Но кровопийцы рождены для того, чтобы управлять – достаточно посмотреть на любое их хозяйство, ни одно из которых за десять тысяч лет не разорилось. Отрава же, в той жизни глуповатая и жадная девица, в надежде на награду рассказала о непонятном ей заговоре Их Величеству. Великий Кудесник обвинил ее в клевете. И ей отрубили голову на центральной площади Столицы.

Скорее всего, сомнения в душе императора ей породить все же удалось, вот только он не хотел развязывать затяжной конфликт с одним из самых важных лиц государства. Вполне возможно, что разыскивали ее другие кудесники, нанятые Их Величеством втайне от своего высокопоставленного советника. Неизвестно, какими знаниями о происходящем владеют они, но с Великим Кудесником Отрава встретиться обязана! И именно в этой жизни.

Рассказать об этом Лю она не могла: он присягал Их Величеству, а не Великому Кудеснику. Тот просто выбрал лучшего и обманул, лишь бы Лю выполнил поручение. И если узнает эти подробности, то вряд ли оставит ее в живых. Его дружба и привязанность к ней не фальшивы, но вряд ли могут тягаться с верностью короне. Когда-нибудь они обязательно встанут по разные стороны истины, но до тех пор Отрава приложит все силы, чтобы выбор для Лю был не столь очевиден. А еще ей нужен Кристофер – похоже, кровопийцы знали куда больше, чем говорили. Сам он о готовящемся перевороте мог и не догадываться, а эти определения просто впитал от родителей, и это означало, что в курсе событий могут быть они. Она не имела представления, какими путями им теперь добираться до замка Кирами, но одно знала наверняка – пора действовать.

Друзьям она призналась, что была убийцей младенцев, и обвинила их в том, что заставили ее об этом узнать. Они, пристыженные, эту тему больше не поднимали.

Отвлечшись на тягостные мысли, Отрава совсем позабыла про молодого господина. Вечером он к ней не явился – похоже, заранее подслушал под дверью, что она снова не одна. Зато на следующий день пришел на кухню и заявил при остальных:

– Ты испытываешь мое терпение, Отрава! Избавься от своих приятелей на ночку-другую, а не то вас всех троих выпорют кнутами! Мне не по статусу бегать за какой-то тощей рабыней!

В его раздражении кухарки отыскиали причину ее унылого вида и даже принялись раздавать советы и поддерживать. Удивлялись, что раньше до таких угроз охальник не доходил. Видимо, взрослеет на глазах.

И она снова не пошла к господину Иракию, хотя и могла остановить подонка одной жалобой. Но тогда того приструнят, и Отрава никогда не получит свободы.

Вечером в ее комнату занырнула Нанья, которая держала руках что-то объемное, обернутое в ткань. Она была чрезвычайно возбуждена и старалась шептать, хотя это и выходило у нее истерично:

– Смотри, ядовитая моя! Ты только посмотри! – она трепетно разворачивала огромный лоскут, обнажая книгу. – Я у господина на ночь стащила... позаимствовала.

– Нанья! – у Отравы дыхание сбилось. – Ты знаешь, как тут наказывают за воровство?!

По крайней мере волнение подруги теперь было объяснимо.

– Да знаю я, но никто не заметит – я же утречком на место положу! Я на нее целый месяц смотрела влюбленными глазами, у меня внутри бабочки лопаются от счастья, что я ее в руках держу! Научный интерес – он как страсть, только сильнее... Тебе не понять!

Отчего же не понять? Даже Отрава испытывала трепет, когда в Тихую Речку привозили новую книгу о тухляках или далеких странах, а у Наньи этот интерес должен быть стократно выше. И это было заметно – Нанья даже забыла о своей привычке бояться всего подряд, трясущимися пальцами переворачивала коричневые страницы и рыдала:

– Тут столько всего... и как свечи ставить, и как помогать возвращенцам жизни вспоминать... и даже продлевать нынешние! Я теперь уверена, что звезды не случайно привели меня в этот дом! Через год я научусь большему, чем, наверное, за все обучение в Школе Высокого Колдовства... От способностей, конечно, зависит, но ведь все говорят, что я способная... И господин Иракий говорит... и он ведь научит... а я сегодня только одним глазком...

Похоже, Нанья собралась в этом доме торчать до самой смерти. Чисто из научного интереса.

– Нанья, – позвала Отрава. – Жирный господинчик грозит выпороть нас всех кнутами, если я...

Но это было бесполезно. Та даже носа от какой-то безобразной картинки не оторвала. Как же не вовремя! Сейчас Нанья ничего не слышала, даже про кнуты и проблемы подруги. Отрава замолчала, безнадежно качая головой. И Лю, как назло, именно сегодня задержался на заставе. Все сразу пошло наперекосяк.

Но инстинкты у Наньи подали признаки жизни, когда в дверь постучали и оттуда послышалось раздраженное: «Отрава! Ты почему ж

дверь заперла?».

Голос молодого господина Лада заставил обоих замереть. Но Отрава даже глазом моргнуть не успела, как Нанья исчезла под ее узкой кроватью. Потом появилась рука, ухватила талмуд и утащила туда же.

Отрава заставила себя повернуться к двери. Если она сейчас просто тихонько отсидится, то уже назавтра разъяренный Лад устроит всем троим огромные неприятности. Она отперла и чуть не была сметена с места открывающейся дверью.

– Господин... господин... – Отрава отступала. – Я думала, что ты придешь позже! Не мог бы ты прийти позже? Я не успела привести себя в порядок...

Он ухватил ее за худенькие плечи и впечатался засаленными губами в щеку. Не то чтобы он целился именно в щеку, просто Отрава, опомнившись, начала извиваться. Как же все не вовремя! Она думала пожаловаться друзьям на домогательства мерзкого господина, но никак не собиралась остаться с мерзким господином наедине!

– А ну-ка, прекрати мне тут! – сообразил и он, что пассия не в восторге. – Выбирай, Отравушка: или парень луноокий, или тебе жизнь немилой покажется!

Он неловко толкнул ее к кровати, чего Отрава уже не выдержала и завопила в полный голос – пусть хоть народ сбежится, а там уж будь что будет. Но почувствовала на голени прикосновение поддержки от подруги. Нанья пыхтела, выползая из своего убежища. При виде лохматой рыжей шевелюры, Лад поначалу остолбенел, но потом осклабился, заметив в ее руках книгу.

– А ты что тут делаешь? И не отцовский ли это Трактат Большой Магии, а? Больно сомневаюсь, что он разрешал тебе к нему прикасаться! Это что же получается? – он соображал почти минуту, что там у него получается, и наконец-то додумался: – Так ведь это даже лучше! Обе будете сговорчивы, ежели не хотите...

Нанья аж затряслась вся, но не похоже, что от страха:

– Сговорчивы?! Да темный хряк красивше тебя, парень ты наш лунорылый!

Он резко ударил ее, но пощечина почти не задела лица, зато зацепила гордость. Нанья закипала на глазах. Выдавая все более и более резкие эпитеты, достойные быть занесенными в специально написанный для этого трактат, она сжала кулак и резко махнула им в сторону господина. Огненный шар, вспыхнул буквально перед его носом, а потом с шипением впечатался в физиономию. Лад завопил так громко, что Отравина мать в

Левоморье должна была расслышать.

Оказалось, рабская психология Наньи пала при первой же проверке. Отрава с ужасом смотрела, как молодой господин падает на колени и трясет руками перед обожженным лицом, но думала почему-то только о том, какой сегодня неудачный день. И что напрасно раньше подруге приписала менталитет овцы. Таких боевых овец еще поискать!

Дверь распахнулась – в проеме стоял взволнованный Лю, а за его спиной еще более перепуганная Зарница.

Несмотря на жуткое состояние, Лад собрался и заорал, пытаясь всю свою боль превратить в членораздельные слова:

– Зарница! Зарница! Зови отца! Он сможет мне помочь!

Благо один глаз у него не попал под прямой удар огнем, поэтому он и смог разглядеть свою бывшую любовницу, а ныне спасительницу. Зарница дернулась, потом побежала по коридору, отвечая:

– Сейчас, сейчас! Бегу, господин, бегу!

– Бе... – начал Лю, который до сих пор не мог вернуть дар речи.

– Бежим! – прочитала его мысли Нанья.

Она прижала книгу к груди и бросилась мимо Лю в коридор.

– Я же клянжу...

– Лю! – закричала Отрава. – Нанья за меня вступилась! Если мы останемся, то меня убьют – обязательно убьют!

И только после этого Лю кивнул, понимая, что если одна клятва противоречит другой, то и вопросов не стоит.

Отрава кинулась следом за Наньей, и даже не усомнилась, что Лю догонит их через мгновение. Господин Иракий, наверняка, сможет сына вылечить – Нанья говорила, что он и в знахарстве сильнее всех, кого они прежде встречали, но за такие выходки их точно безнаказанными не оставят.

И почти сразу натолкнулись на Зарницу. Та пританцовывала на одном месте и напевала себе под нос, совершенно не обращая внимания на зрителей:

– Я бегу, господин, бегу! Тебе, наверное, очень больно, да? Ну потерпи еще немного, я уже почти добежала...

В коридор выходили и недоумевающие девушки из соседних комнат. Лю схватил за руку Отраву, чтобы заставить ее бежать еще быстрее.

Они бросились в темноту по тропинке к полям.

– Нас на заставе остановят! – Нанья задыхалась, но огромную книгу из рук не выпускала.

– Нет! – ответил Лю. – Я знаю, где можно пройти!

Лю прямо в прыжке обратился в огромного волка, а девушки запрыгнули ему на спину. И только через час, а то и больше он снизил скорость. К этому моменту они уже были в лесу, но надо было идти дальше. До восхода ночной звезды оставалось совсем немного времени, поэтому перевертыши сейчас уже должны спать – только это и может сыграть беглецам на руку. Да и не так много перевертышей было на службе или в рабстве у господина Иракия – его непростительная ошибка! Кто ж виноват? Имеющихся по всем направлениям отправить просто не смогли бы, а ручьев в этой местности столько, что запах следа несложно перебить.

Нанья и Отрава, задрав юбки, брели через небольшую холодную речку, а Лю, который так и остался в перевернутом виде, все чаще и чаще вздрагивал и рычал. Скорее всего, следы они запутать сумели, но вот что делать с собственным перевертышем? Тот уже на другом берегу задумчиво уставился на ночную звезду, которая поднималась, горделиво освещая почти непроходимые леса.

Окончательно цель не самого вежливого в его жизни приглашения Кристоферу прояснили уже в Мирале. Седой перевертыш, которого все тут называли капитаном, сказал:

– На тебя потрачено уйма золота из королевской казны, кровопийца. А в мою задачу входит проследить, чтобы эти затраты окупились!

Кристофер обвел взглядом каменную каморку, в которой его разместили, приковав цепями к стене, а потом уже соизволил ответить:

– Говори уже, что тебе надо, перевертыш. Не видишь, я занят? Не отнимай мое время на пустяки.

Тот фыркнул, но смеяться не стал. Да и не к лицу такому серьезному капитану веселиться:

– Каменноземельцы нападают... они уже тысячи лет не оставляют нас в покое. Но в последнее время в их рядах стали появляться кровопийцы! И только тогда мы поняли, что напрасно когда-то уничтожили своих.

Это ж сколько времени ушло у этих тугодумов, чтобы до такого простецкого вывода дойти? В бою кровопийце равных нет, и если представить армию, состоящую из одних кровопийц... Хотя нет. Это представить невозможно – из кровопийц выходят плохие солдаты, потому что они не очень-то умеют подчиняться приказам. А те несколько, что затесалось в ряды врагов, скорее всего пошли туда добровольно, по личным интересам. Но в сути капитан был прав.

– И что, вы из меня солдафона решили выстругать? – выдвинул Кристофер самое смешное предположение.

Но капитан был серьезен:

– Именно.

Кристоферу тоже было не до веселья. Если глупые людишки думают, что смогут его каким-то образом заставить сражаться за них, то их ждет целый ряд сюрпризов. Ну, а пока достаточно дать надежду:

– И сколько у вас всего кровопийц? А то сложно будет мне в одиночку целое государство от целого государства спасать.

– В этой крепости только ты. Во всем Правоморье... я не знаю точно, несколько. Да, этого мало, но надо с чего-то начинать. Поэтому, Кристофер, – капитан назвал его по имени, чтобы подчеркнуть дружелюбный тон, – мы можем помочь друг другу или погибнуть, сражаясь друг с другом. Но уйти отсюда тебе все равно не позволят – стены крепости защищены мощными заклинаниями именно против твоей расы. Мы основательно подготовились.

– И как же вы собрались меня заставлять?

– Не заставлять, Кристофер, а убеждать. Наши историки говорят, что у кровопийц дурной характер. Поэтому они или добровольно, или никак.

Надо отдать им должное: они не настолько тупы, как производят впечатление. Кристофер тут же сообразил:

– Убеждение лучше начать с того, чтобы снять с меня цепи и заклинания. И клыки оставить на месте. Без них мой характер станет еще хуже, уж это я вам обещаю.

– А это зависит от тебя. Нам нужен солдат, а не калека. Но мы предпочтем иметь калеку, вместо угрозы, если ты поставишь нас перед таким выбором.

Кристофер принял к сведению, но перешел к дальнейшим требованиям. Кровопийцы не торгуются – кровопийцы говорят, что им нужно:

– Дальше. Моих друзей продали в рабство. Я не знаю куда, но дам вам их имена. Во-первых, когда вы пойдете навстречу мне – мне тоже, возможно, захочется пойти навстречу вам. Законы дипломатии. Во-вторых, среди них есть очень талантливая кудесница и сильнейший перевертыш – они вряд ли будут лишними в ваших... к-хм, наших рядах.

– Кудесница и перевертыш? Если это твои единственные условия, мы можем разыскать их. Мы часто берем к себе рабов, после чего они становятся солдатами, а не рабами. Но только если они достойны, поэтому я сначала проверю твои слова об их способностях.

– С ними еще одна совершенно бесполезная возвращенка. Но она – самая важная. Не привезете ее, я для начала тут все разнесу, а потом уже

спокойно помру с голоду, раз за стены выйти не смогу.

Капитан вскинул брови:

– Это уже угрозы! Ты не забыл, в каком положении находишься?

– Поговори еще раз со своими историками, перевертыш. И тогда начнешь понимать язык кровопийц.

– То есть вы все такие высокомерные скоты?

Ну, хоть что-то, похожее на уважение в тоне! Кристофер не собирался отвечать:

– И еще – береги меня, как самого ценного гостя, перевертыш. Мысли стратегически. Если мои дети родятся в Правоморье, то есть ли способ лучше, чем окупить эти твои затраты?

Капитан нахмурился, потом встал.

– Я подумаю, что смогу и захочу дать тебе. Но и ты подумай, чего стоит твоя жизнь. Мы или окажемся на одной стороне, или тебя не будет вообще. Но правила взаимодействия будут нашими.

Да, все так говорят. А потом послушно играют по правилам кровопийц. Еще посмотрим, кто кого выдрессирует.

Эпизод 17. Романтики с большой дороги

В конце осени даже в сравнительно теплом Правоморье холодно. Промокшая Отрава подпрыгивала на замерзших ногах, а Нанья с подозрением косилась на Лю. У того с собой даже не было одежды, но сейчас стояла другая проблема: он тоже косился на нее, а черные глаза заполнялись все более жгучей яростью.

Лю и в самом злобном настроении вряд ли убьет Отраву – ему достаточно постоянно напоминать о клятве перед императором, но вот Нанья в той же безопасности себя не чувствовала. Волк зарычал и шагнул к ним, поэтому Нанья рванула за спину подружки, а та завопила:

– Не смей, Лю! Не смей! Если ты бросишься на Нанью, то обязательно зацепишь и меня! Простит ли тебе это император?! Клятва, Лю, Клятва!

– Обожаю эти их клятвы! – причитала Нанья, но гораздо спокойнее.

Перевертыш опустил голову и зарычал громче, но зато замер на месте. Вздрыбившаяся шерсть на загривке лишала надежды, что он близок к спокойствию. Наверное, внутри него темные хрюки отплясывали шаманские танцы, а он всеми силами пытался их утихомирить.

– Я, пожалуй, на дерево пойду, – пропищала Нанья после последнего, самого внушительного рыка.

– Не глупи! – Отрава к ней не повернулась, твердо вознамерившись броситься наперерез перевертышу, если потребуется. – И не делай резких движений! Он ведь перевернется в того, кто умеет и по деревьям...

Но Нанья так и не научилась бороться с паникой. Она рванула в сторону и этим спровоцировала перевертыша на погоню. Отрава только и успела ухватиться за его хвост, чтобы хоть немного замедлить движение. Волк изогнулся и рядом с плечом Отравы клацнула огромная челюсть – зубы не задели, но заставили всю ее сжаться от ужаса. Они сами довели перевертыша до такого состояния, что он скоро совсем перестанет понимать слова!

– Стреляй шарами, Нанья! – орала Отрава в полный голос. – Стреляй!

Это, конечно, был не лучший вариант, но на Лю все заживет за несколько дней. А вот разодранный в клочья труп Наньи стал бы куда более заметной неприятностью. Сама Отрава со всей мочи вцепилась пальцами в мохнатое бедро – хоть какой-то дискомфорт псине доставить, пока Нанья с силами собирается.

Но Лю рычал еще громче и на Отравы усилия внимания не обращал

– только лапой назад сучил, пытаюсь ее скинуть. Поскольку он остановился, Отрава подтянулась еще выше и теперь видела Нанью. Та, парализованная страхом, стояла совсем недалеко, уже поняв, что убежать не сможет.

– Нанья, стреляй!

– Как же стрелять-то... – бормотала та, – это же наш Лю... как же я...

И теперь стало понятно, что она не сможет собраться, даже когда перевертыш снова рванет на нее. Отрава от удивления свалилась на землю, увидев как Нанья сама шагнула к нему. Лю снова зарычал и весь сжался, будто перед прыжком. Но Нанья опередила его и протянула руку к морде с оскаленными клыками. Он недоуменно замер.

– Ты прав, Лю, ты во всем прав. Я очень раздражаю тебя, – говорила все громче Нанья. – Но я постараюсь... больше не быть такой раздражающей...

Теперь он зарычал тише. А Нанья обхватила руками его шею, что-то продолжая говорить на ухо. И кажется, ей удалось дошептаться до человеческой стороны Лю – ведь тот даже на восходе ночной звезды оставался существом мыслящим, хоть и слишком эмоциональным. Злость в нем кипела до сих пор, но возможно, перемешивалась с пониманием, что Нанья, вместо того чтобы закидать его своими бронебойными шарами, висит на его шее и жалобно хнычет.

Он нервно задергал головой, скидывая неприятную сейчас ношу. А потом, все так же тихо порывая, развернулся и прошел мимо Отравы. Тут же улегся на землю и закрыл глаза.

Отрава даже мнение на этот счет высказывать не стала – и без того было ясно, что Нанья своим глупым порывом победила все доводы разума. Только подошла к подруге и помогла подняться на ноги.

Они развели костер и принялись сушить одежду. Через час, когда ночная звезда окончательно закрепится на темном небе, они прижмутся к теплему боку Лю. Между его мехом и костром у них будет шанс не замерзнуть.

И все же Отрава проснулась от тряски собственного тела, которое до последнего не теряло надежды согреться на земле в тонком тканевом сарафане, и оттого оборачивало само себя в такие же холодные руки. Причина внезапного похолодания была в том, что Лю и Нанья уже сидели у костра, тихо переговариваясь. Сквозь муть уходящей сонливости Отрава разглядывала перевертыша – тот выкрутился и без одежды: все его тело, теперь почти человеческое, было покрыто мехом. Он напоминал чудище из сказок: смесь человека со зверем. Но приветливая улыбка на лице была исконно его.

– Отрава, просыпайся! Я с утра уже зайца поймал – маленького совсем... но зато быстро прожарится.

Отрава переместилась к ним, а точнее – поближе к костру, вытянула к огню озябшие ноги. В лесу они оставаться не могут – тут и с теплой одеждой через пару недель стало бы неудобно, а уж с их арсеналом вообще никаких шансов. Один только голый Лю в безопасности. Но когда Отраве протянули кусок мяса, насаженный на обугленную палку, она сказала совсем другое:

– Нам нужно в Мираль. Не знаю, где это, но там какие-то рудники...

– Где держат Криса, – сразу поняла Нанья. – Ядовитая моя...

– Отрава, нам бы самим сейчас выжить... – задумчиво рассуждал Лю.

– Нам нужно в Мираль! Нам нужен Кристофер! – упрямо пресекала все назревающие противоречия Отрава. Но заметив, что лица слушателей до сих пор не озарены решимостью, разозлилась. – А знаете что, я точно иду в Мираль! С вами или без вас! Можете тут оставаться, чтоб благоденствовать... в этом уюте!

Друзья переглянулись и даже успели с каким-то тайным смыслом иронично улыбнуться друг другу. Отраве показалось, что они неверно ее поняли, поэтому пояснила еще более яростно:

– Вам стыдно должно быть! Ведь есть поговорка: левоморцы в рабстве своих не бросают!

Лю улыбнулся еще более непонятно и неожиданно согласился:

– Сомневаюсь, что в Левоморье в последние десять тысяч лет могла быть в ходу такая поговорка, но хорошо. В конце концов нам все равно надо куда-то идти из этого... уюта. Так почему бы и не за Кирами?

Отрава торжествующе вцепилась зубами в заячье мясо. По сути друзья были правы: перед ними стояла невыполнимая задача, которую можно решить только через множество других задач. В лесу их долго не найдут, но в лесу они и сами долго не протянут. Нужна хотя бы теплая одежда, однако если они заявятся в ближайший город, то там их наверняка уже будут ждать.

Нанья нашла первый выход в украденной книге. И только после этого Отрава поняла, что та не зря так близко прижимала фолиант к груди, предпочитая задерживаться на бегу, чем выпустить настолько ценную ношу.

– Тут есть кое-что! – кудесница водила пальцем по странице с большой картинкой. – Я могу попытаться изменить нашу внешность. Не слишком сильно, но даже если получится повлиять на цвет волос, и то поможет! Скорее всего нас будут искать по общим описаниям... Клеймо на

Отраве скрыть не выйдет, но вряд ли кто-то будет проводить ей полный досмотр. А если Лю сделать светловолосым, то его уже никто не узнает! Может идти куда угодно...

– Ну да, так голым и пойду куда угодно... – и почесал мохнатыми пальцами мохнатый бок.

Тут он справедливо заметил, но сама идея была потрясающей! Особенно когда никаких других идей не было, а все больше и больше хотелось попросить Лю снова стать большим волком с длинным мехом и позволить им обоим хотя бы недолго поприжиматься к его горячему животу.

Отрава рассуждала:

– Допустим, узнать нас будет невозможно, и мы попадем в город. А что дальше? У нас ведь ни денег, ни бумаж... По деревням без монет тоже далеко не уйдешь и одежды не купишь.

– Разбой? – предложила Нанья.

– Разбой?! – словно не расслышал Лю.

– Разбой! – обеспечила Отрава необходимый перевес голосов.

Вот так и меняются приоритеты. Когда они попали в лапы разбойников, то и представить не могли, что когда-нибудь добровольно выберут себе такую же роль. Но оказалось, все относительно. Если речь идет о выживании. Может быть, и те разбойники тоже только выживали? Ведь наверняка являлись бывшими крестьянами, и, вполне возможно, избрали судьбу получше, чем умереть всей деревней от голода в неурожайный год.

В общем, так и решили. Конечно, к излишней жестокости никто из них не склонен, но даже Лю был вынужден согласиться. Нанья поколдовала над каждым – и себя, и Отраву сделала жгучими брюнетками, а волосы Лю обесцветились только до рыжего. Черты лица заклинаниям почти не поддавались: нос картошкой, глаза поуже, брови покустистее – и это все, что Нанья сумела. Теперь они все втроем походили друг на друга, как близкие родственники с семейными носами и бровями, но знакомые смогли бы их узнать без особого труда. Особенно впечатляюще в своей шерстяной одежде выглядел курносый Лю.

Поохотали вдоволь друг над другом и двинулись в путь. Пришлось проделать почти полпути назад, чтобы вернуться к единственной известной дороге, а заплутать в чаще никому не хотелось. После полудня они вышли к широкой конке, но предпочли затаиться неподалеку. Поскольку та тянулась от поместья господина Иракия, они рисковали нарваться на своих преследователей. И не ошиблись.

Уже в сумерках по дороге промчался конный отряд, за которым беглецы наблюдали из густых зарослей. Лю узнал перевертышей с заставы, а потом разглядел и самого господина Иракия. Видимо, тот решил сам заняться поисками. Ведь уже к тому моменту понял, что вряд ли сможет поставить свечку – Нанья была достаточно сообразительной, чтобы этого не допустить. А для построения такого заклинания было необходимо, чтобы путники оставались в одном месте какое-то время, чего те и без свечек себе позволить не могли.

И хоть отряд давно скрылся вдали, Отрава шептала, словно боялась, что ее расслышат:

– Нам потом в другом направлении идти надо. Есть тут поблизости другие города, Лю?

– Да откуда ж мне знать? – тот ответил тоже шепотом. – Нам вообще лучше бы не в город, а в деревню глухую попасть, больше шансов...

– Что-то мне есть от страха захотелось, живот сводит... – чуть более громким и жалобным шепотом ныла Нанья. – Давайте уже ограбим кого-нибудь побыстрее.

– Да кого тут грабить? – усмехнулась снова замерзающая Отрава. – За несколько часов только двое крестьян прошли, с которых брать нечего, да один отряд – и тот за нами. Господина Иракия и будем грабить?

– А это идея!

Когда Лю это сказал, девушки уставились на него, удостовераясь, что тот не спятил. Но после коротких объяснений они уже взволнованно обсуждали детали.

Господин Иракий не в поместье! И до утра уже никак вернуться не успеет, если едет в город. И с ним же были все его перевертыши! То есть в доме из настоящей охраны остался только старый и до безобразия откормленный пес! И самое, самое главное – никому и в голову не придет искать беглецов там! Ведь только сумасшедшие способны на такую наглость.

Решение было принято быстро. Дождались, когда ночная звезда прекратит дурно влиять на характер Лю, припрятали книгу в лесу и бегом отправились к поместью. Проникли на хозяйские поля тем же путем, что и выбирались. И по темноте помчали через поле к дому.

Сразу нацелились на господские комнаты: там пропажу вещей нескоро обнаружат, если вообще заметят. Нанья с Отравой остались возле задней двери, а внутрь Лю отправился один – он единственный умел быть незаметно тихим.

Весь дом уже крепко спал, а возвращенцы и кудесники не отличались

таким тонким слухом, как у перевертышей. От холода хотелось прыгать на месте, а от страха быть пойманными – почему-то хихикать. Но девушки сдерживали нервное волнение, оставив его до лучших и более безопасных времен.

– Ты куда? – взвизгнула Отрава, увидев, что Нанья направилась от нее в темноту.

– В лабораторию! – обернулась та. – Мне очень, очень нужно попасть в лабораторию!

– Нанья, – Отрава не знала, то ли за подругой бросаться, то ли оставаться в карауле. – Не надо больше ничего у него брать!

– Брать?! Я что, по-твоему, воровка какая?

Отраве осталось только махнуть рукой ей вслед. Через некоторое время задняя дверь приоткрылась, заставив Отраву тут же вжалась в темную стену, но оттуда тихо вышел Лю, неся пододеяльник, как мешок набитый вещами. На вопрос в его глазах она ответила:

– Где-где, в лаборатории! Где ей еще быть?

И пришлось им плестись следом за неумной кудесницей. Лаборатория на ночь запиралась, но у Наньи имелся ключ еще с тех давних времен, когда она тут рабыней числилась. Она сидела внутри за большим деревянным столом, освещаемая только тусклой свечой, и что-то с упоением писала на листе.

Отрава подошла молча и прочла еще недописанное послание любимому господину: «Дорогой мой Иракий! Ты самый лучший рабовладелец из всех рабовладельцев, что я знаю. Но к моему большому огорчению, я вынуждена была тебя покинуть. Прошу простить меня за то, что заодно со мной тебя покинул и Большой Трактат Магии! Мне сильно жаль, но ты должен понять...»

– Нанья! – не удержала Отрава тихое возмущение. – Неужто ты и впрямь считаешь, что твой милейший господин перестанет нас преследовать тотчас после этого романтического письма?

Нанья насупилась обиженно, но продолжила старательно выводить буквы. Видимо, простосердечной ей было невдомек, что тут обычные человеческие отношения совсем не такие, как дома. И ее душевный порыв будет рассмотрен как издевка.

– Да пусть пишет! – удивил Лю. – Нам троим, если поймают, уже ничто не поможет, а так хотя бы никого из рабов в воровстве не заподозрят.

Отрава снова взглянула на мешок с вещами и вынуждена была признать его правоту – все-таки иногда и обычное человеческое сопереживание не лишнее. Она наклонилась к подруге:

– Тогда добавь, что его сынок – сущий подлец! Пусть знает!

И Нанья, обрадованная поддержкой, дописала: «И знай, милейший Иракий, что твой дом я бы считала и своим, если бы не тот козлина, которого ты зовешь сыном. Очень надеюсь, что морду ему ты не смог вылечить полностью! Хотя в твоих талантах кудесника...»

– Опять понесло... – обреченно вздохнула Отрава и тронула Нанью за плечо торопя.

Назад они пробирались снова в полном молчании и уже за последней заставой остановились, чтобы отдышаться и прислушаться. Дом по-прежнему спокойно спал. В Левоморье даже кровопийцы живут в большем страхе, чем тутошнее почти обычное семейство. Расхолодились они от вольготной жизни, а те редкие разбойники, что изредка еще шныряли по лесам, особого беспокойства доставить не могли. Вот пусть и винят во всем свою расслабленность!

Девушкам теплые вещи оказались велики – госпожа отличалась массивными формами. Но так даже лучше: после бесконечного озноба поглубже завернуться в мех было особенно приятно. Только Лю одежда пришлась впору, и он, по всей видимости, просто соскучился по штанам, потому что счастливо улыбался, их натягивая.

– Сегодня на ночь останавливаться нельзя – мы должны уйти как можно дальше, – рассуждала Отрава. – Доберемся до какой-нибудь деревни, а там узнаем, в какой стороне находится этот хряков Мираль!

Им на самом деле нужно было попасть в маленькую деревеньку – и чем глуше, тем лучше. Вряд ли они успели узнать все особенности правоморских традиций, и сейчас являться в большой город было рискованно. Если здесь все устроено так же, как на родине, то городская стража должна быть более дотошной. Да и господин Иракий наверняка разослал ориентировки на беглых рабов по всем крупным поселениям. А в глухих деревнях – так в любой точке мира должно водиться – люди обычно попроще, а новости помедленнее. Если вообще доходят.

– Ишь, как ты сразу духом воспряла! – смеялась Нанья. – Только стоило приодеться – и нате вам, госпожа уже за своим кровопийцей собралась!

– Не только приодеться, – вмешался и Лю. – Я нашел немного монет. Не знаю, какие тут цены, но вряд ли мы теперь можем считаться нищими!

– Монеты монетами, а бумаг-то нет! – ответила Нанья. – Куда ж мы без бумаг сунемся?

Лю неожиданно резко хохотнул:

– Бумаги, которые тут называются документами, тоже имеются!

Не веря своим ушам, девушки остановились, а Нанья зажгла над ладонью желтый шар, чтобы осветить темноту. Лю вытащил из-за пазухи твердый лист – почти такой же, как бумага в Левоморье. Он умудрился утащить документ молодого господина Лада! Под именем и фамилией рода значилась раса возвращенцев. И хоть сейчас, с переколдованной внешностью, они все были почти на одно лицо, но перевертыши по запаху могли распознать расу! Судя по всему, счастливым владельцем документа предстояло стать Отраве.

– Но имя-то не женское! – засомневалась Нанья. – Подозрительно!

– Исправим на «Лада»! – легко нашлась Отрава.

– Исправим? В документе?! – что-то в Лю так и не успело измениться.

– Исправим! – Отрава свернула бумагу и положила в глубокий внутренний карман. – Вот только дойдем до первой деревни и одолжим самописку! Я, по-вашему, такую же «а» дорисовать не смогу? А вы, бездокументные, будете считаться моими рабами.

Она уверенно направилась дальше. Нанья вслед хмыкнула, а Лю изумился:

– Ну надо же! А когда-то этот самый человек говорил, что возвращенцам имена менять нельзя, а иначе Великое Колесо...

– Шагайте быстрее, рабы! Только болтать и умеете! – отозвалась Отрава, не оборачиваясь. – Скажите спасибо, что я дело в свои руки взяла, а то так бы и сидели под крылышком у своего господина.

– Нанья, она тебе этим гонором никого не напоминает?

– Еще как! Когда эта парочка воссоединится, нам вообще жизни не дадут...

Если глубоко-глубоко вздохнуть, то можно явственно почувствовать, какова на вкус свобода. И этот букет можно поймать, если ты не только вышел из клетки, но еще и нагрел бывших господ на одну обожженную морду и кучу теплых вещей. Зимняя шуба была даже слишком теплой для конца осени, но именно этот пар внутри и накалял аромат полной свободы.

Месяц проходил за месяцем, приближалась зима. Кристофера давно освободили от цепей, и теперь он спокойно разгуливал по обширной территории крепости, но не стремился к тесному общению с солдатами. Так и говорил, что ему для начала нужно привыкнуть. И поскольку никаких проблем он не создавал, капитан дал ему время на адаптацию.

Друзей его искали, но в акты купли-продажи имена рабов не вносились, а пиратское судно ушло в плаванье. Поскольку Кристофер постоянно настаивал на выполнении этого условия, бесконечно напоминая,

что его так будет легче контролировать, капитан решил сделать все возможное. Он рассылал почтовых голубей по всем поместьям и передал распоряжение во внутреннюю армию. И наконец, поиски увенчались успехом – пришел ответ. Оказалось, что троица к этому времени успела сбежать, предварительно обчистив своих хозяев. Тогда капитан сильно усомнился, что ему такие люди нужны.

Эта новость одновременно и развеселила, и разозлила Кристофера. Это же надо быть такими идиотами! Неужели не могли спокойно посидеть и подождать, пока он сам их найдет? Что за глупость – браться за организацию, когда уже имеется прирожденный организатор! Да и где они собрались его искать? Или эти простофили тоже под свои нужды успели подмять все поисковые системы страны, как это сделал он? Мысль, что они и не собираются его искать, была тут же отмечена. Перевертыш – да. Кудесница – возможно. Но Отрава – нет. Отрава мыслит прямо и предсказуемо, поэтому она-то точно сейчас перебирает все возможные варианты.

По менталитету правоморцы почти ничем и не отличались от левоморцев. Незначительная разница в речи и традициях легко перенималась. Да и совсем недавно – двадцать или тридцать тысяч лет назад – они были одним народом, даже язык сохранили тот же. Правоморье заселили первые переселенцы с севера, благо море, разделявшее континенты, было узким. Они же и обосновали новое государство, даже рабство сохранилось с тех самых времен, хотя на исторической родине уже было отменено. Тут климат был намного мягче, а земля плодороднее, поэтому Правоморье быстро догнало, а потом и перегнало Левоморье в экономическом развитии. Единственной неприятностью была южная морская граница, за которой находилось Каменноземелье. Судя по рассказам, там люди были совсем другими: более дикими, жестокими, обозленными недостатком то ли природных ресурсов, то ли банального воспитания. И на протяжении всей истории Правоморья наладить мирные торговые отношения так и не удалось.

Каменноземельцы нападали небольшими корабельными группами – грабили, убивали, похищали людей и отправлялись восвояси. Поскольку налеты эти не были организованными, то враги вряд ли претендовали на захват территории. Но оттого не легче. Потому-то здесь и было много вояк, которые заодно и на внутренней территории порядок навели. Ведь легче его поддерживать, чем решать внезапно возникшие конфликты, когда все внимание должно быть сосредоточено на границе. Левоморье же вообще не ведало, что такое внешняя угроза, а это заметно расслабляет. Вряд ли Их

Величества усидели бы на троне, если бы перед ними встала необходимость решать настолько важные вопросы.

Через стены крепости на самом деле пробраться было невозможно. Кристофер пытался пару раз, но даже не смог коснуться холодных камней. Заговорены были не стены, а периметр, поэтому не получилось бы выйти даже в распахнутые ворота.

И замки эти снимут только после того, как будут безусловно доверять кровопийце. Интересно, как они поймут, что уже пора? Придется сделать шаг в этом направлении.

– Как тебя там? Сержант? Заканчивай уже свой бессмысленный монолог, я сегодня решил оказать вам честь.

Сержант, перебитый на полуслове, покраснел от злости, но потом все же отступил с центрального места на плацу, где читал солдатам лекции. Боевые тренировки тоже проходили тут, но некоторые сугубо гипотетические вопросы можно было объяснить только на словах. Вот как раз такой вопрос и решил поднять Кристофер:

– Итак, – он обвел холодным взглядом слушателей. Многие из новобранцев смотрели на него как на божество, невиданное и таинственное. Правильная реакция. Некоторые уже успели привыкнуть к его соседству, но все равно слушали с интересом. Тоже ничего. Ему понравилось быть в центре внимания, поэтому он решил отыграть роль учителя по полной. – Среди каменноземельцев иногда встречаются и кровопийцы. И в этом случае вам надо знать, как нас убивать.

В рядах послышались удивленные и даже восторженные крики – это на самом деле была полезная информация. Но оптимизм необходимо было пресечь на корню:

– Двух-трех кровопийц вы убить сможете, если постараетесь. А если их будет больше, то лучше бегите – ваша оборона все равно накроется темным хряком.

– Чем накроется? – переспросил теперь заинтересовавшийся сержант.

Кристофер и не посмотрел в его сторону. На глупые вопросы людей с ограниченным словарным запасом он отвечать был не намерен.

Во время его подробных инструкций капитан и старые вояки выбежали из своих казарм, чтобы тоже послушать.

– Предположим, перед вами один кровопийца. Сразу выстраиваетесь в два ряда. Первый ряд, назовем его условно «мясом», защищает второй ряд, состоящий из лучников и арбалетчиков. Кровопийцу одной стрелой не уложишь, но десятком уже заметно раните. Потом уже можно будет подойти ближе и добить. Есть и другой способ – с помощью сильных

перевертышей...

Кристофер честно рассказывал о любой мелочи, показывал слабые места на теле и какие конечности отрубить надо в первую очередь. Даже ему показалось, что после такой лекции, любой ребенок сможет кровопийцу завалить.

– А как ты потерял палец, Кристофер? – восторженно спросил какой-то юнец, которого сам лектор в «мясной ряд» бы и определил.

Поскольку он не ответил, более серьезные солдаты задавали вопросы поважнее. Но на них отвечать было бессмысленно – проще показать. Что Кристофер и предложил. Добровольцы для тренировки тут же рванули к нему, чтобы попытаться воспроизвести услышанное на практике.

Первая пятерка заняла боевую стойку впереди, позади тех лучники, как по команде, рухнули на одно колено, и еще несколько подходили со сторон, окружая. Нет, все-таки не любой ребенок сможет кровопийцу завалить... Чтобы они воочию убедились, насколько это сложно, Кристофер двинулся на полной скорости – сначала обманным маневром кинулся вправо, подкосив ударом под колено только одного, но отвлекая этим внимание, а потом тут же – по скошенной траектории влево, проходя между рядом «мяса» и окружавшим с той стороны. В итоге до крайнего лучника он добрался секунды за две, заставив этим всех недоуменно переглядываться и соображать, что же конкретно произошло. Пока они нелепо лупали глазами, Кристофер не стал себе отказывать в удовольствии: рванул лучника вверх, заставляя встать, и впился клыками в шею.

Сначала заорала жертва, а потом и все остальные. Но Кристофер был сыт – кормили его исправно, выдавая каждое утро по полкружки крови, кем-то добровольно или по принуждению сданной. Поэтому, услышав в окружающей атмосфере панику, он тут же выпустил бедолагу из рук.

– Что-то я увлекся. Кудесник исцелит его. Зато и весь урок получился более впечатляющим, правда?

На этот раз восторгов уже слышно не было. Зато и Кристофер от лекции получил удовольствие – нельзя же только давать и не брать взамен!

Капитан зашел в его комнату сразу после того, как убедился, что его лучник жив и здоров. Самолюбие того будет заживать гораздо дольше, чем рана на шее – не каждому выпадает радость обмочиться на глазах у стольких соратников.

– Я очень зол на тебя, Кристофер. Ты ведь мог этого не делать!

– Мне все равно, Кадж, что ты обо мне думаешь. Но если хочешь, чтобы твои люди не испугались, когда увидят первого кровопийцу-врага, то позволь им привыкнуть к страху до того, как они его встретят.

Капитан улыбнулся и сел к столу. Теперь комната Кристофера была обставлена не хуже, чем у других солдат. По крайней мере необходимой мебелью его снабдили, а цепи, которые так портили настроение, со стены убрали.

– Я знаю об этом. Поэтому очень зол на тебя, Кристофер, но и благодарен. Кажется, я постепенно начинаю понимать ход твоих мыслей. И мне будет жаль, если ты окажешься не на нашей стороне. Именно жаль, по-человечески, а не потому что затраты не окупятся.

– Если ты начал меня понимать, то скоро до тебя дойдет, что со мной можно договориться.

Капитан, посмеиваясь, встал и направился к выходу.

– Давно дошло, что ты не сделаешь ни одного движения, если оно тебе невыгодно. Возможно, ты вообще не умеешь исполнять приказы, Кристофер. А с солдатами не договариваются – в бою на это нет времени.

– Ты можешь звать меня Крис, – сказал кровопийца ему в спину. – Друзья зовут меня Крисом.

Тот, не оборачиваясь, кивнул. Кристофер выдал ему огромный аванс. Перевертыши легко поддаются манипуляциям в силу прямого характера, и этот клюнул. А Кристоферу только и нужно, что увеличить доверие к своей персоне, которая даже в нем самом доверия не вызывала. Ему наплевать на этих правоморцев и уж тем более – на каменноземельцев. Все его цели сводятся лишь к тому, чтобы сбежать отсюда, отыскать друзей и вернуться домой.

Эпизод 18. Клирик Камыш

Уже через несколько дней друзья поняли, что первоначальный план провалился. Они обошли один из городов, желая наткнуться на небольшое поселенье, да не тут-то было. То ли в этих краях, то ли во всем Правоморье совсем маленьких деревень не было вовсе. Крестьянские дома строились неподалеку от поместий, и люди работали на землях помещика. Они не имели права владеть собственными наделами и использовали барские ресурсы, отдавая за это часть продуктов.

Об этом путники узнали, когда остановились в одном из таких домов. Больше, чем горячая ванна и теплая постель, им нужна была информация. Потому-то в один из вечеров они и постучали в дом, стоявший на отшибе.

– Да будет ласкова ночная звезда к твоим детям, хозяйка! – сказала Отрава, когда дверь приоткрылась.

– Что? – не поняла старая возвращенка. – Но у меня нет детей. Издеваться надумала? Что тебе надо?

До этого они обсуждали приветственные речи и предположили, что надо говорить что-то про Небесный Свет, но точной формулировки не знали. Потому и решили, что можно использовать старую, ведь любого человека в мире такое приветствие будет приятным. Но оказалось, что даже его при желании можно принять за оскорбление.

Отрава решила побыстрее сменить тему:

– Меня зовут Лада из Изумрудных, хозяйка. Неделю назад на мой караван напали разбойники – всех сопровождающих убили, вот только мне и двум моим рабам удалось спастись. Могу ли я рассчитывать на гостеприимство...

Дверь полностью распахнулась, а лицо возвращенки вытянулось от потрясения.

– Брат! – закричала она в сторону. – Братишка, пойди-ка сюды! Слышал, что говорят? Разбойники убивают людей!

Рядом с ней тут же показался мужчина примерно того же возраста, который тоже выглядел ошарашенным:

– Да что же это творится? – подхватил он. – Это где произошло? Утром же сообщим господам, пусть свяжутся с внутренней армией! За что они платят налоги, если мы не можем спокойно по дорогам ходить? Пусть займутся этим вопросом! Скольких убили, госпожа?! Пусть Подземная Тьма отомстит за каждого!

Лю, конечно, говорил, что разбойниками тут называли только мелких воришек, но даже он не мог предположить, что настоящие грабители и убийцы давно вышли из моды. Похоже, внутренняя армия не зря собирала налоги с господ.

– Нас было всего четверо, – сообразила Отрава, чтобы еще сильнее не нагнетать обстановку. – И пусть Подземная Тьма отомстит за убитого этим мерзавцам!

Хозяева очень сочувствовали незванным гостям, но в дом почему-то не приглашали. Тогда Отрава перебила очередные излияния женщины:

– Можем ли мы надеяться на ночлег и ужин в вашем доме? Нам нужен отдых после недели скитаний по лесам! – и тут же добавила тише, не уверенная, что не нанесет этим оскорбление: – Я заплачу.

Мужчина с женщиной переглянулись еще более недоуменно, а потом ответила хозяйка:

– Тут? У нас? Да куда ж мы вас... Вам в поместье нужно! Это совсем рядом, я провожу! – кажется, она подобную просьбу впервые слыхала, потому и стушевалась.

Судя по всему, гостеприимство тут было не то что не принято, такая традиция полностью отсутствовала. Любые путники останавливались в доме господ. Только теперь Отраве и стало понятно, почему в дом Иракия пару раз заходили странники, о которых она только из кухонных разговоров узнавала. То есть если в путешествии требовалась передышка, то благородные господа шли напрямик в ближайшее поместье, где для этих целей специально выделялись комнаты. А уж простолюдины и вовсе могли путешествовать без передышек.

Понимая, что иного пути нет, Отрава серьезно кивнула:

– Это было бы очень мило с твоей стороны. А самописки у тебя не найдется? Я заплачу! – поскольку теперь у них еще и челюсти отвисли, когда они услышали, что госпожа после таких трагических испытаний первым делом попросила именно эту вещь, Отрава пояснила: – Я мемуары пишу. Надо срочно вписать, с какими замечательными людьми познакомилась, пока не забыла!

Перо, изнутри заправленное чернилами, ей вынесли и даже мнение свое оставили при себе. Похоже, списали ее умственное состояние на голод и холод. Медную монетку приняли с радостью, позволили сумасбродной госпоже отойти подальше и написать на коленях эти свои мемуары. Буква «а» в документ вписалась замечательно, вот только по цвету немного отличалась. Со временем и она выцветет, а пока и так сойдет.

– Госпожа Лада, – осторожно спросил Лю. – А нам точно нужно в

поместье?

Она уверенно кивнула, понимая его опасения. С одной стороны, они сильно рисковали. Но без карт или хоть каких-то ориентировок двигаться дальше не могли. Рискованный путь – всегда самый короткий, чем бы он ни обернулся.

Пожилая возвращенка была простодушной и болтливой, поэтому по дороге без стеснения рассказывала об их быте:

– Вот тот участок – наш с братом. От родителей в наследство остался. Его дети в город жить уехали, не хотели на земле оставаться, потому-то мы с ним другой надел у помещика просить не стали. И без того хватает. Правда, тяжело приходится, если неурожай. Но господа у нас добрые – в такие годы и оброк меньше просят. К таким и в рабы не грех отдаться – теплое местечко! Ну, разве что мы с братом уехать можем, когда пожелаем, хотя куда мы на старости лет поедem? Тут все родное! Да и есть ли труд честнее, чем хлеб выращивать?

Отрава слушала, но сейчас ей нужна была совсем иная информация, а не подробное описание системы сельского хозяйства в Правоморье. Но на вопросы о Мирале крестьянка только плечами пожала, она всю жизнь на одном месте прожила и другими не интересовалась.

Дом был почти таким же большим и красивым, как у господина Иракия. Перед дверью Отрава пригладила волосы и запахнула шубу сильнее, чтобы ее размер не слишком бросался в глаза. Им открыли слуги и после коротких объяснений тут же сопроводили в столовую.

– Сегодня у нас дом полон гостей! – радушно встретил их хозяин, а госпожа сначала приветливо помахала рукой, а затем нахмурилась, рассматривая Отравину шубу явно с чужого плеча. – Заходи, госпожа Лада. Дом Океана рад приветствовать тебя!

Он тут же махнул слуге, чтобы взял верхнюю одежду, да проводил рабов гости в другую комнату и там накормил. Отраве стало немного не по себе оттого, что теперь она осталась без молчаливой поддержки друзей.

В столовой, кроме супружеской четы, присутствовал еще один мужчина и восседал во главе стола, на почетном месте. Довольно молодой и приятный на вид, но черты его лица сильно портило суровое выражение. Длинная коричневая ряса, перевязанная толстой веревкой на поясе, подсказывала вид его деятельности. До сих пор Отрава о монахах слыхала многое – и мало приятного, но воочию видела впервые.

– Познакомься, Лада, это клирик Камыш из Зеленокамского монастыря.

Отрава уселась на предложенное место и уже через короткое время

поняла, почему хозяева ее появлению так искренне обрадовались. Похоже, занудный клирик успел испортить им аппетит, а теперь хотя бы изредка можно было переключаться на гостью.

– Я все-таки закончу предыдущий разговор, потому что оставлять недоделанное – грех! – говорил монах. – Ваш слуга – тот, что открывает дверь, не выглядит счастливым. Бьете ли вы его?

– Никак нет! – почти хором отозвались хозяева, а госпожа еще и добавила: – Корень – раб с самого рождения, практически член семьи!

Клирик Камыш неожиданно резко ухватился за свой посох, который до сих пор стоял возле стула, и треснул им женщину по плечу. Та ойкнула – то ли от боли, то ли от неожиданности. И возроптала:

– Так ведь не бьем же! Никого из рабов не бьем! А уж Корень вообще живет припеваючи! Его моя матушка и грамоте обучила – хотите, провожу вас в его комнату, сами посмотрите, как он живет?

– Не надо, – неожиданно благодушно протянул монах. – Я тебе верю.

– Чего ж тогда бьете? – буркнула та.

И за это получила еще один удар. На этот раз сообразила промолчать.

– Чтобы ты, возвращенка, не забывала о своем месте. Мы все в этом мире только гости, сейчас ты купаешься в роскоши, а в следующий раз родишься рабыней. И во всех жизнях должна быть добра и ответственна! Потому что когда твои жизни закончатся, там уже будет поздно сожалеть.

Муж пострадавшей подпевал монотонной речи монаха:

– Небесный Свет не делает различий по рангам! Только по поступкам, как правильно заметил уважаемый клирик.

Тот довольно кивнул. Надо сказать, что к трапезе он относился довольно сдержанно. Из аппетитных яств, выставленных на столе, выбирал что попроще: обжаренную шляпку да листья салата. К вину и мясу не притрагивался. Похоже, что их аскетизм не выдумка, да и по телосложению об этом было несложно догадаться: сухое, худощавое тело, впалые щеки, и руки, способные в мгновение подхватить посох и ударить им любого, кто глазу не мил покажется.

Господин же пытался перевести разговор на Отраву:

– Мы прямо с утра отошлем в ближайший город голубя, – так правоморцы называли почтовиков. – Только тебе, милая Лада, придется сообщить все подробности – где и когда произошло нападение! Внутренняя армия быстро с этими преступниками разберется!

К этой теме Отрава успела немного подготовиться:

– Добрый господин Океан! Я о многом успела подумать за дни скитаний. Мой батюшка стар и очень болен. А если я сообщу о нападении,

до него эти вести быстро дойдут. Выдержит ли любящее сердце такое испытание?

Клирик нахмурил брови и процедил:

– То есть врать собралась? Ложь во спасение – тоже ложь, возвращенка!

– Как точно замечено, уважаемый клирик! – забеспокоилась Отрава. Получить по руке посохом она не боялась, но ей было важно убедить остальных не привлекать к своему вопросу внутреннюю армию. – Когда я доберусь до своего жениха, как планировала в своем путешествии, то потом мы обязательно сообщим батюшке о произошедшем. Когда это уже будет звучать делами давно минувшими...

– А как же наказание для разбойников? – не понял монах. – По-твоему, старое сердце твоего батюшки важнее, чем безопасность других путников?! Сколько высокомерия!

В груди у Отравы что-то мелко затряслось, но ее паника не парализовывала, как Нанью, наоборот, включала на полную мощь все инстинкты:

– Учусь смирению, уважаемый клирик, только смирению! Возблагодарив Небесный Свет за спасение – не меня, а двух моих преданных рабов – я стала настолько счастливой, что даже зла на тех убийц держать не могу. Пусть покарает их Подземная Тьма.

Кажется, интуиция ее не подвела, потому что клирик теперь хмурился не так сильно:

– Глупо и по-детски, но... нельзя осуждать человека за доброе сердце. Потому как Небесный Свет тебе подсказывает, так и поступай.

Отрава сдержалась от того, чтобы облегченно выдохнуть. К ее счастью, само нападение ни в ком сомнений не вызвало. Она надеялась, что может вести себя, как благородная госпожа, будто отыгрывая эту роль в представлении на рыночной площади. Тут очень помогал образ кровопийцы – прямая, как шпала, спина и ни одного лишнего движения. Даже голову желательно поворачивать как можно медленнее. Поначалу казалось, что она будет выглядеть нелепо, но, судя по вопросам и обсуждениям, все делала верно – никому и в голову не пришло спросить ее бумаг или усомниться в происхождении.

– К нашему огорчению, – говорила госпожа, – мы о твоём роде ни разу не слышали. Но видим, что твой батюшка воспитал замечательную и любящую дочь! Твой жених должен быть счастлив получить такую прекрасную спутницу...

– А ты за ее жениха не решай! – снова перебил клирик. – Лада в этой

жизни рожей не вышла, что уж лукавить. Но если так добра и смиренна, как говорит, то ему стоит благодарить Небесный Свет за подарок. А будет ли он при этом счастлив – это уж как отведено!

– Вы правы, правы уважаемый клирик, – хозяйка спонтанно потерла плечо. – Счастье же не главное!

Наколдованная Наньей «рожа» и впрямь оставляла желать лучшего. Поэтому Отрава и не спешила переживать за счастье мнимого жениха. Было видно, что хозяйка сгорает от любопытства и хочет расспросить ее обо всем, но заметно сдерживается. Неудивительно, если в каждой ее фразе клирик отыскивает, к чему бы придраться. Отраве очень повезло оказаться именно в такой компании! Это застраховало ее от дотошного допроса, достаточно было отделяться бессмысленной высокопарностью про благодетельность и Небесный Свет. Она решила воспользоваться и этой ситуацией для своей пользы:

– Нам удалось прихватить несколько вещей и немного монет, когда мы убегали. Не будут ли хозяева настолько добры, чтобы продать нам пару лошадей для дальнейшего путешествия?

Она осознанно выделила слово «продать» и получила предсказуемый спешный ответ господина:

– Зачем же продавать? Разве добрые люди не должны помогать друг другу в беде? – он напряженно взглянул на клирика, и поскольку тот перебивать не стал, закончил еще более радостно: – Дадим тебе, милое дитя, и двух лошадей, и одежду! А то твой дорожный... сарафан совсем поизносился.

И это тоже оказалось кстати. Уже порядком грязная и порванная одежда выглядела именно грязной и порванной, а не дешевым платьем рабыни. Госпожа тут же закивала, а Отрава удержалась от улыбки. Она и гардероб всем троим обновит, и коней получит! При этом не потратит ни одной монеты, которые лучше сберечь до более сложных времен. А в господских одеждах гораздо легче производить нужное впечатление! Как же оказалось просто получить необходимое – надо лишь поймать нитки и тянуть за них по очереди. Звезды, приведя в этот дом клирика именно сегодня, явно были на ее стороне.

В легких победах есть только один, но очень серьезный недостаток – они расслабляют. Не миновала чаша сия и Отраву, которая ощущала прилив везения и потому становилась невнимательной.

– Так и где живет твой жених, Лада? – спросил клирик.

– В Мирале, – уверенно отозвалась та, понимая, что направление пути ей все равно каким-то образом необходимо вывести.

– В Мирале?!

Реакция всех троих свидетельствовала, что на этот раз она промахнулась. Возможно, что Мираль вообще не является городом или названием какой-то местности. Она начала волноваться:

– Неподалеку от Миралья. Замок моего любимого неподалеку...

– Замок?! Какой еще замок? – способности монаха хмуриться были воистину неисчерпаемы.

– Т... то есть поместье!

На этот раз он кивнул, будто пропуская мимо ушей глупую оговорку:

– Я родом с южного побережья и сам сейчас туда направляюсь. Так из какого рода...

И вот теперь она поняла, что загнана в тупик. Ведь она даже не представляла, о какой по размерам территории идет речь! А вдруг там всего несколько благородных семейств, каждое из которых известно клирику? А если тебя загоняют в угол, выход только один – вырывайся любым, даже самым нелепым, способом:

– Правда?! – Отрава воскликнула это радостно и прижала руки к сердцу. – Значит, мы можем отправиться в путешествие вместе и наполнить наш путь благостными диалогами о Небесном Свете? Какое невероятное везение! Какая удача, что я встретила тебя сегодня!

И после этой фразы все вылупились на нее, как на сумасшедшую. Отрава заторможено переводила взгляд с одного лица на другое, но никак не могла сообразить, в чем же конкретно ошиблась. Монахи не путешествуют в компании, и об этом все знают? Или он только сам имел право такое предложить? Но выяснилось, что все намного сложнее:

– Милая Лада, – сдавленно сказал господин. – Ты хотела сказать «встретить вас»?

И точно! Запоздало Отрава вспомнила, что хозяева обращались к клирику так, будто его много. В Левоморье с любым говорили на «ты». Только Их Величество было принято упоминать во множественном числе – да и то, скорее всего, только потому, что под Их Величеством двое императоров и подразумевались. А тут порядки иные, но откуда же Отраве было знать об этом?

– Конечно, так и хотела сказать! Испытания повредили мой разум!

Она смущенно улыбнулась. Если бы монах сидел ближе, то непременно отлупил бы ее посохом. Но поскольку через весь стол дотянуться вряд ли бы смог, то предпочел проявить понимание к ее беде:

– Возможно, что и так. С рассветом выходим. И иди уже, отдыхай, приводи разум в порядок.

Отрава от радости вскочила на ноги:

– Доброй ночи! И подскажите, куда поселили моих рабов? Хочу заглянуть к ним.

– Зачем? – удивилась хозяйка, но тут же вжала голову в плечи, косясь на монаха. – Неужели ты думаешь, что мы плохо устроили твоих людей, милое дитя?

– Нет-нет! Но... – Отрава на ходу придумывала причину, потому что рассказать обо всем Лю и Нанье было очень важно, – батюшка учил перед сном заглядывать в комнату к каждому рабу!

– Чтобы вместе воздать хвалу Небесному Свету? – недоверчиво уточнил клирик.

– Конечно! – Отрава развела руками, будто это было само собой разумеющимся. Якобы разве не все так делают?

– Вот! – монах указывал на нее пальцем, но глядел на пристыженных господ. – Вот как поступать следует, если вы благочестивые хозяева! А то на словах – член семьи, а на деле... «зачем тебе заглядывать перед сном к членам своей семьи?»

Спешно покидая столовую, Отрава слышала очередное ойканье госпожи, которая заработала новый тычок посохом.

Мираль оказался не так далеко, как опасались друзья, то есть месяцев тяжелых испытаний дорогой не предвиделось. Но и не настолько близко, чтобы они не могли проклясть общество клирика.

Поначалу все втроем согласились, что вполне могут изображать смирение и потерпеть его нотации ради решения основного вопроса. Но уже скоро стало понятно, что это совсем непросто. Клирик Камыш обладал воистину отвратительным нравом – таких Отраве видеть доселе не приходилось. У него никогда не заканчивались силы и желание в очередной раз прогундосить:

– И только вера отличает животное от человека! Озаренная Небесным Светом личность никогда не возжелает другому зла, не позволит поставить свои интересы выше чужих и очистит разум от скверны бытия.

А вот это была любимая часть Отравы:

– Вера в Небесный Свет должна идти изнутри – без анализа и размышлений ума, который подвержен влиянию скверны. Как только ты задумался о сути вещей, так сразу и сделал шаг к Подземной Тьме. Там тебе и место.

В Левоморье люди тоже верили в сверхъестественные силы – да и никто не усомнился бы в их существовании, если есть столько доказательств! Например, кто-то же должен вращать Великое Колесо

Жизни! Но из слов клирика выходило, что если человек задумался о доказательствах, то он уже не верит искренне. Вера должна быть именно слепой, и никак иначе.

Помимо бесконечных цитат и нотаций, клирик постоянно цеплялся к любому неверно сказанному слову. И тут же лупил посохом провинившегося. Иногда провинившийся и сам не догадывался, в чем же именно не прав, но это особого значения не имело. Сказано – виноват, значит, получай, а не думай. Не то тебя заподозрят еще и в том, что твоя вера – не слепая. Лю почти постоянно молчал и внимательно слушал, поэтому наказания ему выпадали реже. Но вот Нанье было тяжелее. Несмотря на то, что ее предупредили о странном обращении к монаху, она несколько раз оговорила. Отрава видела, сколько усилий у подруги уходило на то, чтобы не влечь клирику в ответ шаром или хотя бы кулаком, но та держалась и из последних сил изображала смирение. Потом ее одолело любопытство, заставившее задавать вопросы. От этого почти безобидные тычки посохом превратились в настоящие хлесткие удары по спине. Отрава тоже несколько раз получала наказания за неверно сказанное слово, но довольно мягко – ее оговорки на фоне Наньиных выглядели пустяковыми.

Однажды она получила только за то, что «недостаточно строга к своим рабам». А ей-то казалось, что монах приветствует исключительную доброту. Но выяснилось, что воспитательная строгость тоже обязана быть! То есть если Нанья без разрешения посмела открыть рот, то почему бы Нанье и не дать за это подзатыльник? Рабы – они ведь как дети для господ. Как любящий отец должен быть в меру строг со своими детьми, так и господин обязан себя вести. Правда, все «воспитание» почему-то к тычкам, подзатыльникам, пинкам и сводилось. Но это было даже великодушнее, чем нотации на несколько часов! Поэтому Отрава, дабы осчастливить их нового друга, отвесила Нанье один раз звонкую пощечину. Та отомстит непременно, когда они избавятся от неприятного общества, но сейчас это было необходимо! Ведь никто не просил Нанью использовать непонятные монаху ругательства:

– Госпожа, ты б сама свои вещи взяла. У меня лошадка попроще твоей, и мы с ней скоро замертво ляжем. Так что снизойди до наших проблем, возьми-ка этот кулек, а то прям как хрякова барыня...

Вот в этот момент Отрава и выделила ей оплеуху за грубость. В зрачках у Наньи полыхнуло пламя, но было усилием воли погашено – она тоже знала, что мера необходимая.

– Хорошо, Лада, хорошо, – похвалил довольный рвением своей

подопечной клирик. – А ты, Нанья, следи за языком!

Он шагнул к ним ближе и вдруг треснул посохом Отраву по спине. Та вскрикнула от неожиданности, не понимая, как может сразу после одобрения следовать наказание, но Камыш тут же великодушно объяснился:

– Наказывай, Лада, рабов за проступки. Так ты делаешь их лучше. Но и себя наказывай за то, что была вынуждена быть с ними суровой. Так ты делаешь лучше себя.

Отрава окончательно запуталась, но переспрашивать не спешила. Получалось, что бы ты ни делал, наказание все равно должно быть твоим главным спутником. Добрый? Получай. Злой? Получай. Ничего не делаешь? Получай за нерешительность. Но при этом никогда не осмеливайся проявлять решительность даже в пустой болтовне. Веселая жизнь у этих правоморцев! Скорей бы от клирика с его посохом избавиться.

К счастью, большую часть времени они проводили верхом на лошадях, и только Лю, перевернувшись, бежал рядом. Даже в эти переходы монологи клирика не иссякали, но на них хотя бы можно было не обращать внимания.

Отрава эти все мелочи неприятностями называть отказывалась. Первая серьезная проблема возникла через четыре дня путешествия.

– Впереди Ситар, – сказал клирик. – Мы остановимся там на пару дней. Купим хлеба и отдохнем.

Похоже, что Ситар был городом. Значит, там могли потребовать и документы. Отрава пока не чувствовала в себе уверенности пройти любые проверки, поэтому ответила как можно смиреннее:

– Вы, уважаемый клирик, отправляйтесь в Ситар. А я со своими людьми продолжу путь, если вы будете настолько добры, чтобы объяснить мне дорогу.

– А отдых? – не понял клирик, но уже подъехал к ней ближе и ухватился поудобнее за посох.

– Мне не нужен отдых, – уверенно заявила Отрава. – Мой жених ждет меня, а до Мираля, по вашим словам, осталось совсем немного.

Она получила уже ожидаемый удар по плечу.

– Глядите-ка, ей отдых не нужен! А рабам твоим нужен? А лошадям? Только о себе и думаешь, избалованная девка!

Вечером Лю, улучив момент, когда клирик отлучился по нужде, тихо сказал:

– Нельзя в Ситар! Похоже, что город большой, а значит, Иракий сюда

весточку про нас точно отправил. По внешности нас, возможно, и не узнают, но в твоём документе написано его родовое имя!

Отрава не знала, что делать. Её отказ будет выглядеть подозрительно. Не насторожит ли она этим клирика, и не попадутся ли они как раз на этой настороженности? Поэтому она спросила и у Наньи:

– А ты что скажешь?

Та выглядела отрешенной:

– Я сначала тебе врежу, а уж потом смогу думать о чём-то ещё.

– Так ведь я посохом получила! – не поверила Отрава своим ушам. – Куда больнее!

– И всё равно, – Нанья тяжело вздохнула, – душа у меня как-то не на месте от осознания несправедливости. Но в город идти нужно – этот мерзкий червь нас одних не оставит. А если мы сбежим от него, то точно сообщит... как их там, внутренняя армия? Доберемся мы до Миралья, может, даже Криса отыщем – а за нами уже целая армия идет. Оно как бы почетно, но...

Отрава только кивнула, приняв и её мнение. И до сих пор не знала, какое решение принять. Хотя обсуждали втроем, озвучить-то всё равно ей придется. А за последствия отвечать уже опять коллективно. Поэтому она чувствовала на себе особую ответственность.

Кристофер давно заметил: чем чаще прилагаешь усилия, заставляя себя быть дружелюбнее, чем многословнее объяснения, тем назойливее становятся окружающие и все чаще обращаются за помощью по пустяковому вопросу. Среди не-кровопийц это называется дружбой. И хоть сам Кристофер с этим определением согласен не был, но понял, что нет способа проще держать ситуацию под контролем. А ещё люди устают от ненависти, поэтому самый легкий способ завоевать их любовь – сначала долгое время вызывать настороженность или неприязнь, а потом дать повод изменить отношение. И тогда отношение резко меняется, будто подопытный только этой поблажки и ждал. Того же эффекта невозможно достичь, если сразу быть для всех лапушкой. Лапушек любят, но не так вдохновенно. Непонятных и острых на слово – если и начинают любить, то изо всех сил. Коротко говоря, Кристоферу даже усилий прилагать не требовалось, чтобы стать центром Миральского сообщества.

– Неужто у вас никакой внутренней армии нет? А кто же борется с разбойниками? – не понимал молодой солдат. – Ведь если их сразу не прижать, они распоясаются!

– А никто толком и не борется, – ответил Кристофер. – Точнее,

борются своими силами.

– И скольких разбойников ты убил, Крис?

– Для тебя – господин Кирами. И пшел вон, надоел.

– Ладно-ладно! Можно, я завтра зайду?

Зато разговоры с капитаном Каджем доставляли удовольствие.

– Думаешь, мы за столько времени сами не доперли, что надо топить их корабли? Но эти сволочи слишком быстры – корабль с берега пробить не так уж просто, а они всегда нападают эскадрой. И тут же в шлюпках перемещаются на другой.

Кристоферу было интересно искать выходы – как ребус разгадывать:

– И что, шлюпки заряжены магией, говоришь?

– Иначе такая быстрота невозможна! Наши кудесники научились придавать скорость животным, но не могут сотворить подобного с вещами...

– Значит, надо не топить, а захватывать. Тогда, возможно, кудесникам будет проще сообразить...

– Это да. Но как? – Кадж снова улыбнулся.

Несмотря на военную выправку, Кадж, как и все перевертыши, отличался добродушием, хотя бы в те моменты, когда мог себе это позволить. Он напоминал Лю, если бы тот был на полтора столетия старше. Даром что правоморец. Эти двое непременно нашли бы общий язык... если бы идиоты не сбежали! Кристофер никак не мог простить друзьям, что они нарушили его идеальный план.

– Пока не знаю, Кадж. Но вот, что в голову пришло – по периметру крепости защита стоит, непроницаемая для кровопийц. А если нечто подобное поставить по морю?

– Так на воде же магия не держится.. – задумался капитан. – Но...

– Но защиту можно поставить вдоль всего побережья, – закончил общую мысль Кристофер.

– Это... это слишком кардинально! У нас нет столько кудесников, которые по всему берегу смогли бы ее установить и поддерживать... Но ведь мы можем поставить заслон хотя бы возле поселений!

– И в этом случае налетчикам, если они с кровопийцами, придется искать пешие окружные пути. А на суше у вас преимущество, – добавил Кристофер.

– Вероятней всего, они на это не пойдут, – Кадж вперил задумчивый взгляд в узкое мутное окошко. – Будут нападать без кровопийц, как раньше. Но даже это неплохо! Сегодня же напишу письма во все крупные крепости и Город Королей. У нас военные решения, если они продуктивны,

обсуждаются и принимаются быстро. Наверное, реализовать это будет сложно – материк наш узкий, но очень длинный, однако идею предложить стоит!

– А против других рас такие границы невозможны?

– Если бы! – Кадж устало махнул рукой. – Кудесники объясняют, что завязать эту границу можно только на кровопийцах – то ли по протяженности жизни, то ли по другим признакам, не знаю, чем вы там так сильно отличаетесь...

– Умом и чувством собственного достоинства, – подсказал Кристофер верный ответ.

Кадж только рассмеялся. Видимо, решил, что это шутка. Раз у него приступ необоснованного веселья, можно рискнуть:

– Покажи мне ваши береговые установки – может, что-то и подскажу.

– Ага! Для этого пришлось бы снять защиту, а я тебе пока настолько не доверяю!

Кристофер был недоволен – конечно, на лице эта эмоция не отразилась.

– Я сбегу от вас весной. Не люблю холод. Поэтому несколько месяцев можешь спать спокойно.

– А разве в Левоморье зимы не суровее наших? – заинтересовался Кадж.

– Понятия не имею. Я зимой ни разу из замка не выходил. Ну, так что с установками?

Капитан с улыбкой покачал головой:

– Эх... когда мы найдем твоих друзей, я буду чувствовать себя спокойнее. Оставлю их тут в заложниках, тогда тебя можно и на экскурсии водить. А пока...

С каждым днем Кристофер все больше сомневался, что внутренняя армия хоть на что-то способна. Как можно столько времени искать трех обычных людей?

– Ладно, – решил пока смириться он. – Тогда хоть схемы береговых установок принеси – посмотрю. А то мне скучно. И да, книги новые нужны. Я ваши уже по три раза прочитал, скоро наизусть цитировать начну.

– Все-таки зря мои предки кровопийц уничтожили. Вы те еще стервецы, но теперь я вижу, сколько плюсов в вашей долгой жизни. Только успевай договариваться!

– Так успевай, Кадж. До весны. И да, книги по политологии не забудь. Интересная у вас система управления.

– Будет исполнено, господин! – капитан иронично поклонился.

Наивный перевертыш до сих пор полагал, что его сарказм звучит сарказмом, а не искренним уважением.

Эпизод 19. Чужие дороги

Отраве не пришлось принимать решение, потому что дотошный клирик все сделал сам. Похоже, сомнения в нем зародились сразу, а теперь расцветали пышным цветом.

– Лада, я грешным делом позабыл твой ответ. Так из какого рода твой жених?

– О! Он замечательный, уважаемый клирик! И очень-очень богат! Не пора ли нам возносить хвалу Небесному Свету?

– Он из Кариев или Морских? – на этот раз монах с мысли не сбивался.

– Как вы догадались? – восхитилась Отрава. – Из Морских! Младший сын. Знаете его?

Лю и Нанья сидели с другой стороны от костра, но напряженно вслушивались в каждое слово. Клирик криво улыбнулся:

– Знаю, конечно. Хороший парень. И как вы познакомились?

– Так... батюшка мой путешествовал... и...

Удар посохом по плечу сквозь толстую шубу был не слишком болезненным, зато в глазах монаха светилась настоящая угроза – кажется, настолько злым он до сих пор не был:

– Хватит врать, лживая девка! Я назвал тебе семьи ныне царствующих короля и королевы! За кого из них ты собралась замуж?

Отрава проглотила волнение.

– Я... соврала! Нет у меня жениха... Точнее, есть! Но он из простолюдинов! И мне было стыдно в этом признаться...

Камыш вскочил на ноги и на этот раз не стал ее лупить, что было по-настоящему странно.

– Врешь... Врешь! Ты вроде девка образованная, но не знаешь самые знатные рода Правоморья?!

– Я... я...

Отрава хотела чистосердечно признаться, что не такая уж она образованная. Можно сказать, что неграмотная вовсе – с кем не бывает! Да и с чего он вообще это взял? Пусть побьет ее да успокоится! Но монах оказался внимательнее, чем она предполагала:

– Я думал, мне показалось, что твои рабы вчера перед сном не помолились. А ну, спой-ка Песню Небесному Свету! То-то я думаю, что ты мне в молитвах постоянно вторишь, но никогда сама не начинаешь!

Отрава, трясаясь, поднялась на ноги, за ней то же сделали и друзья. Обстановка накалялась.

– Уважаемый клирик! Вы так кричите, что у меня мысли путаются... – Отрава добавила в голос мольбы, а потом нерешительно затаила: – Хвалу возносим Свету сердцем...

– Это не то! – теперь он смеялся с какой-то нервной яростью. – Не напрягайся, не вспомнишь! Песню только дети поют, поэтому я в твоём присутствии её ни разу не поминал! Кто ты, самозванка? Где ты жила, если ни веры, ни королей не знаешь?!

В ушах стучало. Это был полный провал – клирика теперь увещеваниями не успокоишь.

– Я даю твоему перевертышу два часа, чтоб отоспался, но как луна взойдет – отправляемся в Ситар. Пусть для начала внутренняя армия проверит, кто вы такие! И если вы не преступники, то там уже я и мои братья вас встретим – и будь уверена, что всех троих ждёт костер! Уже сотни лет Правоморье не видало еретиков!

И тут же снова осел на землю, посчитав, что все решено. Монахи в этом государстве были самоувереннее кровопийц в Левоморье. Отрава взяла себя в руки, усмехнулась и сказала теперь совершенно спокойным голосом:

– Мы не пойдем в Ситар. И ты не пойдешь.

Он вылутился сначала на неё, а потом и на подошедших с двух сторон «рабов». И промолчал, понимая, что реальное положение дел намного хуже, чем ему показалось.

Лю сложил руки на груди, а Нанья улыбалась недобро. Она будто только и ждала момента, когда все встанет на свои места:

– Нам придется убить его. Тут ситуация такая же, как с тем доносчиком. У нас нет выбора, если хотим спастись.

Лю не выглядел таким же уверенным, но после раздумий кивнул:

– Кажется, у нас действительно нет выбора.

– Убить? – взвизгнул клирик. – Вы... хотите убить монаха?! Это же... как такое...

В его голосе звучал ужас – но не страх за собственную жизнь, а жуткое осознание, что такое под Небесным Светом возможно. Он заторможено качался из стороны в сторону, а взгляд стал рассеянным. Понимание просто не умещалось в его голове.

Отрава тоже думала. Клирик обладал самым мерзейшим характером, что можно вообразить. Но при этом не был плохим человеком. Все его действия ладили с его совестью и верой, а не существовали как личные

интересы. Он был суровым и даже жестоким, но надо признать – по-своему справедливым. И, возможно, только благодаря всей их касте рабы в Правоморье жили не так плохо, как могли бы... Судя по его реакции, смерти он не боялся – его страшило только то, что мир оказался хуже, чем он себе воображал.

– Нет! – твердо сказала Отрава. – Мы не будем убивать его только потому, что нам это выгодно. Разве мы такие? Когда мы успели стать такими? Разве такой ты уводил меня из Тихой Речки, Лю?

Перевертыш шагнул еще ближе и положил ладонь на спину, точно в то место, где было рабское клеймо:

– С тех пор многое изменилось, Отрава. Изменились и мы. Мне тоже такие решения не по душе.

– Ведь он же нас сдаст внутренней армии! В чем твоя миссия, ядовитая моя? В том, чтобы глупо сгореть на глупом костре?

– Только Великий Кудесник знает ответ, – сказала Отрава и снова посмотрела на монаха. – А мне положено знать одно: если моя миссия в какой-то справедливости, значит, только через справедливые решения и будет достигнута. А иначе я ее недостойна. Потому мы свяжем его и возьмем с собой. Когда доберемся до Миралья, оставим где-нибудь, где его смогут найти. Или, возможно, нам понадобится заложник, чтобы обменять его на Кристофера. Посмотрим, кто им нужен больше: наш несносный блондинчик, который к этому времени уже должен всех достать, или бесценный монах!

Звучало на самом деле логично, поэтому друзья согласились. Даже с огромным облегчением, потому что они тоже искали другой выход.

– Мираль? – когда клирик снова заговорил, друзья тут же посмотрели на него. – Мираль – это военная крепость. Похоже, безбожники, вы этого тоже не знали.

И правда, военных крепостей они еще не брали. Но все когда-то бывает впервые.

Несмотря на то, что само настроение похода теперь сильно изменилось, легче не стало. Камыш узрел в изменении обстоятельств новый долг: срочно обратить заплутавших в свою веру. Поэтому его проповеди стали еще более нудными. Нанья предлагала заткнуть ему рот кляпом, но остальные ее не поддержали. В речах монаха, если с них снять пафосную шелуху, содержалось немало мудрости. Отрава слушала его и думала, что к некоторым выводам люди приходят разными путями, и оттого они становятся более ценными. Вина клирика была лишь в том, что он признавал только один путь.

Через пару дней и Камыш начал проявлять любопытство, задавая им вопросы. На многие они отвечали, потому что смысла скрывать уже не было. И это приводило к по-настоящему интересным диалогам.

– Кровопийц наши предки уничтожили по одной причине, – рассказывал монах, – у них нет души. Они говорят и думают как люди, но на самом деле ничего не чувствуют.

– А ты встречал хоть одного кровопийцу? – смеялась Отрава.

– Нет, конечно! Но так говорят историки!

Отрава про себя отметила, что теперь монах даже не морщится, когда к нему обращаются на «ты». Он привыкал быть немного другим, чем вчера. Но ведь и они становились другими – каждый раз, когда впускали в свою жизнь новых людей.

– Ты ошибаешься, Камыш. Они смеются и плачут, веселятся и страдают – их только надо научиться понимать! Наш Крис... он...

Она осеклась. Ей до сих пор было сложно думать о Кристофере без застилающей мысли тревоги. Отрава была честна с собой: вероятность того, что он жив и не сломлен окончательно, невысока. И лучше быть готовой к худшему. Зато про Криса с удовольствием рассказывала Нанья, которой теперь никто не мог запретить болтать вдоволь. Все ее истории сводились только к коротким фактам и длинным ругательствам. И было видно, что она тоже скучает.

Путники обошли Ситар широкой дугой. Им пришлось потерять немало времени в укрытии – на лесных дорогах все чаще встречались военные отряды. Но чутью Лю позавидовали бы даже перевертыши, он тонко улавливал издали чужое присутствие и уводил своих в сторону. Клирик только в первый раз попытался привлечь внимание солдат, но потом осознал бессмысленность усилий. Окончательно убедившись, что его пленители – профессиональные преступники, он теперь, когда ему позволяли говорить, проповеди сводил исключительно к теме перевоспитания. И с самого раннего утра, едва его только привязали к седлу, тянул:

– А ведь я вижу, что вы хорошие люди. Не обманете! Плохие убили бы меня или бросили в лесу, но вы нет – и не потому что кишка тонка, а по собственному выбору: Нанья, хоть дурная и отчаянная, так кляп мне в рот не воткнула; Лю постоянно оглядывается, не спотыкается ли моя лошадь; Отрава – да лучше б Ладой звалась, в самом деле – два раза вчера переспросила, не голоден ли я. Хоть и сама голодна, разве я не вижу? А у хороших людей, вставших на дурной путь, еще есть надежда! Осталось только свернуть...

– Впереди море! – перебил его Лю. – Мы близко?

Камыш вздохнул оттого, что его мудрость не воспринимают всерьез, а потом кивнул:

– Да. Уже скоро по побережью будет деревня, и за ней – Мираль. Где вас и казнят... потому что свернуть на правильный путь вы не успели!

– Наш путь тоже правильный, Камыш, – ответила ему Отрава. – Только не твой. Прими и ты, что бывают иные дороги.

– Все дороги сводятся в одну – истину. Не думай, что ты на ней чужая.

Деревня была видна издалека – еще до первых домов можно было разглядеть столп черного дыма, который в холодном воздухе торчал в небе, словно замороженный. Даже без объяснений стало ясно, что там творится неладное. Навстречу бежал мужчина с ребенком на руках. Он, запыхавшийся, остановился, усадил маленькую девочку, которая даже не была одета по погоде, прямо на холодную землю и крикнул:

– Сберегите дочку, сберегите!

И сразу побежал обратно, на ходу вытаскивая из-за пазухи кухонный нож.

Волк Лю замер, Отрава спрыгнула с лошади на землю.

– На Индир напали каменноземельцы! – пояснил клирик. – Отпустите меня... Если в вас есть хоть что-то человеческое, отпустите – я должен быть с этими людьми в их горе! И тогда вам не стоит волноваться, что я на вас донесу. Этот день я переживу вряд ли.

Нанья вглядывалась в море, бормоча:

– Страшно-то как. Есть захотелось. Но мне нужно испытать огненную стену, о которой я в книге прочла! Может, подсобим? Только если прикроете меня, а то я от голода плохо соображаю...

Лю рычал, бесконечно оглядываясь на друзей – его тоже тянуло броситься за мужчиной. Ведь не должен тот в одиночку встретиться с теми, от кого так отчаянно пытался спасти дитя. Было в поступке этого иноземного крестьянина нечто, что его сразу приравнивало к сородичам. Отрава и Нанья, выросшие в маленьких деревнях, с детства приучены не задумываясь сородичам помогать. У Лю же, стража первого ранга, это было на уровне инстинктов.

Ребенок, потеряв отца из виду, ревел все громче. Отрава посмотрела на девочку, но даже не попыталась утешить, потом подошла к лошади, на которой сидел Камыш. Быстро разрезала веревки на его запястьях. Кивнула на девочку – этому несносному человеку можно доверить настолько важное дело, как защита ребенка. Он молча кивнул в ответ.

Отрава снова вскочила на лошадь. Когда вся троица рванула вперед,

вслед раздалось только:

– А говорили – чужая дорога!

Ранним утром Кристофера разбудили крики и шум снаружи. Сначала он прислушался. Бой колокола. Грохот. Ржание лошадей.

– С какой стороны? – крик Каджа.

– Идут на Индир! – совсем издалека, возможно – с верхней башни.

– Запрягай!

– Небесный Свет... Не меньше десятка кораблей!

– Первый отряд пошел! Второй отряд, грузите волов быстрее!

Кристофер потянулся, а лишь потом открыл глаза, медленно повернул голову и уставился на дверь. Та через мгновение распахнулась:

– Нападение, Крис! На деревню! Ты идешь с нами – мы не успели там поставить защиту от кровопийц по берегу.

– Это значит, что я могу выйти из Мираля, – не вопросом – утверждением констатировал кровопийца свою победу.

Но Каджу сейчас было не до проверок доверия. Когда Кристофер сел на лошадь, чтобы присоединиться к последнему отряду, он внутренне ликовал, наблюдая, как кудесник колдует над воротами, снимая защиту. Кадж бросил перед тем, как пришпорить своего, самого мощного в гарнизоне, скакуна:

– Спаси хотя бы одного человека, Крис. Хотя бы одного – и отплатишь за то, что я приносил тебе книги.

Ветер бил в лицо порывами – после уютного и опостылевшего внутреннего двора крепости Кристофер сразу нырнул в зиму. Деревня оказалась недалеко, но паника солдат была оправдана – точки кораблей буквально на глазах увеличивались в размерах. А шлюпки врагов, говорят, передвигаются еще быстрее. Это значило, что уже через несколько мгновений первые каменноземельцы окажутся на берегу.

Навстречу бежали несколько людей с маленькими детьми на руках. Никаких вещей – они не успели бы собрать. Это те, кто среагировали первыми, были самыми бойкими и здоровыми. Им ценное и доверили, остальные далеко уйти все равно не успеют, поэтому сейчас прячутся в подвалах или вооружаются вилами, чтобы продержаться до появления солдат. Крики вдалеке не помогали определить: то ли враги уже начали резню, то ли паника переросла в истерику.

Кристофер мог свернуть уже сейчас и оставить чужую войну за спиной, но ему хотелось взглянуть поближе. К тому же Кадж просил спасти всего лишь одну жизнь – это несложно.

Его лошадь подкосила невидимая сила, она на полном скаку дернулась, а потом кубарем полетела в сторону. Крис едва успел вытащить ноги из стремян и выпрыгнуть из седла. Выпрямляясь, он уже видел впереди людей в черных одеждах. Некоторые из них, кудесники, выбрасывали руки вперед, создавая настолько резкие движения воздуха, что коням ломало ноги. Другие поднимали оружие, чтобы убивать солдат. Десять кораблей – это, возможно, тысяча человек! И большинство уже в деревне, в этом месте на заслон оставлена только часть. Кристофер шагнул к одному из упавших солдат и сбил рукой в воздухе мчащуюся стрелу, давая юнцу возможность встать на ноги. Одна жизнь спасена. Дело сделано.

– Спешиться! – орал впереди Кадж. – Кудесники, флангом!

Правильный приказ – попасть в человека сложнее, чем в большого коня. Солдаты выскакивали из седел и сразу прижимались к земле. Только кудесники галопом мчались в две стороны, но уже поднимали руки, чтобы ответить врагам тем же.

Кристофер не двигался. Он не чувствовал большой опасности тут – она там, дальше, уже в первом крестьянском доме. И это не его война. Кому он должен? Этим людям или друзьям, которые нуждаются в его помощи? Ведь только мыслью о них он держался все время! Он сам, по доброй воле, возложил на себя ответственность перед нелепой троицей, а от себя не убежишь. Кадж обернулся и, судя по взгляду, все понял. Он сморщился на миг, будто от боли, но даже слова не произнес, тут же кидаясь в атаку. Кристофер коротко пожал плечами и повернул в сторону леса.

Он найдет друзей. Чтобы вернуться домой вместе. Когда они увидят его, то непременно скажут что-нибудь язвительное, но будет понятно, насколько рады. И он будет рад, правда, они этого не заметят. Нанья бросится обниматься – с той лизуни станется. Лю с серьезной физиономией кивнет, а потом не выдержит и улыбнется. В козьих глазах Отравы промелькнет привычный желтый огонек. А если она узнает, как именно он спасся, то огонек вмиг сменится разочарованием. Потому что ум Отравы устроен примитивно: мир делится на черное и белое, правильное и неправильное. И своим примитивно устроенным умом она непременно решит, что огонька в ее глазах он не заслужил.

Кристофер замедлил шаг. Остановился. Тяжело вздохнул. А потом повернулся к бурлящему криками морю и на полной скорости двинулся туда. Не в деревню, а к берегу, чтобы отрезать нападавшим путь к отступлению. Сбежать от Каджа он сможет и завтра.

Эпизод 20. Легенда о благородной госпоже

Отрава споткнулась, но успела восстановить равновесие. Нанья на нее даже не посмотрела, удерживая перед собой светящуюся стену огня. Спрыгнуть с лошадей пришлось еще в самом начале – с этой стороны деревни было несколько вражеских кудесников, которые били сначала по коням, а потом и по защитникам, если те при падении сами шеи не сворачивали.

Пока Нанья держала стену, оттесняя тех к невысокому частоколу, Лю защищал ее и не позволял приблизиться нападавшим со стороны. Перевертыш ловко уворачивался от стрел и шаров, но не все обладали его скоростью. Вот тут и включалась Отрава – помогала упавшим и оттаскивала раненных подальше. Она рисковала меньше друзей, потому что каменноземельцы при такой неожиданно мощной защите сразу переключились на сильнейших. Судя по крикам из деревни, варваров было много, а по эту сторону деревенской ограды выбежали лишь те, кто пытался догнать убежавших крестьян.

– Тихо, тихо, потерпи, – бормотала Отрава, волоком таща за ноги довольно грузного мужчину. – Когда все закончится, кудесники помогут тебе – жить будешь! Но придется потерпеть.

У того не было одного глаза – старая рана, сегодня тоже случился не самый удачный его день. Он прижимал сломанную, обожженную руку к груди и стонал от боли. Возможно, пострадал он намного сильнее, чем Отрава предположила сначала – тот не мог сам подняться на ноги, поэтому пришлось утаскивать его подальше, пока бедняга не попался на глаза вражеским арбалетчикам.

– Спасибо, дочка... – он говорил так, будто вот-вот потеряет сознание. – Там, с другой стороны, наши... должны были уже подоспеть...

Она обратила внимание на его одежду – из очень плотной ткани с множеством карманов и нашивок для ножей или стрел. А цвет такой же, какой она видела издали на солдатах внутренней армии. Значит, вояки уже тут – опасно для беглецов, но сейчас не лучшее время вспоминать о собственной безопасности. Оставив его на земле, Отрава побежала за следующим: уже не солдат, крестьянин. Сильно ранен, но пытается подняться на ноги. Его тоже нужно увести – героизм не оправдан, когда в руках только вилы, а у нападающих – заклинания и стрелы.

– Прикройте! – голос Наньи.

Отрава посмотрела на подругу, к которой тут же подлетел Лю. А со спины ее страховали двое солдат. Вышло так, что они целый десяток кудесников прижали к частоколу. Те уже от отчаянья беспорядочно лупили шарами, но и Лю, и вояки неприцеленные удары пропускали мимо. Нанья резко опустила руки, вместе с ними рухнула и светящаяся стена, а потом снова выбросила вперед. Желтое сияние полетело по кривой траектории, разрезая врагов смесью огня и потоков воздуха. А она учится на ходу! Крики боли раздавались лишь мгновение – Наньино оружие не оставляло раненых.

Даже по ее спине можно было понять, насколько она горда собой: выпрямилась, как королевна, посмотрела сначала на Лю, потом на солдат, и только после плавно, будто в танце, опустила руки. К сожалению, поздравлять ее никто не стал, так как бросились на очередную группу неприятелей.

Общими усилиями справились быстро, но им и минуты не дали для передышки – солдат уже звали из деревни:

– Сюда! Крис не дает им уйти! Сегодня вырежем всех этих тварей и попытаемся захватить хоть один корабль! Гражданские, в сторону!

Солдаты тут же бросились к проломленным боковым воротам, Отрава подбежала к друзьям.

– Крис?! Вы слышали – Крис!

– Наш Крис? – покачала головой заметно измотанная Нанья. – Я скорее поверю, что в мире существует еще пять Крисов, чем в то, что наш будет драться за других!

Но Отрава уже неслась к проему, за ней последовали и друзья.

В деревне горело несколько домов, крестьяне переорганизовывались для тушения. Похоже, тут даже простой люд был приучен к дисциплине и знал, что делать в таких ситуациях. Солдаты же добивали оставшихся захватчиков или бежали за теми, кто пытался добраться до шлюпок.

Это был Кристофер! Даже издали его белая макушка не оставляла сомнений. Он останавливался на секунду и тут же бросался наперерез новому врагу, в это мгновение превращаясь в смазанную полосу. Отрава и предположить не могла, под какими чарами он находится теперь, так неожиданно перешедший на армейскую службу.

Она обратила внимание на волка-Лю, который замер над мертвым телом. Приглядевшись, поняла, что это был кровопийца. В том же черном балдахине, как и вражеские кудесники. Весь в крови – свидетельство того, что успел он убить многих. А теперь лежит себе, стеклянными глазами в небо таращится, а сердце его вместе с ребром валяется рядышком.

Несложно догадаться, кто его таким образом мог прикончить.

– Чего стоите? Я вас с собой для чего брал? – Кристофер прикрикнул на солдат, а одного даже схватил за локоть и зашвырнул в шлюпку. – Кадж, почему они у тебя такие ленивые?

Перевертыш, навскидку лет двухсот от роду, смеялся в азарте победы, но и среагировал моментально:

– По одному кудеснику на шлюпку! Разбирайтесь, как работают! Остальные – берите весла! Мы должны захватить хоть один корабль!

Но едва одна лодка отчалила от берега, как корабли почти синхронно начали движение. Да с такой невероятной скоростью, что глазам было сложно поверить, хотя их паруса не раздувало ветром – будто несколько огромных птиц, которых спугнули. Враги, осознав, что сражение проиграно, уводили флот подальше. Разочарованный капитан приказал своим возвращаться.

И все увиденные чудеса не шли ни в какое сравнение с дальнейшим: этот самый перевертыш, что тут был главным, подошел и хлопнул Кристофера по плечу, а тот даже не прикончил его на месте... Может быть, кровопийцы без клыков именно так себя и ведут?

Один из раненных, только подоспевший к берегу, поравнялся с Отравой и закричал что есть мочи:

– Там знахари нужны! Срочно! На той стороне!

Капитан только рукой махнул, и тут же в указанном направлении рванули сразу несколько человек. Солдат же глянул на Отраву, улыбнулся благодарно, а потом заорал снова:

– Капитан! И эти ребята сильно помогли! Ты бы видел их... По моим подсчетам, не меньше пяти десятков только на счету кудесницы и перевертыша, а эта покалеченных с поля оттаскивала! Так что еще десяток запиши!

Старый вояка тут же обратил внимание на незнакомцев и зашагал навстречу, приветливо улыбаясь:

– Кто такие? Сами целы? И спасибо вам от имени короля и моего собственного.

Бежать было поздно. Да и куда бежать, если их потеря вот прямо тут нашлась – идет себе преспокойно, кровь с руки о штаны вытирает. Отрава глаз не могла оторвать от его лица – он смеялся, внутри Кристофер ликовал, потому что был счастлив их видеть, а не спешил... да хряк его разберет, почему он не спешил!

На ответ сам капитан и натолкнул. Он вдруг нахмурился, потом ненадолго обернулся, чтобы взглянуть на кровопийцу, и снова на них:

– Талантливая кудесница, сильный перевертыш и бесполезная возвращенка, которая только раненных и могла спасать... Не твои ли это старые приятели, дражайший господин Кирами? По совместительству воры и беглые рабы?

– Впервые их вижу, дражайший Кадж, – отозвался Кристофер, который остановился рядом с тем. – Мои, насколько я помню, были симпатичнее.

– И то верно, – с задумчивой улыбкой согласился капитан. – Ты своих иначе описывал.

Отрава поправила заколдованные черные кудри и присела в неловком реверансе:

– Лада из Изумрудных, – представилась. – Рада, что мои рабы смогли быть полезными этим бедным людям.

В черных глазах перевертыша угадывалась проницательность – кажется, он тонко улавливал, что подвох есть, но открыто объявить о нем не мог:

– Капитан двадцать шестого гарнизона Кадж, к твоим услугам. Путешествуешь, госпожа?

– Путешествую!

– Могу ли я предложить тебе и твоим достойным слугам отдых в военной крепости? Это меньшее, чем я могу оплатить за героизм.

– С превеликим удовольствием, капитан!

Она удержала серьезную мину и отыграла роль лучше любой актрисы, хоть Кристофер своим внутренним смехом ее сильно сбивал.

Солдаты еще долго помогали крестьянам с пожарами и ранеными. Улучив момент, Крис подошел к ним и сказал совсем тихо, не глядя на лица:

– Удивлен, что вы живы-здоровы.

– А уж мы как удивлены! – Нанья сказала это громче, чем позволяли обстоятельства. – Крис, ты что тут делаешь? Почему не сбежал? Как же я...

Он перебил ее монотонно:

– Я собирался сейчас сбежать, но вы-то не успеете, перехватят. Опять вы мне все карты спутали. И что это за несуразные носы?

Лю уже успел перевернуться в человеческий облик и одеться, подошел и будто бы хотел протянуть Кристоферу руку, но сдержался – незачем остальным это видеть:

– Очень рад, что твои клыки на месте.

– Не больше меня. И вам рад, хоть и выглядит это не так истерично. Отрава?

Да все уже заметили, что она одна молчит! А ей отчего-то хотелось

реветь, хоть ни одной причины тому не было. Или на шею ему броситься, но если уж даже Нанья держала себя в руках... А что сказать – в голову не приходило. Кристофер не дождался ответа – только взгляда в профиль, а сам так на нее и не посмотрел:

– Ты сильно изменилась за эти три месяца. Я не про твою внешность. Стала жестче и суше. И это неплохо.

Конечно, изменилась! Как и все они. Кажется, только Крис остался таким же, каким был. Но она не сказала и этого. Кровопийца пошел мимо них к солдатам, на ходу бросив почти неслышное:

– По пути в Мираль сбежим. Будьте готовы.

Лю коротко кивнул. По дороге солдаты, скорее всего, будут передвигаться небольшими отрядами или строем. Там уже гораздо легче сорваться в сторону леса и надеяться, что в спины им стрелять не будут. Капитан не производил впечатления жестокого человека. Он практичен, как все доблестные вояки. К тому же обращался к Крису дружелюбно, если не уважительно, а перевертыши не лукавят. Потому шанс был.

Таки да, он был перевертышем, и вместе с прочим, это понятие включало внимательность к любому пустяку и дотошность, граничащую с паранойей. Когда солдаты уже грузили волов, чтобы отправиться в Мираль, Кадж подошел к ним и улыбнулся еще шире:

– Я ведь даже имен твоих рабов не спросил, госпожа Лада.

– Нил и Зарница, – представила Отрава, но уже заподозрила неладное.

Капитан смотрел на них по очереди:

– Значит, опытный в бою перевертыш... Который еще к тому же и рыжий. Разве бывают перевертыши рыжими? Разве бывают сильные кудесники такими черноволосыми?

– Бывают! – вскинула подбородок Нанья, которой не пришлось по душе критика ее чар. Какую внешность смогла изобразить, ту и изобразила! Нашел к чему придирается!

– Может быть... – капитан по-прежнему оставался веселым. – Например, в Левоморье?

– Это где? – глупо переспросил Лю.

– Ребят! – крикнул Кадж своим. – Этих под охрану, чтоб не сбежали. Сначала разберемся, бывают ли перевертыши рыжими, а потом уж извинимся, ежели потребуется. Кристофера под заклинания!

Тот, направлявшийся к ним от самого берега, даже не понял, почему к нему подлетели кудесники. От неожиданной тяжести остановился, потом покачнулся, но голос до сих пор был твердым:

– Это что еще за ерунда? Опять?

– Прости, Крис, – капитан пожал плечами. – В Мирале снимем. Есть у меня некоторые подозрения.

– Тогда я чур на твоём коне поеду, Кадж. Сам видишь – ноги переставлять мне стало сложнее. А на своём мне теперь не по статусу.

Вот так они прокололись с планом побега. Но ведь и раньше уйти не было никакой возможности: Отрава видела, что некоторые солдаты наблюдали за ними, и попытаться троица улизнуть – сразу была бы поймана. Все же военные есть военные, бдительности они не теряли. А из крепости сбежать будет ещё сложнее! Если только удастся обмануть или придумать другой план.

– Меня обижает твоё недоверие, капитан! – сказала Отрава и повернулась к повозке, которую запрягали волом. – Но я принимаю твоё приглашение. Хотя бы для того, чтобы дать тебе возможность передо мной извиниться.

Их разделили, поэтому в пути не было шанса даже взволнованными взглядами обменяться.

Чёрные стены Миралья угнетали уже издалека – наверное, не раз до сих пор служили стенами чьей-то тюрьмы. Пленников не связывали и никакой строгости не проявляли. Наоборот, сразу после прибытия усадили за стол в казарменной столовой и предложили простые солдатские угощения. На территориях военных гарнизонов рабов не было – ни бывших, ни настоящих, поэтому Лю с Наньей привели туда же и усадили всех за один стол. А потом появился и Кристофер, с которого заклинания сняли, но он до сих пор выглядел заторможенным.

Кадж не попросил бумаг госпожи, да они бы и не помогли. Наверняка он знал имена их бывших хозяев. Капитан просто задавал вопросы – ничего особенно значимого, будто приятельскую беседу вел:

– Почему же молодая госпожа путешествует? Как тебя родители-то отпустили, особенно на побережье Тёплого моря?

Отрава отвечала с праведной обидой:

– Ты разве не видел моих рабов, капитан? С ними я и в Каменноземелье рискнула бы отправиться!

– Ну, это уж ты загнула, – смеялся тот. – Будь у меня такая юная дочка, я бы её вообще из дома не выпускал, держал бы подальше от любой опасности!

– Вот потому-то Небесный Свет и не подарил тебе дочь! Чтoб не загноил ты бедное дитя в своих подвалах – подальше от опасностей!

– Справедливо. Где бывала госпожа, что видала?

Отрава перестала изображать возмущение, ударившись в

воспоминания:

– Ситар – красивейший город, капитан! А сколько там прекрасных товаров! Я бы купила все – вот честное слово, да нести сложно. Но на обратном пути обязательно туда загляну снова! Ты бывал в Ситаре?

– Бывал, конечно. Только товары мою солдатскую душу не привлекают, прости уж великодушно. А в Ларницу заглядывала?

Новое название Отраву с мысли не сбило:

– Не довелось. Я до Ситара целый месяц у родственников гостила. Никак не хотели меня отпускать. Я ведь в начале зимы уже домой вернуться собиралась, а теперь жаль, что столько времени потеряла.

Если бы капитан спросил имена родни, то Отрава, не задумываясь, назвала бы Океана. Пусть проверяет, пока они новый план изобретают! Но он и не спрашивал, словно это не был допрос. Именно в таком же русле и протекал бы их разговор, не подозревай Кадж неладное. Через некоторое время стало казаться, что на том и разойдутся. Прямых обвинений не прозвучало, оснований для ареста не было. Как только Криса отсюда вытаскивать? Или капитан просто тянет время, пока его почтовики разлетаются по всем крупным городам, чтобы вернуться с ответными письмами?

Напряженное лицо Наньи подсказало, что все не так просто. Она только глазами указала в сторону, и через некоторое время Отрава смогла незаметно туда глянуть. В дальнем углу столовой сидел кудесник – будто дремал на лавке, закрыв глаза. Понятно, значит, они пытаются проверить, не наложено ли на гостей заклинание какое, внешность изменившее. И судя по гордому лицу подруги, ничего у них не получалось – ее магия была сильнее! Делали они это скрытно, значит, не хотели обвинять прямо и сомневались в своих догадках. С преступниками не церемонятся, а с подозреваемыми, особенно из благородных семейств, лучше без прямых доказательств не связываться.

– Ты прости уж меня, госпожа, – говорил капитан. – Просто мы долгое время разыскивали друзей нашего Криса – и так славно вы подходите втроем под его описание...

– Вообще не подходят, – отозвался Кристофер, который сидел за дальней стороной стола. – У тебя что-то с памятью, Кадж.

– Друзей? – заинтересовалась Отрава. – А что за друзья?

– Беглые рабы.

Отрава и Нанья фыркнули одновременно, Лю выпучил глаза – показал свое возмущение, как умел.

– Прости, госпожа, прости, – миролюбиво добавил Кадж. – Но меня

вот что удивляет – все, кто видят Криса впервые, диву даются: или стоят с разинутыми ртами, как деревянные истуканы, или вопрос за вопросом задают. Впервые встречаю такое равнодушие к его персоне.

– А что в его персоне замечательного? – не поняла Отрава.

– Так... кровопийца же!

– К... кро...

Отрава подскочила на ноги, схватилась за сердце, а потом бессильно рухнула обратно, потеряв дар речи. Нанья качественно изобразила деревянного истукана с разинутым ртом. Лю посмотрел на обеих, потом удосужился хотя бы за голову схватиться. Надо задавать какие-то вопросы! О чем спросил бы человек, который думает, что кровопийц десять тысяч лет назад истребили?

– А он пьет кровь?

Кадж усмехнулся.

– Я тут сижу, если ты не заметила, – раздался холодный голос Кристофера. – Не обсуждай меня при мне.

Ну зачем его глаза так смеются? Если она расхохочется в ответ, то это делу точно не поможет.

– А ты пьешь кровь? – нелепо переспросила она. – Людей убиваешь?

– Конечно, нет. Как такое можно подумать?

Издевается. Ничуть лоска за это время не растерял. Вероятно, все это время он жил получше, чем они.

– Так ведь... из названия! – лучше разыграть дуру, чем начать смеяться.

– Названия редко отражают суть вещей. Вот вас называют возвращенцами, а вы не возвращаетесь.

Отрава кое-как сдержалась, чтобы не поморщиться. Он ошибается! Иракий помог ей вспомнить жизнь во дворце императора, и Великий Кудесник уже тогда знал, что она вернется! Как же хочется ему все это рассказать и посмотреть, как в серых радужках мелькает первое в жизни сомнение в своих теориях! Но помог ей Кадж:

– Как это – не возвращаются? Они ведь помнят...

– Капитан! – в столовую влетел запыхавшийся солдат. – Капитан! Там монах, срочно просит аудиенции!

Но в дверях уже показался клирик Камыш и раздраженно отодвинул его в сторону.

Вот и конец их легенде.

Лю уставился в тарелку. Нанья едва слышно завывала. Отрава взгляда не сводила с подходящего и усаживающегося за стол старого знакомого. Тот

наверняка вернул ребенка родителям, когда все утихло, а потом и направился в Мираль. Вот такое предсказуемое последствие неверных решений. Странно, что Отрава не соблаговолила о них подумать раньше.

– Капитан, ты должен кое-что знать! Они самозванцы!

После этого повлиять на ход событий было невозможно. Кляпом рот затыкать ему было поздно. Он подробно, не теряя ни одной детали, рассказал обо всем, после каждой мысли дополнительно подчеркивая, что ко всем своим прочим недостаткам самозванцы еще и неверующие в Небесный Свет.

Капитан же становился все более веселым. Он будто был только рад получить доказательства воплям своей интуиции:

– Так что, Крис, говоришь, встретил их впервые?

– Кажется, где-то я их видел.

– А! Кровопийца! – подскочил на месте клирик. И несмотря на буйную реакцию, нельзя было сказать, что он переигрывал. – Это же... кровопийца!

– Присядьте, уважаемый клирик, не волнуйтесь так, – успокаивал его капитан.

Тот сел, но теперь всем телом трясся и ошарашено смотрел на Кристофера. Тот, кстати говоря, тоже очень внимательно смотрел на него. И теперь внутри не смеялся.

– Что же это получается? – рассуждал капитан. – Если вы, ребята, беглые рабы, но захотите присоединиться к нашему гарнизону, то я могу попытаться договориться с вашим господином. Но видите ли... доверия вы не вызываете. Да еще и воры! Книгу какую-то ценную сперли – надеюсь, она в целости? И надо голубя в поместье...

Кристофер перебил, не посчитав его вопросы важными:

– Тут многие говорят про Небесный Свет, монах, но в Левоморье в это не верят.

– Потому что заплутали во Тьме! – клирик ответил, хоть голос его и дрожал.

– Наверняка так и есть, – удивил Кристофер. – Зато есть ты и такие, как ты, кто помогает людям обрести Свет. Спасибо тебе за это.

Монах был поражен. Он и на Отраву взглянул – видишь, мол, даже кровопийца понимает то, что до тебя никак не дошло!

– Крис, к монахам и королям у нас обращаются вежливо, на вы, – подсказал подошедший к столу кудесник. – Ведь он пусть и один, но за его спиной всегда великое множество братьев и весь Небесный Свет.

В глазах Криса Отрава видела задумчивость, но не насмешку, которой ожидала:

– Да? Простите мою бестактность, – после этих слов клирик даже ойкнул. – Это от недостатка информации. Я счастлив встретить настоящего проводника к истине. Могу я задавать вам вопросы?

– Конечно! – клирик расцветал на глазах.

– Я бы хотел тоже стать монахом или хотя бы пожить в монастыре, чтобы найти дорогу к Свету. Как и мои заплутавшие во Тьме друзья. Это возможно?

– Но... это не так просто... – растерялся тот.

Капитан был сообразительнее:

– Уважаемый клирик! Да он просто хочет выбраться из Миралья, а потом сбежать! Не позволяйте вас обмануть!

Монах нахмурился, но Кристофер переключился моментально:

– Тогда другой вопрос. Я тут по вашей правовой системе книг начитался, но о правах со мной тоже общаться не хотят. Очень заинтересовала меня третья поправка к Общему Закону. Мы не были рабами в Левоморье и добровольно в рабы не отдавались. Разве пираты, захватившие нас, не совершили грех перед Небесным Светом... или хотя бы преступление?

На это у клирика уже был готовый ответ:

– Рабами становятся или по доброй воле, или в наказание, или по рождению. Но в вашем случае все законно – вы были преступниками!

– Разве? – друзья его не перебивали, уловив, что Крис не зря затеял этот разговор. – Наше преступление заключается только в том, что мы незаконно покинули Левоморье. Как и капитан того судна незаконно нас на борт взял. Накажите нас за это, но соразмерно преступлению. И его накажите, раз на то пошло.

– Накажем, накажем! Только имя и название корабля сообщите! – пообещал клирик. – Но не будь вы преступниками, не бежали бы с родины без легальных документов!

– Мы бежали от преследования! – не выдержала Отрава.

– Я могу поклясться, что мы никаких законов до этого плаванья не нарушали! – подхватил Лю и менее уверенно добавил: – Ну... все, кроме Криса... но даже его стража Серебряного Облака оправдала.

Любопытных вокруг стола собиралось все больше. Кристофер заговорил громче, чтобы заглушить нарастающий шепот:

– Разве Небесный Свет допускает такую несправедливость? Да, нас купили за золото – так и спросите с тех, кто этот грех сотворил, а не с нас – невинных жертв их преступлений.

Он при этом, мягко говоря, невинной жертвой не выглядел. Но

сомнения в клирике породил, потому как тот забормотал:

– Разобраться надобно... но если они говорят правду, то рабами их сделали незаконно...

– Уважаемый клирик! – капитан теперь не улыбался. – Мы не отпустим их! В конце концов, с Крисом никто как с рабом и не обращался! Да он тут как господин жил! Сегодня же он доказал, что отличный солдат и очень нам нужен! Про этих троих... а что мы скажем их господину, которого они обворовали?!

– За воровство выпороть нужно да украденное вернуть, – мысли у клирика все больше закручивались в правильном направлении. – Но согласно третьей поправке...

Отрава не могла поверить – неужели все было так просто: задать правильные вопросы в присутствии правильных людей? Но обрадовалась она рано. Капитан покачал головой:

– Нет! При всем уважении, клирик, я не могу так поступить. Поиск кровопийц – это указ короля! Наша граница трещит по швам. Иногда нужно поставить национальные интересы выше справедливости к кому-то конкретному!

И клирик – нет, не так – сам клирик! – сдался. Наверное, Небесный Свет такие интерпретации веры допускал. Отраве захотелось вlepить ему пощечину за то, что так просто от своей истины отказывается! Ее разбирала злость – всегда тем мощнее, чем ближе была надежда. Он теперь говорил только о незаконном пленении троих, избегая упоминаний о кровопийце. Но голос Кристофера оставался спокойным:

– Тогда выход один – везите нас к королю. Раз дилемма между истинной верой и национальными интересами неразрешимая, то не будьте такими самоуверенными, чтобы принять на себя выбор.

Еще через полчаса споров с этим вариантом вынуждены были согласиться все.

Эпизод 21. Город Королей

– Кадж, ты собираешься неделю продержать меня под сдерживающими заклинаниями, а это не слишком-то приятно. Как думаешь, сделает ли это меня послушным?

Заклятия с ворот уже снимали, а путники рассаживались в повозки – целый отряд солдат во главе с капитаном, четыре пленника и, конечно, клирик Камыш, отделаться от общества которого Отрава в этой жизни уже не рассчитывала. Он не мог отказать Кристоферу в искренней мольбе сопровождать его в пути. Тот так и выразился: «Эти неучи-солдафоны не смогли мне объяснить ничего толкового о Небесном Свете. Прошу, вы мой последний шанс». Клирик, очевидно, решил, что речь идет о шансе найти дорогу к истине, но Крис явно имел в виду нечто другое. Он уже с помощью монаха получил, что хотел, собирался его использовать и дальше. У Отравы, Лю и Наньи не было ни единой возможности разузнать, в чем же конкретно состоял план. Их держали взаперти два дня и только теперь выпустили, когда пришло время отправляться. Нанья вернула им натуральную внешность – какой теперь смысл скрываться?

А сейчас Кристофер выторговывал еще и отсутствие сдерживающих чар. Отрава сомневалась, что это возможно, но ошиблась:

– Я и не собирался, Крис! Как бы то ни было, мне гораздо лучше считаться твоим другом, чем врагом. Ведь только это не позволило тебе сбежать при Индире!

Светлая бровь Кристофера приподнялась на толщину волоска:

– Ого. Значит, ты нашел другой способ подстраховаться?

– Конечно! – капитан был привычно весел. – Ведь побег твой мне тоже невыгоден. Поэтому кудесники сделали кое-что, – он вытащил из-за пазухи коричневый ошейник – такие на дворовых собак надевают. – Если дернешься, то стоит кудеснику щелкнуть пальцами – и голову оторвет!

– Мне? – не понял кровопийца.

– Зачем же тебе? Ты у нас ценный гость! Тому, кого ты хотел найти больше остальных. Если уж тебя это не остановит, то не остановит вообще ничего.

Отрава не пошевелилась, когда Кадж подошел к ней и почти нежно нацепил на шею заколдованную безделушку, попутно извиняясь:

– Прости уж, Отрава! Ты должна и сама знать, что вашему дружку доверять нельзя.

Пока он застегивал кожаный ремешок, Отрава смотрела в глаза Кристоферу в поисках объяснений, но на этот раз эмоций расшифровать не сумела.

Правда, когда их разместили в одной крытой повозке – а те были достаточно большими, чтобы вмещать по восемь человек – вопрос задала Нанья:

– Так ты извращенец или нет, Крис? Мы уже с тобой навсегда слиплись, поэтому можешь признаться без опаски!

Он промолчал.

– Значит, хотел Отраву найти больше остальных? – отчего-то очень искренне улыбался Лю. Наверное, просто радовался, что все до сих пор живы-здоровы. – А я не удивлен!

– Негоже смеяться над душевными порывами других людей, если они искренни и не греховны! – загундосил клирик и тут же лупанул Лю по плечу – все возвращается на круги своя.

– А почему сразу извращенец? – не понял Кадж. В Правоморье уже давно забыли про традиции кровопийц, оттого он и недоумевал. – Отрава девица боевая, гордая, духом сильная. Я б такую даже на трон усадил, не то что за нашего Криса отдал. Была б у него карманной совестью.

И загоготал. Отрава вздрогнула от противоречивости: Кадж назвал их друга «нашим Крисом», вызвав в ней легкий укол ревности, и выдал при этом беспросветную чушь, породив отвращение. Она снова посмотрела на Кристофера, но тот опять ничего не объяснил.

Возможно, она и правда вызывала в нем симпатию. Но даже Отрава не решилась бы теперь назвать это извращением: они вчетвером столько пережили, что сроднились. Удивительно ли, что и более глубокие чувства по ходу дела появились? Симпатия может исчезнуть, а может стать чем-то очень серьезным – такое случается. Вот Лю, например, в которого она еще недавно была влюблена, теперь в ней вызывал совсем другие эмоции, где-то в поместье Иракия, незаметно для нее самой, изменившиеся. Теперь в груди не трепетало при взгляде на него, но любовь выросла в разы – сейчас она за Лю жизнь бы отдала. Беды роднят тех, кто сквозь них рука об руку прошел. А Крис... ну нет, он же кровопийца! Возможно, самое прекрасное существо в мире. Но в природе много прекрасного, вызывающего восхищение со стороны. А у Кристофера, в отличие от прочих природных явлений, был еще и неоднозначный характер:

– Что же вы за глупцы, раз решились от своего господина бежать? А если бы я тоже сбежал, где бы мы друг друга искали?

– Так ты ведь не смог сбежать, Кирами! – резонно заметил Лю. Они

быстро входили в привычный тон беседы.

Но Нанья вдруг ухватила сидящего напротив Криса за локоть и подтянула к себе – нос к носу:

– А я отвечу честно: сбежали, потому что молодой господинчик там чуть твою Отравушку не изнасиловал! Я ему рожу сожгла за это, но мы решили их гостеприимством больше не злоупотреблять!

И через пару секунд отпустила его, звонко расхохотавшись. Вероятно, разглядела нечто, что очень хотела разглядеть. Но когда Кристофер выпрямился, в глазах его снова ничего не нашлось. Он тут же повернулся к клирику и попросил в очередной раз прочитать по порядку все ключевые псалмы. Солдаты в повозке постоянно менялись – не выдерживали дольше нескольких часов, а у пленников выхода не было. Отрава с Наньей были в голос, Лю только морщился и в окошко выглядывал, будто свежий воздух глотал.

Сколько бы Отрава не пыталась поймать во взгляде Кристофера отголоски эмоций, ей это не удавалось. Хотя она уже успела убедить себя в верности выводов – это несложно, если все вокруг к таким же выводам пришли, а некоторые рыжие еще и подмигивали лукаво в каждый удобный момент. Но Отравино представление о сути вещей немного треснуло, когда пришлось посмотреть на Криса в другом свете.

Через три дня повозки приблизились к большому городу. Там предполагалось отдохнуть ночь и пополнить запасы. Кудесник сразу предупредил капитана:

– Могут быть проблемы. Конечно, горожане кровопийц прежде не видали, но многие грамотные и книги читают. Если кто-то разглядит нашего Криса...

И вместо плаща с глубоким капюшоном, предлагаемого остальными, сам же нашел лучший выход:

– Пусть Нанья его внешность переколдует, у нее прочно это заклинание ложится. Под темными волосами и огромным носом никто кровопийцу не заподозрит!

Нанья только плечами пожала – ей практика на руку. Кристофер тоже перечить не стал, но заявил, что кровопийц узнают лишь по осанке и явному превосходству, а не цвету волос. Но с ним никто не согласился. После Наньиных процедур перед смеющимся отрядом предстал стройный, но несимпатичный лицом... возвращенец! Самый натуральный из всех возвращенцев, хоть и необычно высокий. Нанье даже брови и цвет кожи затемнить удалось.

На издевки сам Кристофер не обращал внимания, зато Отрава никак не

могла привыкнуть к новому образу. Совсем-совсем возвращенец, только не улыбается понапрасну, а глаза все те же серые, пронзительные – и если в них смотреть долго, то обязательно поймешь, что внутри. Когда повозки въехали в город и остановились, Кадж снаружи приказал выходить. Солдаты вынырнули первыми, за ними Нанья и Лю. Тогда-то, когда они буквально на пару секунд остались наедине, Кристофер спросил неожиданно:

– Почему ты смотришь на меня постоянно, Отрава, но при этом не смеешься над моими бровями?

И она совершенно бездумно выпалила – все дело было только в его теперешним виде, так сильно сбивавшем с толку:

– Я нравлюсь тебе? Как... кровопийца бы нравилась? Все так говорят, и это меня мучает.

– Что зависит от моего ответа, если ты через несколько десятков лет умрешь?

Это было признание. Или Отраве очень хотелось услышать откровенное признание? Ведь он почти сразу потянулся к ней, как и она – самая первая – смогла разглядеть в нем больше, чем остальные! А если бы он сразу выглядел вот так и не воспринимался кровопийцей, то не разглядела бы она в Крисе еще больше? В его ответе прозвучало, что основания так считать у нее есть, но он тоже не собирается об этом размышлять из-за их разности. Можно ли полюбить явление природы? Можно ли полюбить человека, если ему отведено тысячекратно меньше жизни, чем тебе?

Ночевали они в заезжем доме, называемом гостиницей. Правда, тут были комнаты для больших групп – почти как солдатские казармы. Кадж разместил их именно в такой, чтобы самолично за пленниками приглядывать.

Отрава смотрела на спящего на соседней кровати Криса и все думала, зачем ей это нужно – узнать, что он влюблен. Она впервые заметила за собой желание получить что-то, но при этом понятия не имея, зачем ей это нужно и что с этим потом делать. Может быть, внукам рассказывать? Мол, бабуля ваша была в молодости так хороша, что даже кровопийцу с ума свела? Кристофер не выглядел сумасшедшим, но ведь сам, не задумываясь, выбрал кровать по соседству. И раньше всегда говорил, что Отравин сап его успокаивает! Хотя она и не сопит во сне... Она заставила себя закрыть глаза, но образ темноволосого и чернобрового некрасивого возвращенца все никак не отступал. Возможно, даже во сне ее преследовал, а во снах нет ничего позорного, чтобы внуки, которым бабушка-Отрава о своей

молодости рассказывает, с тем же самым бежали и к дедушке – пусть некрасивому и слишком неэмоциональному, зато бабулей отчаянно любимому.

Хорошо, что путешествие их было недолгим, а то Отрава так и влюбиться бы могла, постоянно внутренне к этому вопросу возвращаясь. Но как только Нанья, уже в Городе Королей, вернула Кристоферу его привычный – возможно, самый красивый в мире – облик, то наваждение тут же схлынуло. Он вновь превратился в прекрасное явление природы, которым лишь издали любоваться. Да еще и с характером:

– То есть сначала мы должны письменно просьбу изложить, а потом король еще подумает, стоим ли аудиенции? Непохоже, что его интересуют вопросы обороны.

– Сбавь уже тон, Крис, – улыбался Кадж, который как раз письмо вместе с клириком и составлял. – Король занят, но нас примет. И нет ничего плохого, чтобы его секретари для начала ознакомились с заявлением – король один, а просящих тысячи!

Город Королей был огромен, но не намного больше других городов, которые путники успели миновать. Будто роскошь и богатство не сосредоточились в одном месте, как это было в Левоморье, а равномерно размазались по всему материку. Население этой страны было меньше, но при этом они умудрились лучше обустроить быт. Горожане, как и сельские помещики, выглядели богачами. Но ведь какая-то часть жителей должна была их обслуживать: вот там извозчик, вполне себе респектабельный на вид и одетый в утепленную мехами куртку, а меха сюда только из Левоморья завозили. Остановила извозчика молодая девушка с корзинами и приказала ехать на рынок – наверняка кухарка, но при этом не идет пешком, а закупает продукты в комфорте да с ветерком. Монахов на улицах тоже встречалось немало, но они суровыми взглядами провожали всю компанию и кланялись лишь Камышу, однако не останавливая того расспросами.

В заезжий дом почти сразу прибежали секретари – заявили о необходимости для начала изложить просьбу письменно, трижды извинились за вынужденную бюрократию, а потом посоветовали обзавестись респектабельными нарядами: хоть король и демократичен в этом вопросе, но дворцовый этикет никто не отменял. Потому-то несколько солдат по приказу Кажда отправились на рынок за одеждой для пленников. Солдатам и монахам разрешалось оставаться в форме.

И вот когда друзья вымылись и приоделись, Отрава испытала приступ слезоточивой ностальгии: цветущая Нанья в зеленом длинном платье, так

подчеркивающим ее рыжину; Лю в замшевых штанах и жилете, почти таких же, как когда она увидела его впервые в Тихой Речке; и Кристофер – в белом костюме из брюк и сюртука, как в Левоморье кровопийцы одеваются. А этот будто в белом и родился, так ему шло! И ощущение возможной близости душ и эмоций тут же приказало долго жить – кровопийца же! Рожден кровопийцей и горд быть кровопийцей. Вон, даже королевские секретари с него влюбленных или ошарашенных взглядов не сводят.

– Крис, тут нам тему письма надо сверху присобачить, и мы с уважаемым клириком расходимся во мнениях: теологический или военный вопрос?

– Военный, – выбрал Кристофер. – Или постой... Пиши – стратегический.

– Стратегический? – расхохотался капитан. – Мы только решать будем, считать вас четверых рабами или нет. И учти, друзей твоих могут отпустить, но тебя ни за что. Так что напрасно ты эту кашу заварил.

– Посмотрим.

Наутро секретари вернулись уже в королевских каретах, приглашая гостей на аудиенцию во дворец.

Отрава ожидала увидеть роскошь, о которой уже забыть не сможет. Раз в Правоморье даже простой народ жил богаче, чем на родине, то дворец должен быть стократно грандиознее их Столичного. А тот по описанию Лю и воспоминаниям из позапрошлой жизни она хорошо представляла. Но когда кареты остановились возле почти обыкновенного дома на центральной площади, она не могла поверить своим глазам: тот от остальных отличался только светло-серым цветом, да незначительно – размерами. Ну и золотыми гербами на дверях. Подчеркнутая скромность выглядела карикатурно: якобы смотрите, король живет примерно так же, как обычный крупный торговец или помещик! Но бормотание клирика зрелище добивало окончательно:

– Грех это – золотом гербы украшать. Ничего страшного, если б железными были и краской нарисованные. А то в этой жизни он король, а в следующей рабом родится. Не аукнулись бы гербы золотые...

А ведь еще Кристофер во время путешествия рассказывал что-то об их странной политической системе: наследственная монархия, но с ограничениями. Если действующий король плохо справляется со своими обязанностями, то его возможно сместить – без войн и революций. Достаточно было получить вотум недоверия от городских Советов, какого-то количества было достаточно, чтобы нынешнего короля попросили

отойти в сторону и уступить благое место следующему по праву наследования. Поскольку разросшихся королевских семейств было несколько, то всегда и претендент отыщется. Судя по всему, должность эта была ответственная, почетная, но представляла собой тяжкую ношу – всегда между народом, следующим наследником и Орденом Небесного Света. Потому-то на правоморском троне засиживался лишь тот, кто мечтал свою жизнь положить на благо отчизне, а не в роскоши искупаться. Король Правоморья, Воздух Девятый, был возвращенцем. Но на правоморском престоле до него сидели и кудесники, и перевертыши.

Войдя в залу со светящимися стенами, Отрава испытала благоговейный трепет, несмотря на относительно простую обстановку. Все же с лицами такого статуса она в этой жизни не встречалась. На троне восседал грузный и очень старый мужчина, рядом с ним размещалась такая же седовласая женщина – королева, а на стульях пониже разместились трое советников, тоже один другого древнее.

– Все, кроме лиц духовных, должны преклонить колени перед Его Величеством и Ее Величеством, – подсказал сопровождающий секретарь.

Ну конечно, монахи голову склоняют только перед Небесным Светом, потому-то клирик горделиво прошел вперед, встав прямо перед троном короля. Кадж, единственный из военных, кого сюда пропустили, тут же рухнул на одно колено. Отрава последовала его примеру. А остальные стояли как вкопанные, вызвав недоуменную паузу.

– Я Лю, страж первого ранга, принесший присягу лично Их Величеству Второму, не уполномочен подчиняться иным особам, кроме сюзерена. При всем уважении, Ваше Величество.

Отрава, открыв рот, смотрела на него, ощутив прилив беспричинного восхищения. Все-таки его преданность императору была словно материальной, возвышающей над всеми прочими людьми.

– А я кровопийца, – сказал кровопийца. – У нас ноги вообще не приспособлены для того, чтобы гнуться без повода.

– А я... – Нанья взволнованно озиралась. – А я за компанию!

Но когда на нее устремились взгляды буквально всех присутствующих, не выдержала, и тоже рухнула на колени.

Секретарь что-то насвистывал позади истеричным шепотом, а советники качали головами, но Его Величество вдруг рассмеялся:

– Ладно, чужеземцы, что с вас взять! Страж первого ранга, говоришь? – он присвистнул, как какой-нибудь заправский пастух, а не первое лицо государства. – Как так получилось, что ты незаконно пробрался на торговое судно? Ведь вам дают только самые важные

императорские поручения!

Отрава неуверенно поднялась на ноги. Кадж, подскочил на месте, замер и вылупился на Лю, а потом зачем-то на Криса, словно обвиняя, как ему-то о такой важной вещи не сообщили. Но Лю отрезал:

– Не уполномочен говорить. При всем уважении, Ваше Величество. Могу заверить, что речь не шла о шпионаже или любом другом поручении, касающемся межгосударственных интересов.

И сказано это было так, чтобы не оставить сомнений: хоть пытайте, хоть убивайте, но больше на эту тему он не произнесет ни слова. Гордость в груди Отравы выросла до такого размера, что даже начала немного давить.

– Так-так-так, становится интереснее! – король позы не изменил, но глянул на супругу, которая тоже выражала любопытство. – Если быть честным, то вашу заявку я мог рассмотреть и в письменном виде. Но уж больно Ее Величеству хотелось на живого кровопийцу посмотреть. Да приписка сверху «военно-теологически-стратегический вопрос» заинтриговала своей бессмысленностью.

– Ваше Величество, так что там с незаконностью действий наших торговцев и пиратов? – не выдержал монах. Он никогда терпением не отличался, благо, на этот раз хоть посохом не размахивал.

– Действия по захвату и продаже рабов признаю незаконными. Посему повелеваю: торговое судно лишить лицензии, капитана, клеймившего свободного человека, клеймить тем же образом и продать в рабство, – один из советников кивнул, подчеркивая, что этот вопрос они уже успели меж собой обсудить. – Нам не нужен враг еще и на другой границе! Если речь идет о беглых преступниках, то обращать разрешается, но только после запроса в Левоморье. Однако, – на этом ненужном слове победная улыбка Отравы погасла, – в данном случае речь идет о национальных интересах. Наши предки совершили грандиозную ошибку, уничтожив кровопийцу, и я готов пойти на несправедливость, лишь бы ее исправить.

– Вы нас еще для размножения отлавливайте, – подсказал Кристофер не без сарказма.

– Уже пробовали! – удивил король. – Но легче тухляка заставить полы мести, чем вас по принуждению... хм... размножаться.

– Один момент. Я пытаюсь себе это представить, – преспокойноотреагировал Кристофер и через две секунды добавил: – Уморительно.

Судя по лицам советников и самого короля, они не испытывали сожалений. Но объяснял Его Величество – он вообще производил впечатление очень вдумчивого и миролюбивого человека:

– Ты должен понять. Мы тысячи лет воюем с Каменноземельем и до сих пор как-то справлялись. Но когда с ними стали появляться кровопийцы – это знак. Разве кровопийцы будут сражаться на чьей-то стороне, если у них нет своих интересов? Просвети нас.

– Не будут, – Крис ответил сразу же. Очевидно, эту тему он уже успел обдумать досконально. – Это знак того, что единичные набеги скоро превратятся в организованную экспансию. Кровопийца не будет рисковать жизнью за горсть золота или пару рабов, но за территорию – вполне. Пока это всего лишь разведки, но скоро вас ждут тяжелые времена. Скорее всего, кровопийц у них тоже немного, иначе Правоморья бы уже не было.

Королева ахнула и прижала морщинистую руку к груди, король кивнул:

– Наши историки пришли к такому же выводу. Поэтому мы обязаны сделать все возможное, чтобы это предотвратить! Посему повелеваю: украденное вернуть; согласно третьей поправке с возвращенки, кудесницы и перевертыша снять статусы рабов; первым кораблем отправить в Левоморье и передать страже порта – пусть сами разбираются; телесные наказания за воровство отменить... в качестве извинений. Кровопийцу оставить при военной крепости Мираль под роспись капитана Каджа, который будет отвечать головой за побег или смерть. Повелеваю также: повторить распоряжения по всем судам выявлять кровопийц и немедленно сообщать об этом в ближайшую военную крепость. С каждым попытаюсь разбираться отдельно, но отпускать... – и он вдруг перешел на тихий и совсем неофициальный тон, – мы не можем теперь себе этого позволить.

Кажется, это решение устраивало и советников, и торжествующего капитана Каджа, и даже монаха. Отрава надеялась, что друзья, как и она, думают только о том, что непременно найдется способ вернуться за Крисом! Их под конвоем вернут на родину, но там они снова сбегут и повторят путешествие – второй раз уже не так страшно. Но голос Кристофера звучал по-прежнему бесконечно умиротворенным:

– Тупиковая стратегия, Ваше Величество, вы не видите картины целиком, – после этого заявления Кристофера секретарь позади вскрикнул что-то об уважительном тоне, а один из советников шагнул вперед, но король остановил того взмахом руки и кивнул Крису, разрешая продолжать. – В Левоморье истребляют кровопийц. Возможно, наша страна идет тем же путем, что и вы когда-то.

– Что?! – король вскочил на ноги.

– Не массово, только первые шаги, на дальнем севере. Но и вы же своих вырезали не за два дня.

Король в недоумении смотрел на советников, и один из тех сказал скрипучим голосом:

– Мы об этом не знали. Но если так и есть, то это может быть политикой государственной власти! Или их Великого Кудесника, который постоянно плетет интриги.

Последнее предположение было неправдой, но об этом знала только Отрава и пока не считала, что может обнародовать столь важную информацию. Кристофер ответил:

– Если это политика государственной власти, то кровопийцы с удовольствием сменяют место жительства, – на этих словах король рухнул обратно, но слушал с удвоенным интересом. – Кровопийцы – плохие солдаты, но хорошие организаторы и прижимистые землевладельцы. Постройте для них замки по побережью. Их даже просить больше ни о чем не нужно – они сами организуют оборону своей территории так, как никакой военный гарнизон.

– А ты не преувеличиваешь способности своей расы? – не поверил король.

Тут и Отрава не знала точного ответа. Но это был бы лучший вариант для всех! И кровопийцы наверняка способны сделать невозможное, лишь бы их покой какие-то там варвары не тревожили.

Но король уже принял решение:

– Повелеваю...

– Протестую, Ваше Величество! – взвился клирик. – Кровопийцы уничтожили не просто так! А вы хотите тут их целыми семьями расселять?

– Повелеваю, – с нажимом повторил король, – советнику по финансам начать подготовку проекта строительства, посчитать, какие средства и в какой срок мы можем выделить для этой цели из казны, – один из советников поклонился. – Повелеваю: на будущей неделе собрать глав Ордена Небесного Света для обсуждения изменений в долгосрочной национальной стратегии! – поскольку клирик снова запричитал, король добавил тише, уже не приказным тоном: – Разве духовные лица считают меня плохим правителем? Разве я так долго на своем месте не потому, что и ваши братья меня считают справедливым и способным принимать сложные решения, уважаемый клирик?

Камыш согласился:

– Именно поэтому, Ваше Величество, именно поэтому!

Видимо, перед ними сидел на самом деле выдающийся человек – клирик не был способен юлить и лицемерить. И раз он так быстро сдался, значит, и духовные лидеры их братства признавали авторитет короля.

Однако тот же советник, что говорил в предыдущий раз, добавил задумчиво:

– Если истребление кровопийц – указ Их Величества Второго, то он не позволит им так запросто уйти! Возможно, нужно отправить дипломатическую миссию в Левоморье...

– Вряд ли это поможет, – перебил Кристофер. – Нашему императору нет необходимости менять свои решения, пока ему нож к горлу не приставят. А ваша война так далеко от их дворца, что кажется пустяком. Тут нужен военный союз. Если Правоморье падет, враги доберутся и до нашего государства. Разве не об этих надвигающихся бедах предупреждал Великий Кудесник?

Он посмотрел на Лю, который едва держался, чтобы не наброситься на него, но ничего не отвечал.

– Военный советник, что скажешь? – король теперь уже не мог усидеть на троне, бесконечно вскакивая и шагая туда-сюда.

– Скажу, что при военной поддержке мы справились бы куда лучше! Левоморье отстает от нас в производстве оружия, но армия из кровопийц, перевертышей и кудесников нам бы не помешала. Надо непременно отправить дипломатическую миссию... две, три, десятков, если потребуется!

– Или сделать проще, – раздался холодный голос кровопийцы, к которому теперь прислушивался каждый. – Сместить Их Величество с престола и посадить туда кого-то с мозгами.

– Ах ты, ублюдок... – Лю кинулся на Криса, но тот уклонился. Кадж подлетел и обхватил перевертыша руками, чтобы не устроил драку прямо в тронном зале.

– Тихо всем! – рявкнул король. – А ну, поясни, что ты имеешь в виду! Революцию затеял? Не слишком ли кардинально?

Кристофер коротко пожал одним плечом:

– Пока не знаю. Вы не обороняетесь, вы латаете дыры, и когда враги решатся на организованную атаку, у вас не будет шанса. Уже в Мирале я понял, если ничего не предпринимать, то уже завтра каменноземельцы будут точно так же атаковать замок Кирами. Мне все равно, с помощью революции или договоров, но я сделаю все, чтобы этого не произошло.

Долгую гробовую тишину нарушил отчетливый приказ короля:

– Повелеваю: тайно перевезти всех четверых в Левоморье и дать полную свободу действий, снабдить золотом и необходимыми документами. Военный советник, отбери десять лучших бойцов для их защиты. Кристофер Кирами, я отпускаю тебя, потому что верю – ты сделаешь больше на свободе, чем будучи на привязи в Мирале. Решите все

миром, если это возможно. Или хотя бы тайно переселите к нам кровопийц – обещаю, им будут даны земли и гражданские права. Я даже не стану оставлять кого-то в заложниках из твоих друзей... или врагов, – он указал на Лю, – потому что верю своей интуиции – ты не лжешь. А если ничего не выйдет, то не потому, что ты не пытался.

– То есть книжечку я себе могу оставить? – быстро сообразила Нанья.

А Отрава стояла ни жива, ни мертва. Ее предназначение состояло в том, чтобы способствовать падению императорской династии. И Великий Кудесник уже тогда добрым словом упоминал кровопийц. А не было ли ее единственной задачей соединить эту компанию, чтобы она оказалась в этот миг в этом самом месте? Где уже отчетливо прозвучало слово «революция». Где мудрый старый король смотрит на Кристофера так, будто и не удивится, если именно тот станет новым императором Левоморья. На ее глазах словно детская мозаика складывалась в почти уже понятную, но оттого не менее страшную, картинку.

Эпизод 22. Почти дом

Ехать с почетным караулом, а не под конвоем – совсем другая песня! Настроение у бывших пленников взметнулось ввысь и не собиралось оттуда спускаться, даже если бы Небесный Свет рухнул на Подземную Тьму. Единственным, кого сия приятная чаша миновала, предсказуемо оказался Лю:

– Кирами, скажи, что это была очередная ложь! Дай мне хоть один повод не убить тебя во сне.

Кристофер мог и соврать – да в глазах Лю читалась искренняя надежда, чтобы соврал – но тот ответил искренне:

– Пока сам не знаю, что делать дальше. Но суть та же, перевертыш. И если бы не твоя собачья преданность Их Величеству, ты бы тоже увидел суть.

– Тогда мы враги, – обреченно заметил Лю. Судя по всему, это признание ему далось нелегко.

– Зачем нам враждовать? Возможно, когда-нибудь мы разойдемся по разные стороны, но ведь пока для этого нет повода. Не убивай меня во сне, перевертыш, Небесным Светом молю.

Его глаза смеялись, но Лю веселья не разделял. Однако кивнул, соглашаясь оставить этот спор до тех времен, пока слово «революция» не прозвучит снова. При этом ни Отрава, ни Нанья не знали, какую сторону они выберут, если такое произойдет. Разве не полагается им оставаться вместе, что бы ни случилось?

Самого Кристофера эта дилемма не беспокоила – наоборот, он был увлечен каким-то другим вопросом. Сначала долго обсуждал что-то с Каджем и клириком, а потом расспрашивал Нанью наедине. Та в поисках ответов на его вопросы все время ныряла в бесценный Трактат Большой Магии, который с таким трудом выторговала. О, как она причитала по поводу Отравинного клейма и несправедливости страданий подруги! Ровно до тех пор, пока король не махнул устало рукой и не приказал секретарю возместить господину Иракию ущерб золотом. Что именно теперь искала в книге Нанья было неизвестно, но Отрава хорошо ту изучила – если есть что-то важное и интересное, то сама не выдержит и выложит все за милую душу. Поэтому и расспрашивать незачем.

Во время путешествия внешность Кристофера Нанья меняла только для остановок в городах, он стал возражать против этого, если не

требовалась конспирация. Но в эти короткие периоды Отрава снова чувствовала жгучую тяжесть на сердце, пытаясь разглядеть под грубыми чертами кровопийцу. Но могла рассмотреть лишь то, что отсутствие красоты и изящества ее совсем не отталкивают. Она даже рвалась попросить его навсегда таким оставить, но сдержалась – у такой просьбы не было оснований. Но сам Кристофер явно избегал ее в эти периоды, сводя общение к минимуму. Нанья неуместно подливала масла в огонь, переспрашивая, когда они оставались наедине в заезжем доме:

– Тебе нравится наш Крис?

– Я... я не знаю!

– А вот ты ему точно нравишься!

– С чего ты взяла?

– Потому что он не позволяет тебе привыкнуть к его измененному лицу, вот с чего! Хочет, чтобы ты видела его только таким, каков он есть. Разве сама не замечаешь?

Эту тему Отрава поддерживать отказывалась, и наконец-то нашлась другая, ставшая слабым местом подруги:

– Наньичка, рыжуля моя дорогая, а не заводишь ли ты эту канитель специально, чтобы глаза отвести от своих сердечных дел?

– Каких еще дел? – та сразу обиделась.

– А то я не вижу, как вы с Лю... сдружились! Все ближе и ближе друг к другу в повозке сидите, все чаще шепчетесь!

– Э-э... Ну я... Ну мы... Ведь ты не была бы против?

– Так ты боишься моей реакции и только потому нас с Крисом пытаешься свести?

– Нет! Не потому!

Возмущение Наньи не было наигранным, но зато она поняла, что если позволит себе затронуть эту тему, то и за Отравой не заржавеет ответить тем же.

Решено было явиться в Левоморье под видом правоморских торговцев, даже тканей для вида прикупили, а десяток солдат из королевской гвардии беспрекословно переоделись в штатское, но подчинялись только распоряжениям Кристофера, что злило Лю еще сильнее.

В порту пришлось сделать остановку на несколько дней. Там дожидались возвращения знакомого пиратского судна, а на берегу капитана уже караулил отряд внутренней армии, чтобы арестовать по приказу короля. И вот тут-то неоднозначный характер Кристофера расцвел шлячковым цветом – в Левоморье они отправятся именно на этом корабле. Он ничего не имеет против команды, если те ничего не имеют против него.

Для гвардейцев требование прозвучало блажью, но друзья хорошо знали: кровопийца – не кровопийца, если не отомстит. Отрава с Наньей потратили немало времени, чтобы его переубедить. В итоге сошлись на том, что матросы не виновны, а вот Чирк... Кудесник Чирк заслужил встречи с Кристофером.

Но тот разочаровал: как только капитана схватили на берегу, Чирк вскинул руки, отбрасывая солдат, и побежал. Кристофер, который до последнего не хотел показываться, вылетел из укрытия, перехватил бедолагу и вгрызся в шею. Откинул уже мертвое тело и выдал обреченное:

– Месть накрылась Небесным Светом. Ну, хоть поел.

Перешагнул через труп и, опечаленный, зашагал к шлюпке. Свидетели этого действия, занявшего не больше минуты, сопровождали его блудцами выпученных глаз и разъявленных ртов. Да, с общественным мнением по поводу кровопийц тут сложно будет что-то сделать, особенно после подобного зрелища. В Левоморье за десять тысяч лет их любить не научились, хотя там они вели себя куда сдержаннее.

Отрава стояла на палубе и вглядывалась в море. Чем дальше они удалялись от берега, тем реже встречались птицы, но сама вода привлекала внимание бесконечными переживаниями красок. Странное зрелище: вроде бы ничего не происходит, а взгляд оторвать невозможно, и внутри, несмотря на шум, наступает тишина, даже мысли останавливаются, приводя разум в туманное, но приятное состояние ленивого покоя.

Эта расслабленность помешала вздрогнуть, даже когда она внезапно почувствовала чужое присутствие. Только глянула вполборота и так же лениво улыбнулась:

– Привет, Крис. Я думала, что ты и это путешествие проспишь. Как там Нанья?

Морская болезнь у подруги не отступала. Она еще на правоморском берегу разнылась: «О-о, нет, опять эта хрякова качка...»

– Она-то точно проспит, ей же лучше. А я больше так рисковать не стану – еще не забыл, в какую кашу вы попали, когда мне в прошлый раз вздумалось отоспаться.

Кристофер стоял слишком близко, Отрава повернулась к нему и оперлась на перила, при этом отступив на шаг.

– А с Лю вы по-прежнему не разговариваете?

Он попытался изобразить улыбку – вышло так себе, его лицо не было предназначено для такой вопиющей мимики.

– Это пройдет. Ему, как и всем перевертышам, сложно перестраиваться, а он умнее многих. Значит, пройдет. Просто нужны время

и обстоятельства. Но если бы мы с Лю встали друг против друга, где была бы твоя сторона?

Отрава вздохнула. Ответ был готов давно, хоть и не слишком походил на ответ:

– Надеюсь, мне никогда не придется выбирать.

– До сих пор любишь его?

Вопрос ее потряс. Слишком неожиданная смена разговора, а в серых радужках пляшут темные хряки. Отрава смутилась, понимая, что к такому направлению беседы пока не готова. Молча отвела взгляд.

– Отрава, – позвал Кристофер тихо. – Когда Нанья изменила мою внешность и сделала похожим на возвращенца, я кое-что понял. Слышал, как стучало твое сердце. И в те моменты ты точно не любила Лю. Скажи, если ошибаюсь.

Ей захотелось убежать и спрятаться. Сначала подумать, а потом обязательно что-нибудь ответить! Но не сейчас. Сейчас – это чересчур сейчас, чтобы получился правильный ответ. А он, будто угадав ее намерения, вдруг шагнул ближе и уперся руками в перила по обе стороны. Возможно, хотел добиться ответа, ведь так не уйти и даже отвернуться невозможно. Или хотел именно оказаться еще ближе?

– Крис... – Отрава знала, что он сейчас слышит стук ее сердца, но вполне может списать это на волнение или страх. – Пожалуйста, отодвинься. Это как-то слишком...

Пауза.

– Что? Продолжай, я ведь слушаю. Что слишком?

Она смотрела в сторону и точно знала, что сейчас не выдержит прямого взгляда. В груди разрывалось противоречивостью: одновременным желанием убежать и чтобы он хотя бы руки ее коснулся. Но он, стоя вот так совсем-совсем рядом, не задевал ее даже рукавом. И это выводило из себя больше всего остального.

– Я повторю вопрос, Отрава. Я правильно понял, что если бы не был кровопийцей, то сейчас ты бы не сопротивлялась себе?

Это абсолютно другой вопрос! Прозвучало вообще не так, как было на самом деле! Незначительный проблеск злости прибавил смелости. Она даже взглянула на него, но тут же снова отвернулась и сказала тише, чем собиралась:

– Крис, я не знаю правильного ответа. Но разве не ты сам сказал, что это невозможно? Когда я умру, ты будешь все таким же молодым, впереди тебя будут ждать тысячи лет. Тогда зачем думать о невозможном?

– А если бы это было не так?

Да он просто сошел с ума! И ее заодно с ума сводит, чтобы в одиночестве не безумствовать! Отрава от этой мысли или от дурацкого смятения разозлилась окончательно:

– Извращенец!

Он тут же отступил, развернулся и пошагал к каютам. Даже взгляда ей напоследок не бросил! Отраву затрясло от перенапряжения так, что она едва устояла на ногах. Отрава заставила себя повернуться к морю в поисках ленивой безмятежности, но и то теперь не помогало.

И что же сделал этот высокомерный белобрысый чурбан, вместо того чтобы вернуть ей спокойствие? Завалился спать и приказал не будить до прибытия! Не будь он таким эгоистом, то дал бы Отраве возможность извиниться за резкое слово, да где ж там – им же до чужих горестей дела нет! Настроение принялось колыхаться в такт с морским волнами.

Через два дня Отрава наблюдала, как Лю будит Нанью и бережно усаживает ее, чтоб поела. Нет, появившаяся нежность в его жестах не показалась. И та, только мутные глаза открыла и его увидела, сразу улыбаться начала – сонно, но с неподдельной теплотой. Она и в короткие моменты бодрствования полностью в себя не приходила, но некоторые вещи успевала замечать:

– И ты тут, ядовитая моя? Кто тебя обидел? Только скажи – я им всем... – и снова закрыла глаза, потому Лю ее принялся трясти за плечи.

Отрава подползла ближе к лежанке, чтобы помочь. Взяла тарелку, зачерпнула ложкой кашу.

– Да никто меня не обижал. И команда бывших пиратов никаких хлопот не доставляет. Они решили, что вполне могут поработать за свои делишки, вместо разбирательств с внутренней армией. Просто скучно тут.

– А Крис где? – снова очнулась Нанья.

Лю процедил раздраженно:

– Господин революционер изволит почивать!

– Да хватит дуться, Лю! – встrepенулась Нанья. – Отрава ведь должна императора спасти, а разве Крис пойдет против нее? Но ведь в чем-то он прав, делать что-то надо, – поскольку Лю заскрипел в ответ зубами, засоня решила сменить тему: – Ядовитая моя, а у вас отношения с Крисом пришли хоть к какой-то определенности? Когда я в последний раз засыпала, он был сам не свой...

– Какой еще определенности?! – Лю перестал поддерживать подругу и вскочил на ноги. – Отраву укачало, или испытаний на ее долю пришлось слишком много, что у нее разум помутился? Блажь это все! И извращение!

Последнее слово теперь зацепило Отраву несправедливостью. Разве ее

мысли или поступки можно было описать таким гадким словом? И даже ее отношение к кровопийце – да это можно было назвать чем угодно, но только не извращением. Она уверенно вскинула голову:

– Не стоит так говорить, Лю, все-таки я твой друг. Настоящий друг, а не по клятвам! – она специально это подчеркнула, не собираясь подбирать менее точные, но более мягкие слова. – И потому не хочется слышать осуждение хотя бы от тебя.

Он с очень серьезным видом кивнул и заставил себя снова усесться на пол:

– Прости, Отрава, я неверно выразился. Мне кажется, что Кирами... это совершенно точно не то, что тебе для счастья нужно. Хотя ты и смотришь на него... как на меня никогда не смотрела.

Нанья лупанула его по плечу – кто бы мог подумать, что в ней столько энергии теплилось в ожидании повода:

– Ревнуешь, что ли?

– Нет! – теперь он смотрел на Нанью, попутно краснея. – Просто... вот вы сами подумайте: если мы с тобой поженимся, – на этом слове начала краснеть и Нанья, выражая так несвойственное ей смущение, – у нас родятся дети – перевертыши или кудесники. У Отравы будут возвращенцы или унаследуют расу ее мужа. А как это бывает с кровопийцами?

Настолько далеко идущие планы Отраве в голову не приходило обдумывать! Сколько пошлости в одной только мысли! Но Нанью, доселе неведавшую скромности, этот вопрос сразу обеспокоил:

– А что если у них все не так устроено? Может, они вообще почкованием размножаются? Никто ж не интересовался! Лю, может, тебе это каким-нибудь образом подглядеть? И у Отравушки нашей любовь сразу пройдет...

Отраву от возмущения подкинуло вверх, а потом и вышвырнуло из каюты – это же надо, такие вещи обсуждать! Конечно, в таинство брачных отношений она еще в подростковом возрасте была посвящена – тихим шепотом да с едкими смешками, когда они с друзьями собирались где-нибудь в поле, чтобы как раз такими тайнами делиться. Но она ведь даже ни с кем не целовалась... А-а, нет, разок было. Кстати, с Кристофером и было.

С таким бардаком в голове на сон вообще рассчитывать не приходилось. Но зато за время бессонницы она многое обдумать успела: не каждый росток достоин права на жизнь, как не каждое чувство следует поливать грезами. Возможно, все так внезапно всколыхнулось по простой причине: никто раньше сильного интереса к Отраве не проявлял, а это

ощущение путает мысли, заставляет примерять на себя, неявно требуя ответной взаимности. А если бы она, как раньше Нанья, успевала ловить и подсчитывать на себе каждый восхищенный взгляд, то была бы лучше готова? Может быть, ей обратить внимание на солдат из королевского гарнизона – все, как один, молоды, подтянуты, храбры, ответственные и добры! Бери любого и хоть завтра в платье невесты рядись, не прогадаешь. И хоть никто ей особенно не нравился, Отрава решила – как это Нанья называет? – пофлиртовать?

Однако все ее кокетливые ужимки и повышенный интерес к разговорам за завтраком столкнулись с теми же равнодушными улыбками и ответами, что и вчера. Ни одного крючка, цепляющегося в ответ на ее крючки! Скорее всего, Отрава возомнила о себе невесть что, посчитав внешность свою не хуже Наньиной. И стоит ей только улыбнуться шире или к столу плавно подплыть, как все тут же рухнут к ее ногам! Не тут-то было! Ни один даже не заподозрил, что с ним флиртуют.

И так она отчаялась от этой мысли, что решила выплакаться подруге, даже не обращая внимания на присутствие Лю. Нанья недоумевала и уверяла, что Отравушка, несмотря на свою костлявость, весьма хороша, а многие мужчины костлявых любят! Наверное, так бы сказала любая подруга на ее месте, в качестве поддержки. Но позже все предельно ясно объяснил Лю, который до последнего не хотел принимать участия в девичьей болтовне и даже порывался сбежать:

– Э-э... Отрава, я думал, что ты в курсе, раз так прямо об отношениях с Крисом говорила. Гвардейцы уверены, что вы с ним уже давно вместе, а сам Кирами никого не переубеждал. Я тоже считал это заблуждение удачным: в случае атаки они тебя даже вперед него защищать кинутся – мне на руку. Так что отсутствие к тебе мужского интереса – вполне возможно, элементарный страх за собственную жизнь.

Нанья неуместно расхохоталась:

– Темные правоморцы считают тебя кровопийцевой невестой, а им поленились объяснить, насколько это странно!

И это Отраву тоже разозлило – она теперь вообще готова была злиться от любого пустяка. Но зато смогла заметить, что кто-то из солдат действительно постоянно приглядывает за ней, и даже матросам с пиратского судна не позволяют близко подойти – мало ли, что у тех на уме? Она-то прежде думала, что так они за порядком следят! А не конкретно за ней... кровопийцевой невестой. Само собой, ее никто не остановил, когда она на цыпочках пробиралась в каюту Кристофера.

Уселась там в углу, не определившись, нужен ли им серьезный

разговор прямо сегодня – в последнюю ночь плавания. Уже было решено оставить корабль вместе с солдатами как торговое судно в Золотом Крабе. Пусть ждут на случай срочной эвакуации кровопийц и создают видимость купеческой деятельности. А оставаться незаметными легче вчетвером – и первым делом они наведаются в замок Кирами. Только это и успокаивало бдительность Лю: Кристофер не направился сразу в Столицу, чтобы там все крушить и громить, а вначале предпочел разведать ситуацию и, возможно, получить хоть какие-то сведения от других семей.

Кровопийца может спать и месяцами, если его не будить, при этом его замедленного дыхания почти невозможно заметить. Отрава смотрела издали на лицо, но не пыталась анализировать свои ощущения. За короткий период она успела вбить в голову, что Крис в нее влюблен, хотя сам он об этом прямо не говорил. А она придумала все варианты реакции на то, чего еще не произошло, и, возможно, никогда не произойдет. Однако, застыв в таких отношениях, они с той же легкостью общаться дальше не смогут. Отрава не сможет. Поэтому хоть к чему-то прийти нужно.

– Зачем ты здесь?

Она не вздрогнула и не удивилась. Голос был настолько тихим, что едва различался за шумом бесконечно возмущенного моря. Опустила голову на колени и закрыла глаза – так легче быть откровенной:

– Не знаю. Наверное, хочу извиниться?

– Ты у меня спрашиваешь?

Вздыхнула.

– Мне очень нужно с тобой поговорить, Крис.

– О чем?

Сложный вопрос – да он и сам, кажется, знает, насколько сложный.

– Когда мы жили в поместье у господина Иракия, я знала, что уйду оттуда. Каждый день, каждое мгновение я тратила только на эту мысль. Думала, что задохнусь там, относилась к этому периоду как к вынужденной остановке в жизни.

– Понимаю. Со мной было так же.

Возможно, что он и правда понимал, но суть так и не была произнесена вслух, поэтому Отрава решила пояснить:

– Не просто уйти оттуда, а найти тебя.

– Поздравляю, тебе это удалось.

Да уж, он ничуть не помогает!

– Удалось. Но только потом до меня дошло, почему Нанья и Лю там не задыхались. Им тоже было плохо, но их жизнь не останавливалась.

– И почему же?

Отрава промолчала.

– Я понял. Мне нужно было вырваться из Миралья по похожей причине. И тоже в одном направлении.

Он в самом деле понял, возможно, даже слишком хорошо. Поэтому Отраве пришлось добавить:

– Мне природа этого желания не ясна.

– Слишком много «но», чтобы допустить мысль?

– Именно.

– Тогда зачем ты здесь? – он повторил свой первый вопрос, на который она по-прежнему не знала ответа. А может, ей хотелось услышать ответ от него? Но Кристофер Кирами скорее палубу бросится натирать, чем облегчит кому-то жизнь.

Отрава открыла глаза и выпрямилась:

– Я знаю, о чем ты просил Нанью! Когда она спала, я посмотрела в ее книгу, заложенную на главе о продлении жизни возвращенцам. Она мне и до этого рассказывала, что такое возможно, но...

Она осеклась, потому Кристофер закончил сам:

– Но кроме очень сильной магии, которую Нанья сейчас не потянет, тебе... этому возвращенцу пришлось бы пить кровь.

– И это я прочитала. Я не хочу быть кровопийцей, даже наполовину. Великое Колесо Жизни такого уж точно не простит.

– Я знал, что именно это ты и скажешь. А я не хочу быть возвращенцем... даже если бы это было возможно.

Молчание было долгим, щемящим, но необходимым.

– Крис, как думаешь, мы будем с тобой друзьями, какими были раньше? Когда-нибудь... завтра?

– Не знаю. Но уверен, что чужими точно не станем. Обещаю попытаться больше не поднимать эту тему.

– Спасибо. Я пойду тогда.

– Уходи. И не буди меня больше по пустякам.

Отрава обернулась перед дверью, возмущенная его обычным тоном, который после такого разговора был неуместен:

– Ишь, как быстро господин Кирами пришел в себя!

– Так о тебе забочусь. Завтра у нас тяжелый день, а ты опять начнешь раздражать своим опухшим от бессонницы лицом.

– О себе ты только заботишься!

Ответил он вдруг снова тихо, как в самом начале:

– Видишь, у нас прекрасно получается быть друзьями, какими были раньше.

Отрава вышла за дверь молча.

Эпизод 23. Затишье для переосмысления

Четверка переместилась в шлюпку и направилась в сторону от шумного порта. В Золотом Крабе их могли узнать, и неизвестно, были ли там еще доносчики. Потому сам корабль вместе с королевскими гвардейцами должен был остаться, а друзьям предстояло для начала заглянуть к Сари – узнать последние новости.

Но даже до близкого замка пришлось добираться через приключения – это вам не какое-нибудь Правоморье! Зима тут, хоть и недалеко от моря, уже была заметно морознее, а ведь известно: чем больше тягот выпадает, тем люди злее. А под меховыми капюшонами трудно разглядеть, стоят ли путники внимания.

Первым напрягся Кристофер, но Лю уже через секунду рванул к девушкам и прижал обеих к земле, закрывая собой. Рядом с ним в промерзлую землю вошел арбалетный болт – наверняка осознанно целились мимо, потому что следом из зарослей раздался крик:

– Вы окружены! Положите рюкзаки на землю и идите дальше, тогда никто не пострадает!

– В гостях, как говорится, хорошо, – размеренно ответил кустам Кристофер, – но дома весело.

– Эй, чудила! – не поняли кусты. – Нам для убедительности одного прикончить? Мы заложников не берем, кормить нечем.

– Просто уходите. А то от общения с вами у меня аппетит просыпается.

– Ребят! – раздалось с другой стороны. – Вырубаем мужиков!

И после короткой паузы полетели стрелы. Кристофер от своей увернулся легко. Лю же только теснее сжал девушек, но сам положения не изменил, ведь Нанья затряслась и напрочь позабыла о своей непроницаемой стене. Тогда кровопийца мгновенно оказался перед его спиной, получив одну стрелу в ногу, а две других в воздухе отмел рукой. После этого Лю уже смог поднять голову и бегло осмотреться:

– Человек десять, не больше. Ты бери со своей стороны, а я вправо.

И сразу кинулся в обозначенном направлении.

– Раскомандовался, – отозвался Крис, но распоряжению подчинился и скинул капюшон.

Разбойники разом охнули – причем сразу с двух сторон. Управились быстро – для хорошего зевка требуется больше времени. Большинство, кто

посообразительнее, просто сбежали. Это такой естественный отбор: живой разбойник – быстрый разбойник!

Лю последнему пойманному шею свернул и подбежал к своим. Долго смотрел на стрелу, до сих пор торчавшую у Криса над коленом. Подумал и сказал:

– Спасибо.

Тот почему-то тоже долго размышлял над ответом:

– Я слышу в твоём голосе удивление, перевертыш. И это... странно.

– Ты прав, – кивнул Лю. – Несмотря на все наши разногласия, я для тебя сделал бы то же самое.

– Не сомневаюсь.

Да уж, они вроде бы и оставались друзьями, но до нормальных отношений придется потерпеть.

Зато в замке Сари их ждали теплые постели, нормальная пища и передышка.

– Кристофер? Весьма рады.

Отрава уже и забыла, какими бывают кровопийцы, на долю коих не выпало счастья много общаться с другими людьми. Теперь она ясно видела, насколько сильно изменился сам Крис – на фоне этих полумертвых особ он выглядел живчиком.

– Не присылали ли в ваш замок писем из Столицы? – Лю перешел к делу, как только они вошли в гостиную.

Господа медленно и синхронно покачали головами – как марионетки, прицепленные нитками к одной палке. Нефертити с Клеопатрой вообще к гостям не вышли: то ли затаили обиду, то ли уверовали в тщетность своих надежд. Но и сами господа не выглядели радушными. Отрава решила, что она просто отвыкла от странного темперамента кровопийц, но, очевидно, Кристоферу в голову пришло то же самое:

– Могу ли я узнать причины вашей настороженности?

Сари не ответили, только продолжали сверлить его холодными взглядами.

– Мои родители ведь оплатили долги? – назвал Кристофер один из возможных доводов.

– Оплатили, – наконец, госпожа соизволила разомкнуть бледные губы. – И твоя матушка тепло поблагодарила за помощь. Прекрасная, добрая и достойная женщина. С тех пор мы переписываемся. Но, кажется, я оскорбила ее... своей честностью, так как последний ответ задерживается. Передай ей от меня искренние извинения. В конце концов, вряд ли она виновна, что у ее сына такие серьезные отклонения.

Кристофер мельком взглянул на Отраву, а Нанья понимающе и неуместно хихикнула. Вот все и встало на свои места: дочери рассказали о странных наклонностях Криса матери, та передала это Кирами. Возможно, тешила еще надежду, что родители его образумят. А Отраве стало неловко – нет, не за себя. Ей впервые пришлось понять, под каким серьезным давлением сам Крис находился. Хорошо, что они решили навсегда закрыть эту тему! Она посчитала себя обязанной сказать:

– Уважаемые господа Сари! Пусть будет ласкова ночная звезда к вашим детям! Вы должны кое-что знать: тот... инцидент был обманом! Просто Крису...

– Не смей говорить за меня, возвращенка, – от ледяного тона Кристофера даже кровь в жилах мгновенно остыла. И тем же голосом обратился к господам: – Мы можем остаться на ночь тут, или теперь это неуместно?

– Безусловно, можете, – отозвался господин. – Кровопийцы от своих не отворачиваются, как бы ни была плачевна судьба кого-то из них. Тем более сейчас, когда все больше наших погибает. Связи с Северной Территорией у нас нет, но было бы прискорбно, откажи мы сегодня тебе в приюте, а завтра узнать, что и тебя убили.

Крис только кивнул. Отрава не могла прочитать, насколько он зол. Но это и без того было понятно.

Им, как и в предыдущий раз, выделили две комнаты – те же самые. Быть может, Нанья рассчитывала остаться наедине с Лю, но Отрава не позволила об этом подумать, ведь иначе ей бы пришлось пойти к Кристоферу. А это вряд ли улучшит его теперешнюю репутацию. Так и разбрелись по двум комнатам.

Наверное, с этим замком что-то не так! Например, заколдованная атмосфера, располагающая к конфликтам на ровном месте. Хотя этот спор вряд ли можно было описать как «на ровном месте». Уже через час сначала прислушалась Нанья, а потом и Отрава уловила приглушенные толстыми стенами крики. Не сговариваясь, они рванули на шум.

– Перевертыш, перестань.

Казалось бы, Кристофер говорил спокойно, но картину несколько портил вид сползающего по стене Лю. Тот не переворачивался, но если они не успокоятся до восхода ночной звезды, то уже смогут беседовать на равных.

– Да мне проще прикончить тебя прямо тут! – кричал Лю. – Потому что ты как бочка с порохом – сегодня друг, а завтра предашь императора!

– Перевертыш! – в тоне прозвучало почти осязаемое раздражение. –

Если твой император убивает кровопийц, то это нужно остановить. Любым способом.

– А если это не император?! – Лю сжимал кулаки, но теперь на его шее повисла Нанья в попытке успокоить или задержать.

– Разве я предлагал действовать сгоряча? Хочу разобраться – с тобой. И если это не император, а, например, Великий Кудесник, убьем его. Мне лично все равно.

Отрава закусила губу – она-то точно знала, что Великий Кудесник непричастен. И с большей долей вероятности кровопийц убивают именно по приказу Их Величества: корона уже две жизни назад считала их злейшими врагами! А Великий Кудесник уже тогда был слишком стар, чтобы играть в политические игры – он поддерживал баланс в ожидании, когда явится она, Отрава, и наконец изменит расстановку сил. Теперь ей было очевидно, что не она сама должна явиться во дворец, неся возмездие, а привести туда готового к возмездию кровопийцу.

Нанья неожиданно подлила масла в огонь:

– А разве не ты говорил о своих сомнениях, Лю? Великий Кудесник уже настолько немогущ, что сотню лет не покидает дворец! За ним должность держат только из-за народной любви – ведь благодаря ему было остановлено несколько эпидемий чумы. Разве он такой человек, который стал бы вырезать целую расу, даже если бы мог? Тот самый, который сообщения для тебя всегда передавал через кровопийц, поскольку им доверял, а они доверяли ему?

– И ты, Нанья?! – Лю закричал теперь на кудесницу и оторвал от своей шеи. – Я говорил с тобой об этом не для того, чтобы ты мне нож в спину воткнула!

– Но ведь... говорил же! – Нанья почти рыдала – ей совсем не хотелось портить отношения с Лю. – И это не нож! Это... может быть, последний способ уберечь тебя от ошибки!

– Какой ошибки? Да, Великий Кудесник уже стар, но у него по-прежнему длинные руки! – Лю с бешенством глянул сначала на нее, а потом перевел пылающий взгляд на Отраву: – Она должна спасти императора! Отрава будет спасать того, против кого вы теперь уже так предубеждены! Твоя, Кирами, любимая Отрава! Через нее тоже переступишь?!

Отрава молчала, не в силах сказать, что он давно в меньшинстве. И только ее слово способно поставить точку в этом споре. Поэтому она закрыла на мгновение глаза и глубоко вздохнула:

– Нет.

– Что? – она даже не поняла, кто именно это спросил, да это было и неважно.

– Нет. Я не буду спасать императора. Великий Кудесник искал меня по другой причине. Прямо противоположной, – на этих словах Лю бессильно рухнул на пол. – Императорская династия уже давно не справляется с управлением, видимость порядка только Великий Кудесник поддерживал. И да, его путь на исходе, потому он и предпринял последнюю попытку что-то изменить.

Долгая-долгая тишина. Никому и в голову не пришло злорадствовать или уточнять детали. Все смотрели, как Лю, зажав рот ладонью, качается и обводит рассеянным взглядом комнату. Дали ему время смириться. Или хотя бы уместить в голове.

Через долгое время к Кристоферу и Отраве подошла Нанья, прошептала:

– Скоро ночная звезда взойдет. Сейчас уйдите оба, не хочу, чтобы кто-то пострадал, – и специально добавила для Криса, не позволив ему снова впасть в приступ высокомерия: – Я не хочу, чтобы Лю пострадал!

– А это не опасно – тебе оставаться тут? – Отрава спросила тоже шепотом.

Но ответа не требовалось, перевертыши не способны причинять боль любимым. А Нанье уже удавалось с ним справиться – верный знак искренней симпатии. И уж точно его нельзя оставлять в такой момент без поддержки.

Как только они вошли в соседнюю комнату и захлопнули за собой дверь, Отрава тут же начала с главного:

– Как думаешь, он привыкнет к этой мысли?

– Надеюсь, – Кристофер сел на кровать и на Отраву не смотрел. – Мы в любом случае не позволим ему уйти. Если понадобится, силой потащу. И буду убеждать, пока не смиритесь.

– Потому что он твой друг, или ты боишься, что он вернется в Столицу и успеет там все подготовить?

– А почему нельзя рассматривать обе причины, чтобы считаться хорошим человеком? Разве нельзя в один мешок складывать эмоциональное и рациональное?

Отрава усмехнулась:

– Так ты вдруг захотел стать хорошим человеком, Кристофер Кирами? Не думала, что дождусь такого момента в ближайшие пару тысяч лет!

– Не знаю. Но если и захочу, то у меня тоже будут минимум две причины.

На этот раз он посмотрел в ее глаза, лишь на мгновение. Молча поднял тяжелое пыльное покрывало, скинул на пол, а сам – вот так, прямо в одежде – нырнул под одеяло и отвернулся. Посыл принят – господин изволит отдыхать, разговоры окончены. Да вот только кто заканчивает на самом интересном месте?

Отрава улеглась с другой стороны, но никак не могла утихомирить волнение. Значила ли его фраза, что Кристофер всерьез пересматривает свое отношение к другим в том числе и из-за нее? Из-за симпатии к ней. Лю он считает другом – и хоть прямо об этом не скажет, но некоторые вещи не нуждаются в доказательствах. Но рациональная часть тоже есть – пусть и Отрава посмотрит на него с этой стороны? А если бы посмотрела? А если ей уже и не нужно смотреть на Кристофера с иных сторон, чтобы увидеть?

Она снова перевернулась на другой бок, завидуя сну кровопийц – не засыпают, а будто умирают на время. Лучший способ отдохнуть от мира! Она протянула руку и дотронулась пальцем до плеча Кристофера, а потом осмелела и коснулась шеи. Есть такое неуместное и неконтролируемое желание – быть ближе. Неизвестно для чего, без капли рациональности, так воспеваемой Крисом. Он не проснулся, поэтому Отрава немного пододвинулась. Потом еще чуть-чуть. И еще. Затихла. Прислушалась. Никаких признаков жизни, кроме дыхания – настолько медленного, что интереснее за стрелками часов наблюдать. Снова протянула руку и тут же одернула, вскрикнув от неожиданности – Кристофер открыл глаза:

– И чего тебе неймется? Я ведь лежу, терплю, но ты все успокоиться не можешь.

Щеки у Отравы запылали от стыда, но она заставила себя не отвернуться:

– Знаешь, Крис, мне кажется, что ты хороший человек...

– А это важно? – он смотрел на нее. – Для чего?

– Дай договорить! Я хотела сказать, что ты лучше, чем был раньше, но совсем хорошим – таким как Лю – никогда не станешь. Потому что ты изначально другой. И не нужно! Ты заносчив и жесток – в деталях, но в важном принимаешь верные решения. А Лю пытается быть хорошим во всем – и это его главный недостаток. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, что из-за такой ерунды ты мне спать не даешь. Небесного Света на тебя нет.

Но Отрава, позволив себе говорить, уже не могла остановиться:

– И еще: если бы ты не был кровопийцей, то все вокруг тебя бы любили! Точнее, уже сейчас любят, но ты сам не позволяешь людям в этом признаться: словно это проигрыш в какой-то игре – признаться в симпатии

к тебе и нарваться на циничную насмешку! Но все к тебе привязываются: и Кадж, и Нанья, и даже Лю!

– Плевать мне на Лю. А ты?

Надо же, она столько вывалила, а он расслышал только одно! Отраве пришлось медленно вдыхать, а потом выдыхать, чтобы успеть с мыслями собраться:

– И я.

– Ясно, – Кристофер приподнялся на локте.

Отрава, почуяв неладное в его движении, поспешила объяснить лучше:

– Но про нас с тобой еще запутанней. Между нами эта стена, которую одной привязанностью не сломать...

– Ясно, – он вдруг пододвинулся ближе и снова замер.

У Отравы от паники последние мысли перепутались:

– Конечно, я видела, какими глазами сегодня Сари смотрели на тебя! Это должно быть непросто, но...

– Ясно.

– Что ты делаешь, Крис?

Он уже навис над ней, но чего-то ждал. Или наслаждался ее волнением, бешеным стуком сердца.

– Я ничего не делаю, Отрава. Я просто слушаю тебя, чтобы ни слова из твоего очень важного монолога не пропустить.

– Крис!

– Что?

– Не будь таким!

В его глазах плескалась непонятное: то ли радость, то ли жажда, то ли их гремучая смесь. Притом Отрава не давала повода ни для одной из этих эмоций!

– А каким мне быть, Отрава? Я был спокойным – ты хотела встряхнуть из меня эмоции. Я был заинтересованным – ты сказала, что интерес между нами невозможен. Я отошел в сторону – и что ты делаешь? Не можешь уснуть от мысли, что мне все равно. Так каким мне быть, Отрава, чтобы тебе стало комфортно?

Кажется, именно таким, как сейчас. Но она скорее язык бы себе откусила, чем вслух призналась. Получилось только прошептать снова, но теперь совсем не возмущенно:

– Крис...

Наверное, это и было тем, чего он ждал – не в словах, в интонации. Наклонился ближе – поймал что-то нужное в глазах, поцеловал. Отрава уперлась ему ладонями в плечи, чтобы оттолкнуть. Но что-то пошло не так.

Она случайно пропустила мгновение между яростным сопротивлением и обнаружением себя, утопающей в ощущениях. Сама обнимала, прижимала к себе еще ближе, сама не давала возможности отпрянуть. И уже через короткое время целовала – тоже сама. Попробуй, спиши потом на принуждение. Голова шла кругом от отсутствия мыслей.

Первый ее поцелуй, который в этом же замке когда-то случился, оказался в сравнении вообще не поцелуем. Ни грамма теперешнего напора, ни капли этого волнения. Когда от смешивающегося дыхания хочется кричать, но на крик не остается сил. Только бы никогда не кончалось, только бы не вернулась ни одна мысль! Кристофер будто познавал и себя – не только ее: сначала совсем ласковый, но скоро от ласки и следа не осталось. Он застывал, позволяя скользнуть языком по его клямкам, но надолго его терпения не хватало. Страсть вряд ли уживается с нежностью, да откуда Отраве это знать? Да и ей самой уже десять стуков сердца назад надоела нежность, теперь уже никому не нужная. Пусть только станет еще ближе!

Она изогнулась, когда его рука скользнула от лица по телу, сжала бедро – недостаточно сильно, чтобы довести до одури, но зато обещая впереди полное сумасшествие. И вдруг Отрава оцепенела. Кристофер в тот же миг оторвался от ее губ, посмотрел прямо – зрачки настолько огромные, что серых радужек почти не видно. Голос сдавленный, тихий:

– Я... Я спешу, Отрава? Но разве я спешу?

Он неправильно понял! Отрава вовсе не хотела его останавливать – наоборот, ей было уже невыносимо чувствовать, что он продолжает себя сдерживать! Как будто сам не видит, что она уже все границы и условности пустила темным хряком, что ей только его страсть сейчас нужна. Но в самый неподходящий момент появилась одна-единственная мысль – будь трижды неладен оживший мыслительный процесс – что кровопийцы совершенно точно не размножаются почкованием. Окажись сейчас Нанья в этом положении – на себе бы испытала, насколько огромную глупость ляпнула! Это не то чтобы сразу изменило взгляд на происходящее, просто... заморозило на один миг. Выяснилось, и этого хватило, чтобы все испортить.

Отрава обхватила руками его лицо и сказала с той прямоотой, на которую вообще была способна:

– Нет, Крис. Я слишком сильно разволновалась... Такая ерунда в голову лезет...

– Боишься? – в его глазах промелькнула улыбка, но снова перемешанная с чем-то еще. – Надеюсь, не меня?

Она неловко улыбнулась в ответ:

– Тебя, кажется, никогда уже бояться не научусь. И еще кое-что... Крис, если ты когда-нибудь будешь целовать другую, то я, наверное, этого не вынесу. Хотя ты и кровопийца.

– Не откажись от своих слов утром. И тогда можешь быть уверена – других не будет. Ведь я кровопийца.

Он напоследок поцеловал ее мягко и оставил в покое, укладываясь на бок. И что в таких условиях полагается делать? Просить вернуться на прежнее место? Требовать? Пришлось пододвинуться, уместиться на его плече, поднять лицо и проверить, выдержит ли такую близость. Крис не выдерживал – целовал, но каждый раз Отрава внутри него улавливала ликование, которое теперь отчетливо могла обозначить. В глазах, в каждом поцелуе, теперь бережно-осторожном, чтобы снова не перейти границу, которую он сам себе зачем-то сегодня поставил, – ликование. Но при этом она ощущала то же самое – как эхо его эмоции. И чему они так радуются? Как дети малые, в самом деле! Ведь оба проиграли.

Сейчас бы выбраться из объятий, лампу потушить, в камин полено бросить и попытаться выспаться. Но такой силы воли ни у одного не нашлось. Только закрывать глаза, прижиматься сильнее и не думать о том, что утро когда-нибудь наступит.

Эпизод 24. Замок Кирами

И все же утро наступило – бессердечное и равнодушное, как всегда. А с ним ночные развлечения стали покрываться рассветной патокой и выглядеть немного сказочными. Еще в комнате, когда Кристофер перехватил ее и поцеловал, Отрава тут же смутилась, мягко отталкивая. Хорошо, что так вышло, а то еще решил бы, что они под ручку из комнаты должны выйти! Зачем же подливать масла в хладнокровие господ Сари? Зачем давать друзьям дополнительные поводы для волнения? Отрава не собиралась отказываться от своих слов или поступков, но не видела необходимости срочно посвящать в это остальных. Кристофер, конечно, заметил: когда она за завтраком уселась по другую сторону стола, проводил ее равнодушным взглядом и темы этой не затрагивал. Отраве же от его холодности кусок в горло не лез, будто она какая-нибудь предательница... И все равно не нашла в себе сил, чтобы подойти или просто заговорить.

Сари выделили путникам коней и выглядели почти счастливыми, избавляясь от гостей. До замка Кирами путь недолгий, но и за это время Отрава не нашла повода для откровенных разговоров. Она понимала, что задела Криса, хоть и не собиралась этого делать, а он теперь и пальцем не пошевелит, чтобы облегчить ей задачу.

– Крис, послушай...

– Не надо, Отрава. Толку в твоих словах? Говоришь одно, а делаешь другое.

– Это не совсем так!

– Я устал делать вид, что мне все равно. Поэтому наберись смелости быть при всех одинаковой. Или оставь меня в покое.

Она кивнула, но в ту же ночь решила, что в замке Кирами встанет рядом с Кристофером. Пусть даже ее на части после этого разорвут. Конечно, если он сам наберется смелости и расскажет о ней родителям.

Нашлись проблемы посерьезнее: Лю бежал рядом и даже на ночь в человеческий облик не превращивался, избегая тем самым любых разговоров. Нанья от его настроения тоже хмурилась и помалкивала, боясь затронуть неудобную тему и снова вызвать ссору. Так и получалось, что напряженному молчанию, иногда перемежавшемуся короткими вымученными разговорами у костра, не было конца-края.

Неладное они заподозрили задолго до замка. Мимо пробежал отряд перевертышей, которые не отреагировали на оклик. Очень спешили в

Серебряное Облако или еще куда, но это было странно. После этой встречи Лю перевернулся, и теперь они с Наньей ехали на одной лошади. Он молчал, но что-то в самой атмосфере уже успело измениться. Предчувствие.

Кони словно тоже заразились заторможенностью и сбавили ход, только Кристофер рванул вперед, с такой скоростью, что его капюшон от порыва ветра слетел. Но он о холоде теперь не думал.

Догнали его скоро: за последним поворотом, где начинались покрытые снегом поля. Кристофер спешил и замер, глядя вперед – туда, где на пригорке... не было замка Кирами. Ровная площадка, покрытая черной золой. От этой страшной картины, от осознания у Отравы пересохло в горле. В их сторону спешили несколько крестьян в телогрейках, но их Кристофер не видел. Не отрывая взгляда от неуместной прогалины, зияющей темным пятном посреди белых полей, Кристофер упал на колени.

– Господин! Господин Кирами, это ведь ты? – уже издали закричал один из мужчин. – Тебя так долго не было, что мы решили... Какое горе! Но хорошо, что тебя тут не было...

Лю схватил его за рукав, остановил, спросил сдавленно:

– Расскажи, что случилось.

Остальные тоже притормозили, неловко перетаптываясь на месте. Отвечать пришлось тому же:

– Уже больше двух недель как... Все ведь знают! Мы и в Серебряное Облако сообщили, стража тут постоянно ищет... хоть какие-то зацепки... Но что они могут сделать? И что теперь делать нам? Да и за что...

– Что случилось? – Лю повторил еще суше.

Крестьянин головой помотал, но даже не пытался подбирать слова, говоря сбивчиво, импульсивно:

– Они появились прямо среди бела дня... Армия! Ну... я не видал армий, но очень много... Кудесники будто из-под земли выросли, кругом... Они стены рушили, а вояки выживших добивали. Всех, начиная с перевертышей на воротах... всех... – его голос сбился, но Лю затряс его, вынуждая говорить дальше. Тот старался, хотя губы от волнения побелели: – И крестьян, которые поблизости оказались! За что? Госпожа пыталась сбежать – ее в доме Пролеска в подвале упрятали... Нашли! И ее, и всю семью Пролеска убили... За что? Но кудесники кричали, я сам слышал: «Так будет с каждым, кто кровопийцам служит!». И гербы на щитах блестят, императорские люди... Но за службу разве казнят? А годовалую дочку Пролеска тогда за что, ведь она и не служила...

Лю покачнулся. Нанья застыла, прижав ладони к лицу. Крестьяне

начали взволнованно перешептываться – они не были жестокими людьми, не улавливающими тяжесть момента, но им нужны были хоть какие-то ответы:

– Господин, – тихо позвал другой. – Земля-то твоя... можно ли по весне засеять?

И другой тут же подхватил:

– Мы скорбим вместе с тобой, господин... Похоронили прах твоих родных – они были слишком стары, сразу в прах обратились... Но мы похоронили... чтобы место памяти было! Но ведь и мы по миру пойдем, если не разрешишь...

Кристофер не обернулся. Отраве пришлось отвечать за всех, она и сама не знала, откуда взялась сила в голосе:

– Весной поля засевайте. Урожай продавать придется пока самим, но торговцы этот путь знают – придут и сюда. Но помните, что это земля Кирами! Так торговцам и говорите, тогда они не станут занижать цену. Изберите себе главу – с него господин потом и спросит, и вознаградит. А замок... замок будет построен снова.

Крестьяне с недоумением приняли ее распоряжение, но поклонились в спину Кристоферу. А потом поспешили уйти.

Отрава подошла ближе, тоже села на снег и обняла его сзади. Через долгое время он положил холодную руку поверх ее, но так ничего и не сказал. Затем встал – Отрава не смогла его удержать – и направился в сторону леса. Нанья вскрикнула, а Лю рванул следом. Вцепился теперь в него, как недавно в крестьянина, развернул к себе лицом:

– Послушай! Мы отомстим! Я обещаю тебе!

Кристофер произносил слова очень медленно:

– Почему сюда? Ведь это так далеко от Северной Территории. Почему так открыто? С гербами на щитах?

– Не знаю, – уже тише заговорил Лю. – Но сотворили это убийцы. Никакая справедливость или политические интересы этого всего не оправдывают... Мы обязательно разберемся! Ты только сейчас не уходи – если мы разойдемся, то уже ничего не выйдет.

Кристофер смотрел ему в глаза:

– То есть ты готов пойти против императора? За моих родных или за маленького ребенка Пролеска?

– За всех готов, – неожиданно признал Лю. – Да вот только это мог проверить и Великий Кудесник! – поскольку Кристофер едва не вырвался из его хватки, быстро добавил: – Но если это приказ Их Величества, то мое чувство справедливости трещит по швам. Не знаю, способен ли я нарушить

клятву – и если окажусь слишком слаб, то пусть Нанья меня усыпит или сделает еще что-нибудь, чтобы я не смог помешать! Я готов на это – готов принять последствия, когда дело будет решено!

С другой стороны подлетела Нанья, погладила Кристофера по плечу:

– Если потребуется, то я сдержу Лю, но до тех пор он будет тебе помогать. Мы все будем! И не только потому, что ты наш друг. Просто... иногда надо делать правильные вещи, чтобы себя уважать!

Отрава подошла на ватных ногах, обняла его крепко и заставила опустить голову ей на плечо. Бывает такая боль, которую обязательно нужно разделить, чтобы вынести. Целовала в волосы, в висок, пока он не начал дрожать – хоть какая-то реакция. Жаль, что кровопийцы не умеют плакать.

Остановились в пустом доме Пролеска. Хоть крестьяне их звали к себе, но Кристофер настоял. Под вечер женщины принесли котел с горячей шлячкой да хлеба, а мужики дров притащили. Все-таки левоморские традиции гостеприимства были ближе и понятнее правоморских – тут можно было войти в любой дом и попросить приюта, никто бы не отказал. Но Крису, по всей видимости, нужно было пожить именно в том месте, где погибла его мать. К этому с каким-то особенным пониманием отнеслись и крестьяне. Старая, едва передвигающая ноги, возвращенка зашла к ним уже под ночь, поставила кувшин молока на стол, много расплескав, провела скрюченными пальцами по щербине на деревянной поверхности – вполне возможно, оставшейся от удара мечом, а потом проскрипела:

– Ты не злишь, господин, что твоих вместе с нашими похоронили, – посмотрела белесыми от возраста глазами в окошко. – Там, за оврагом, на нашем кладбище. В тот день нам было не до церемоний. Да и кто бы разбирал – кто господин, а кто бедняк, когда они на одной стороне умирали.

В тот момент Отрава не смогла определить, что именно важное прозвучало в этой фразе, но оно совершенно точно было! Враги своими действиями намертво объединили всех, кто пострадал. Одним махом уничтожили страх или неприязнь к кровопийцам, как минимум, конкретно к этим. Ведь Кирами не причинили крестьянам и толики тех бед, что сотворили пришлые. Если год назад бедняки могли крепко высказаться по поводу господ, пока те не слышат, то сейчас бы никому в голову такое не пришло. Оттого и хоронили рядом со своими, горе всех уравнило. Это изменение в отношении было настолько значимым, словно... словно так и было задумано.

Они дали себе неделю на отдых, а Кристоферу – отмолчаться,

отоспаться, да потихоньку прийти в себя. Отрава отослала в Тихую Речку письмо матери, в котором не скрывала, как сильно соскучилась и переживает за родных. Пусть берегут себя! А когда она приедет в гости с любимым мужем, то хотела бы видеть их счастливыми.

Нанья это время посвятила книге – она утопала в Трактате Большой Магии, как только к нему прикасалась. И повторяла не без гордости, что комплименты ее талантам не были преувеличением, со временем она сможет любое заклинание исполнить, а по описанным в книге признакам ее способности поражали даже ее саму! Она показывала Лю все больше новых фокусов, но Отрава в подробности не вдавалась. Лишь бы кухню не спалили.

– Крис, ты не хочешь прогуляться? Крестьянам важно увидеть, что ты в порядке.

Он открыл глаза – снова лежал неподвижно часами в надежде, что от него отстанут. Но Отрава не собиралась отставать: ни вчера, ни позавчера, ни сейчас – подошла и нагло улеглась рядом, уложив голову на плечо, а потом и разговорами принялась донимать.

Крис ответил:

– Нам нужно в Столицу. И мне тошно оттого, что я никак не могу собраться.

– Не преувеличивай, – она водила пальцами по его груди. И хоть он никак на ласку не реагировал, но чувствовала, что от ее близости ему становится теплее. – На твоём месте другой совсем бы расклеился. И имел бы на это право. Все-таки родители...

– Знаешь, а ведь они уже в самом деле были бесконечно стары, все чаще об этом говорили. Я думаю и думаю об этом. Они будто ждали, когда я женюсь, чтобы самим уйти. У любой вечности есть предел. Именно поэтому произошедшее в корне несправедливо – зачем убивать тех, кто никакой угрозы не несет? Они не пошли бы войной на императора, даже если бы прижало.

– Это в любом случае было бы несправедливо, Кристофер. Но те люди... они должны ответить. Даже если просто исполняли приказы! Посмотри на Лю, ведь он не любому приказу подчинится. В этом и есть честь – преданность, которая уместается в моральные границы.

– Он меня удивил.

– А меня нет! Странно, что ты со своим дотошным анализом всех вокруг не разглядел в нем главного. Лю очень...

– Да замолчи ты уже, надоела со своим распрекрасным Лю.

– Ревнуешь? – тихо усмехнулась она. Любая смена разговора на

пользу. Чем больше Кристофер говорит, тем сильнее отвлекается – а это сейчас только к добру.

– Ревную, – смиренно признал он. – Но ему нравится кудесница, я давно заметил. Так что в любом случае тебе ничего не светит, любительница перевертышей.

Теперь уже Отрава позволила себе рассмеяться громко, возмущенно:

– Какой же ты дурной! Нет, ну это надо же! Разве сам не видишь, что я с тебя глаз не свожу? Повезло, что ты поводов для ревности не даешь, а то во мне бы вообще чудовище проснулось!

Он посмотрел на нее и во взгляде промелькнул огонек – еще совсем тусклый, но уже хоть что-то. Перехватил ее за плечи и крепко прижал к себе.

– У меня тут идея возникла: а давай вместе будем?

– А давай! – ответила Отрава, улыбаясь ему в шею. – Только я по меркам кровопийц не долгожитель. Это ведь ничего?

– Ничего, – согласился он. – И ты скоро станешь презабавной старушкой, я такое зрелище не пропущу. А когда умрешь, то найду тебя в следующей жизни и снова в себя влюблю. По-моему, отличный план.

Отрава не ответила. «Снова влюблю» прозвучало как утверждение, якобы в этой жизни уже все ясно. Спорить было глупо, ведь ясно же. И с ней, и с ним ясно. Ее теперь совсем не тревожила мысль, что Кристофер разлюбит, когда она начнет дряхлеть – невозможно. И если Великое Колесо Жизни не остановится, то он потом непременно ее найдет, Нанья в крайнем случае поможет. И что самое поразительное, Отрава прекрасно понимала, что та, другая девушка влюбится в него снова, несомненно. Разве в такого невыносимого можно не влюбиться? Сомнения оставались только в том, что Кристофер снова заинтересуется, ведь там будет уже совсем другой человек... Но это уже проблемы той девушки, а Отраве на текущую жизнь счастья хватит.

Она приподнялась на локте и крикнула громко, чтобы на кухне расслышали. И чтобы порезать на части устоявшуюся траурную тишину:

– Лю, Нанья! А я влюбилась! Кажется, на все оставшиеся жизни!

– Интересно, в кого? – отозвался Лю. – А то у нас никаких вариантов.

И Нанья подхватила:

– Ну, тогда поднимай его и веди с нами знакомиться. Ему поест нужно, соседка уже два раза с утра заглядывала, кровь предлагала.

На кладбище они ходили вдвоем, и Отрава не отпускала его руку. Пусть крестьяне привыкают к непривычному. Они только первые в череде сотен и тысяч зрителей, которым тоже придется со странной парой

смириться.

Еще через пару дней Кристофер сам поднял вопрос об отправлении. Столица ждет их. Столица десять тысяч лет только их и ждет.

Эпизод 25. Столица

Немногие горят желанием путешествовать по зимним дорогам Левоморья, даже торговых караванов не встретишь. Тем не менее прямой путь в Столицу считался самым безопасным. Разбойники тут рисковали наткнуться на вооруженный отряд, а поджидать случайных богачей, внезапно решивших освежить головы на морозном воздухе, нерезонно.

Нанья перед городами изменяла их внешность – решено было притворяться правоморскими торговцами. Хотя это провоцировало рост любопытства:

– Говорят, что в Правоморье один вельможа на тысячу человек, а остальные рабы!

– А ты скольких рабов до смерти замучила, госпожа?

– Это называется «заезжий дом». Тут люди могут остановиться и передохнуть, ежели золото имеется. Кстати, а правоморские монеты весят меньше левоморских?

Ну, и самое главное:

– Где ваши товары, торговцы?

На последнее Кристофер чинно и вежливо отвечал, мол, все распродано в Золотом Крабе. Но на обратном пути они обязательно накупят местных изделий: заячьих шкур, заговоренной лишай-травки и вон ту странную штуку непонятного назначения. А если его не оставят в покое, то он вполне может изобрести способ совместного использования странной штуки и филейной части любопытного. Левоморцы, как один, после недолгого общения с этим иноземцем впадали в задумчивость и спешили по своим делам. Точнее, переходили к допросам других, более понятных торговцев. Лю по большей части молчал, каждый раз необходимость врать вызывала в нем внутренний протест, потому его начали воспринимать как сурового охранника заносчивого вельможи. Зато Нанья пользовалась спросом – похоже, она родилась для того, чтобы блистать в центре внимания:

– Смотри, знахарь, ты заговариваешь рану сверху, а внутри она продолжит гнить!

– Но ведь мы тысячи лет так лечим! Не молода ли еще поучать?

– Заткнись и слушай Великую Кудесницу Правоморья, старик. Если заклинание немного изменить, то рана будет заживать чуть дольше, но зато потом хлопот не доставит!

Знахарь хмурился, но его помощники, те, что моложе, отодвигали его в сторону, чтобы не мешал:

– А кости заживлять умеешь? Я научился, но если перелом неровный, то потом до конца жизни беспокоит.

– Конечно, юноша, – она была так потрясающе в этой роли, подражая одновременно и Иракию, и кровопийце, что Отрава едва сдерживала смех. – А в правоморской Школе Высокого Колдовства курс этих лекций читала: тут, как и с раной поступать надо – иногда лучше сначала растремить, поправить, чтоб кость на место встала, а уже потом...

– Раненый от такой боли помрет до твоего излечения! – не унимался старик, пытаясь из-за спин помощников подпрыгнуть выше, чтобы и его заметили.

– Да заткните его кто-нибудь! – Нанья изображала раздражение. – Вот тут самое интересное: правоморцы почти не снимают боль локально, они полностью усыпляют человека! Иногда на несколько дней, так он все свои мучения и просплет. Его будить только пару раз в день надо, чтоб от истощения не помер. Но зато так можно самую страшную рану долечить, без спешки!

– Что такое «локально»?

– Я бы последние свои роды проспала...

– Проснуться через неделю – бодреньким, здоровеньким... Это же...

– Уважаемая Нана Величественная из рода Гениальных! Напиши заклинание на листке, сделай милость!

– Конечно, друг мой, мудростью делиться надо. Два золотых и вон ту шаль, будь любезен.

– Ой, а покажи снова огненный вихрь! Бесполезная штукovina, но до чего ж красиво! Не сейчас, не сейчас, вечером! Я детишек со своей улицы соберу!

И Нанья показывала, называя зрелище «фейерверками». Никакой военной значимости этот трюк не нес, насколько Отраве было понятно, но равнодушных не оставалось, когда из рук Наньи в холодный воздух вырывался вихрь, поднимался высоко-высоко, а потом рассыпался разноцветными огнями в разные стороны. Люди, ставшие свидетелями впервые, сначала вскрикивали от страха, но видя, что огоньки гаснут до того, как достигнут земли, успокаивались и просили повторить. Нанья повторяла. В четвертом городе за это представление она уже собрала полную шапку медяков. С шапкой по толпе Отраву ходить заставила. Лю по вечерам ворчал, что так они к себе лишнее внимание привлекают, но и гордости за Нанью скрыть не мог. Ненавидели ее только гастролеры из

актерской труппы, ведь их доходы заметно падали – и во время визита правоморских торговцев в город, и скорее всего на долгое время после. Кто Наньины фейерверки видел, тот от дешевой пьесы уже в восторг не придет.

Так или иначе, но они двигались к Столице, и приближение цели странным образом угнетало. Отрава не могла не думать, что никакого конкретного плана у них нет, но никто и не спешил заводить это обсуждение. Наверное, тоже испытывали страх. Когда на горизонте покажутся белые мраморные стены, их расслабленности придет конец. Но если бед не избежать, можно хотя бы не думать о них заранее.

– Правоморские торговцы? Предъявите бумаги! И добро пожаловать в Жемчужные Холмы.

Это был последний город, в котором они могли передохнуть перед началом событий. Но уже тут стража была серьезней и внимательней:

– Перевертыш, поклянись, что законов вы не нарушали: не крали, не убивали людей, не вели речей против Их Величества. Это так, для протокола.

– Прощу прощения, но мой охранник нем от рождения. За то и держу, – пожал плечами Кристофер. – Но мы были во многих городах, можете отправить туда почтовиков. Разве преступники жили бы так открыто?

На него, как обычно, смотрели с подозрением, приняхивались, но до сих пор стеснялись спросить прямо. А тут один из стражников все же задал вопрос, которого все так боялись:

– Ведь ты возвращенец? Выглядишь возвращенцем, но если бы я закрыл глаза, то хвост бы дал на отсечение, что передо мной кровопийца.

Кристофер неожиданно улыбнулся – Отрава-то думала, что он тренировался этому специально для нее, а оказалось, для подобного случая:

– Хороший нюх, перевертыш. Моя мать возвращенка, а отец кровопийца. Такое в Правоморье на каждом шагу встречается. Вы что, ни разу кровощенца не видали? А вроде Столица недалеко, культурный центр. Стыдоба.

Разинув рты от удивления, стражники переглядывались.

– Д... добро пожаловать в Жемчужные Холмы, господин, – наконец сообразил один и отступил.

Отрава притянула к себе Криса за руку, заставляя наклониться, и прошептала возмущенно:

– Вы только посмотрите на него! Он и с таким носом все равно «господин»!

В ответ только поцелуй получила. На то и был расчет. До чего ж

замечательный кровопийца ей на голову свалился! Теперь, когда Кристофер точно знал, что его чувства взаимны, перестал быть с ней язвительным. Отрава даже Нанье рассказать не могла, каков он на самом деле – особенно когда остается с ней наедине. Отчасти из-за того, что про некоторые вещи неловко говорить вслух, но по большому счету – та бы все равно не поверила. То ли он мгновенно перестал быть невыносимым, то ли Отрава разучилась за ним это замечать. Каждая минута превращалась в ласковое наслаждение или интересные разговоры. Теперь уже и сама Отрава не сдерживалась: едва только дверь в комнату закроется, висла у него на шее и тянулась к губам.

После первой такой проверки на прочность он заявил, что самую страстную любовь они отложат на потом, когда их имена рядышком внесут в брачную книгу. А если она продолжит быть такой замечательной, то он научится плакать. Отрава только хитро улыбалась в ответ – он условия ставит девушке, которая собиралась военную крепость брать, лишь бы свое вернуть! А тут какие-то нормы приличия, тьфу!

– Отрава, перестань, я серьезно. Я едва держусь.

– Ишь, какие мы нежные! Я только в шею его чмокнула, а он уже готов сдаться!

– Отрава, – в глазах смех. – Кажется, я просто голодный.

Она протянула ему запястье, что тут такого? Нанья в соседней комнате, быстро рану залечит. Он отрицательно мотнул головой, но за руку ухватил и в ладонь поцеловал. Отрава запустила пальцы в его волосы и тут же снова потянулась к губам. В серых глазах от смеха и следа не осталось.

– Нет-нет, Кристофер Кирами! – она покачала пальцем перед его носом. – Ты опять не о том думаешь! Надо обязательно подождать, когда наши имена внесут в брачную книгу! Это ведь ничего, если я собственного жениха вот сюда чмокну?

– Да иди она к темному хряку, книга эта...

Он перехватил ее за талию, поднимая, и сразу поцеловал. В такой позе сложно сопротивляться, но Отрава извернулась:

– Держи себя в руках, господин кровопийца! Где это видано...

Конец фразы утонул в собственном смехе, но через пару мгновений стало не до смеха. Кристофер все силы прилагал, чтобы быть с ней нежным, чтобы не причинить ненужной боли своей страстью, но остановиться уже бы не смог. А Отрава и не подумала бы его останавливать. Через несколько часов она только жалела, что они вдвоем не могут оставаться в постели вечно. Кто ж по доброй воле себя такого лишит? Какое-то сумасшествие, не вызывающее ни капли стыда. И

даже почти ленивые поцелуи перед сном – это тоже своего рода безумие, всегда грозящее вылиться в очередную лавину. Поцелуи – это большее признание в любви, чем все остальное, и как Кристофер ее умел целовать – будто ему самому важнее в жизни ничего не приходилось делать. Если бы Отрава не успела влюбиться в него раньше, то обязательно это сделала после первого же такого поцелуя. Любить легко, быть любимой – легко и приятно. Быть любимой самым лучшим – вообще за гранью восприятия.

Лишь увидев Столицу своими глазами, Отрава поняла главное отличие родного государства от Правоморья. В этом городе все, от великолепных стен и заканчивая золотыми дворцами, вопило о роскоши. А уже через пару часов езды в любую сторону начиналась разруха. Все силы, все налоги многочисленного населения уходили на то, чтобы этот город светился издали богатством. Чтобы бедняк, дошедший сюда, совсем недавно голодавший или не сумевший оплатить услуги знахаря для жены, хотя и проработал на поле всю жизнь, упал на колени и проклял свою зрячесть. Откуда берутся разбойники? Не из честных ли работяг, не переживших такого зрелища?

Правоморским торговцам посоветовали самый дорогой заезжий дом. И привычным любопытством не сопроводили: тут все были друг другу чужими, и даже иноземцы большого интереса не вызывали. Едва заселившись, друзья собрались в одной комнате. Пора обговорить следующий шаг, но оказалось, что Лю уже продумал план:

– Во дворец Их Величества мы не попадем с этими бумагами, а раскрывать себя рано. Поэтому никакой слежки с близкого расстояния не получится. Но доносчик говорил о каком-то возвращенце Луче, который его нанял. Мы можем послать ему записку о встрече... на которую не пойдем.

– Понятно, – сообразила Отрава. – Мы только узнаем, чей это человек. Уже неплохо для начала!

Так и решили. Через несколько дней они издали наблюдали за мужчиной, пришедшим в указанное место. Он пробыл там совсем недолго, видимо, сообразил, что не стоило доверять посланию: «Уважаемый Луч! С радостью сообщая, что поиски твои увенчались успехом. Но я выдам находку только за плату, увеличенную вдвое по сравнению с обещанной. Обсудим детали...».

Он уходил довольно быстро, и друзья нацелились проследить за ним, но Лю остался на месте. Остановил их окликом:

– Нет необходимости. Я знаю его. Мы служим... служили вместе.

– То есть это человек императора? – уточнил Кристофер. – А не может он, как и ты, выполнять поручения Великого Кудесника?

Лю обреченно покачал головой:

– Невозможно. Великий Кудесник обманул меня, но сам обман остался в тайне только потому, что я надолго покинул Столицу. Наверное, специально выбирал... по степени наивности.

Тем же вечером на Отраве появилась свечка. Нанья стряхнула ее, и вся компания сменила заезжий дом. Столица тем и хороша, что в ней скрываться можно долго. По всей видимости, море действительно сбило ищеек со следа, и они решили, что Отрава давно мертва. Но после сегодняшнего проверили снова. Дело становилось опаснее, а времени меньше.

– Нам нужно попасть к Великому Кудеснику! – уверенно заявила Отрава, хотя это уже всем было очевидно.

Лю ответил задумчиво:

– К нему не проще, чем к Их Величеству. Кто мы? Какие-то обычные торговцы! Можно придумать вопрос и записаться в очередь, но на ожидание уйдут месяцы. Он слишком стар, не может принимать всех посетителей, как раньше... А к любому из его помощников – тот же риск. Письмо тоже не отправить, наверняка их давно перехватывают...

И все же они решили попытаться счастья. Лю только с ними не отправился – его легко могли узнать. Несмотря на то, что Нанья здорово поднаторела в магических вопросах, Лю подозрительно продолжал напоминать самого себя.

Но в приемной им ответили холодно и монотонно, будто в миллионный раз повторяли:

– Великий Кудесник неважно себя чувствует. Приходите в будущем году. Или обратитесь к любому из его помощников – коридор направо.

– А разве он не является почетным председателем Школы Высокого Колдовства? – осмелилась спросить Нанья. – Может быть, его там разыскать?

Отвечено было точно тем же тоном:

– Является. Но на то он и почетный, чтобы приходить туда только по четным столетиям. Проходим, проходим, не задерживаемся. За вами очередь из таких же... просителей.

Нанья оглянулась на смиренно стоявших позади и возмутилась:

– Да что ж это такое! Стольким людям нужна помощь, а вы...

– Любой вопрос могут рассмотреть наши кудесники. Коридор направо.

– А я, между прочим, правоморская Великая Кудесница! Вот! – кричала все громче Нанья. – Неужели мне по статусу не положена личная встреча?

Это был тот знаменательный день, в котором и Кристофер удостоился пинка, когда их выгоняли.

Лю, выслушав их, огорошил окончательно:

– Знаете, а у меня совсем плохая мысль появилась. Не исключено, что Великого Кудесника уже и в живых-то нет.

– Что ты несешь? – Нанья потирала отшибленный зад. – Да вся страна будет в трауре, когда такое произойдет! Хоть он уже и ничего не делает!

– Вот именно поэтому. Великий Кудесник нужен – как символ справедливости. В каждой деревне верят, что если вдруг начнется настоящая беда, то где-то там, далеко, есть человек, который беду отвлечет. Его именем несчастья и терпят. А его смерть таким образом, как сейчас, можно скрывать столетиями... пока о нем вовсе не забудут.

– И такое возможно? – изумился даже Кристофер, пока остальные вообще дар речи потеряли. – Вот это я понимаю – высокая политика.

Наньина идея не понравилась никому, но все смиренно согласились, понимая, что это последний шанс привлечь к себе внимание.

Кудесница, вернув себе привычный вид и рыжие волосы, вышла на центральную площадь, когда начало темнеть. И запустила фейерверк в небо. Вокруг тут же начали собираться зеваки – такое зрелище изумило даже столичных жителей. Она окружала себя стеной огня, которая, повинаясь ее рукам, вырастала на три человеческих роста, а потом падала вниз и растворялась в мостовой, оставляя черный обожженный круг. И снова залп в небо, на этот раз уже вызывающий громкие возгласы восторга и аплодисменты. Даже Отрава, хоть и не замечала за собой, хлопала, наблюдая за Наньей. Та, прекрасная, будто танцовщица, вообще забыла зачем сюда явилась. Она провела круг над головой, а из ее пальцев посыпались разноцветные искры. И снова вверх – с громкими взрывами и звездами, радугой плескавшимися по темному небу. А после – оглушительная тишина.

– Я – Великая Кудесница Правоморья! – звонко сказала Нанья, обводя взглядом обалдевшую толпу уже из сотен человек. – Приехала сюда, чтобы увидеть своего коллегу. Но он болен и не смог оказать мне гостеприимства, – в ответ из толпы раздался шепот и оханье. – И это очень печалит мое великокудесническое сердце! Но этот праздник в его честь. Пусть хоть услышит о нем, если не может увидеть ту, что всегда мечтал увидеть. Я пришла, Великий Кудесник, и принесла с собой будущее!

Она немного перебрала с пафосом, но собой осталась довольна. Нанья шла сквозь безмолвную расступавшуюся толпу подобно королеве. Хотя нет, любая королева на фоне ее выглядела бы серой мышкой.

Разместились в одной комнате, спать никто не собирался. Кристофер караулил у окна. Нанья после отката эйфории тряслась и причитала, а Лю пытался успокоить ее, но и сам тревоги скрыть не мог. Повторял, что за такие аттракционы не накажут – в самом крайнем случае попросят только покинуть Столицу и больше порядков не нарушать. Да и то вряд ли. Если только ищейки Отраву не узнали по каким-нибудь признакам.

– Идут, – от короткого слова Кристофера все разом вздрогнули. – Лю, соберись. Если это люди императора, то тебе придется врать, как никогда еще не врал.

Лю неуверенно кивнул в ответ. Он все меньше напоминал обычного перевертыша: все такой же честный, верный, справедливый и правильный, но уже перестающий верить в честность и справедливость.

Через пару мгновений в дверь тихо постучали. Вошедший кудесник бегло осмотрел всю компанию, задержался взглядом сначала на Нанье, а потом на Отраве. Ей и сказал:

– Великий Кудесник получил ваше сообщение. Он вас ждет.

Эпизод 26. Великий Кудесник

Везли их в полностью закрытой малюсенькой повозке, и даже запряженные лошади будто стеснялись ржать громко – тайна их встречи обязана была оставаться тайной, это и коню ясно. Но тряске конца-края не было, а когда нет возможности даже в окошко выглянуть и удостовериться, что ты еще в Столице или хотя бы в Левоморье, то начинает одолевать тревога, переходящая в панику. Отрава успела придумать миллиард мест и целей, для которых их вот так могли бы похитить, но обсуждать это вслух возможности не представлялось – кудесник втиснулся к ним же. И раз он ни слова не произнес, то и они рты открывать не спешили. И к лучшему – хуже истерики может быть только коллективная истерика.

Повозка наконец остановилась, кудесник бросил «За мной!» и вышел первым. Ноги у Отравы тряслись, когда она последовала за друзьями, но почти сразу успокоилась – вывезли их на столичную окраину, к двухэтажному темному дому. Охраны или городской стражи видно не было. За скрипучей дверью ждала еще более скрипучая лестница вверх, а за ней – довольно просторная зала, освещенная масляными лампами. Отрава уже спокойнее осматривалась и вглядывалась в лицо старика, сидящего в кресле.

Это совершенно точно был Великий Кудесник! Вот именно так – без представлений и сомнений. Одет в домашний халат, никаких знаков отличия, кроме очень преклонного возраста, почти лысый, но растительность с лихвой компенсировалась объемной кустистой бородой настолько рыжего цвета, каким и Нанья похвастаться не могла. И при всей своей немогущности излучал силу, как ауру. И взгляд – серьезный, пронзительный до мурашек, перед которым хочется рухнуть на колени и умереть от благоговения. Такой взгляд может быть только у человека, который каких-нибудь пару тысяч лет фактически управлял государством и принимал сложные решения, но оставался в тени императора.

Однако голос его оказался мягким и даже добродушным:

– Снимите уже заклятия со своих лиц, хочу увидеть вас настоящих.

Нанья нервно пожала плечами и суетливо выполнила распоряжение. Великий Кудесник улыбнулся, с интересом разглядывая гостей:

– Ну, что стоите? Занимайте места поудобнее! Меня уже ноги не держат, но не очень-то гостеприимно самому сидеть, а посетителей держать на ногах.

Отрава, восприняв это как приказ, тут же рухнула на ближайшую скамью, обитую тканью. Нанья уселась рядом с ней – то ли чтобы подругу поддержать, то ли самой от волнения не свихнуться. Лю после недолгого промедления разместился за ней – всегда лучше держаться вместе. И только после этого они устались на Кристофера, который расположился в кресле напротив. Отрава решила ему потом рассказать о чувстве единства и взаимоподдержки, но на данный момент так было даже неплохо: вышло, что они расположились кругом, что удобно для разговора.

Молчание затянулось. Лю решил начать первым, поскольку был единственным из присутствующих, кто Великого Кудесника знал до сих пор и оттого чувствовал себя намного спокойнее:

– Итак, ты меня обманул.

– Обманул, – легко признал старик. – И раз страж первого ранга сейчас не бежит с доносом к Их Величеству, значит, и сам понял, зачем я это сделал.

– Если кое-что и понял, то все равно жду объяснений, – Лю, вопреки всеобщим ожиданиям, не вспыхнул. Он говорил спокойно и ровно, давая уважаемому им человеку возможность расставить все нужные точки или себе – привыкнуть к мысли, что он теперь клятвопреступник. – Позволь для начала представить. Это Отрава из тихореченских – та самая девушка, за которой ты меня отправил. Кровопийца, Кристофер Кирами...

– Кирами? – с непонятым удивлением переспросил Кудесник, но сразу же кивнул. – Рад знакомству. А это, я полагаю, Великая Кудесница Правоморья? – и рассмеялся.

– Ну... Ее зовут Нанья, – отрекомендовал Лю.

Нанья покраснела, запричитала и тут же сжалась, словно так ее меньше видно. Перед этим человеком сложно изображать из себя титулованную особу. Но Великий Кудесник, вытирая слезы, поощрил:

– Это было смело! И красиво, как мне рассказали. Похоже, у тебя талант.

– Да, Великий Кудесник, я талантлива! – восторгалась Нанья. – Спасибо за компли...

Тот перебил с тем же смехом:

– Я хотел сказать – талант в цирковых представлениях. И в наглости, безусловно. В Правоморье ведь даже должности такой нет.

Отрава почувствовала, как Нанья пытается поглубже вжаться в лавку. Веселье Великого Кудесника схлынуло так же быстро, как и началось:

– Ладно. Раз мы смогли так быстро найти общий язык, теперь к делу. Власть в Левоморье уже давно пора менять, время для этого пришло еще

тысячу лет назад. Но тогда мне казалось, что я и сам способен латать дыры, а теперь, как видите, уже не способен. И поэтому мне нужна была Отрава.

– Ты правда видел будущее? – не удержалась она. – Какова моя роль в нем?

– Давай по порядку, – тот тяжело вздохнул и отчего-то в этот момент стал выглядеть совсем развалиной. – Во-первых, кудесники не могут видеть будущее, ведь мы живем здесь и сейчас.

Кажется, все охнули разом, но общее недоумение озвучил Лю:

– То есть нет никакого предсказания?

– Отчего же нет? Предсказание есть, но не мое, а моего старого друга. Есть такая раса, которая не живет здесь и сейчас – они глаза земли, сама земля, они живут одновременно в любой момент и в любом месте. И если научиться находить с ними общий язык, то могут рассказать о событиях, которые произойдут в будущем для нас.

– Тухляк?! – не поверила Отрава.

Великий Кудесник поморщился:

– Какое неподходящее название им дали, не находите? Может, потому они и не желают с нами делиться? У меня тысяча лет ушла на то, чтобы мой друг начал отвечать на вопросы. Все предсказания на его счету, но по сути это неважно. Ему-то точно.

Отрава могла с этим согласиться – если так Великий Кудесник спасал людей от чумы, то можно простить ему некоторый обман. Да и, в конце концов, если бы он заявил, что пророчество получено от какого-то тухляка, то кто бы поверил?

– А где он сейчас? – Отрава посчитала этот вопрос важным. Если Великий Кудесник долго не протянет, то ему пора передать настолько ценного друга в подходящие руки.

– Как где? Везде! – пожал плечами старик и тут же снова заулыбался, вмиг от этого помолодев. – Или вы что же, решили, я его держу в какой-нибудь теплице и поливаю дважды в неделю? Эта раса – единый организм. Сегодня он появился тут, завтра там, некоторые части любят свежий воздух, а какие-то предпочитают морское дно. Но достаточно договориться с одним – и все остальные уже оказываются в курсе. Сказал же – живут всегда и везде.

Этой информации было чуть больше, чем можно сразу объять. Поэтому Отрава решила не заикливаться и просто сделать вывод: дружба этого мудрого человека с тухляком ничего не даст его приемнику. И у того тоже уйдет тысяча лет, чтобы добиться тех же результатов... Не повезло. Ведь выходило, что они говорили с тухляком, который уже знал об их

миссии – и хоть бы слово в поддержку сказал!

– Я отвлекся на ерунду! – с неожиданным раздражением вдруг воскликнул Великий Кудесник. – А я уже не могу себе позволить тратить время. Поэтому слушайте и не перебивайте, – Отрава закивала в ответ яростнее всех остальных, чувствуя вину. – Так вот. Пока мы тут жили в мире и согласии, в Каменноземелье тем делом развивалась цивилизация. Мы ее каким-то нелепым образом списали со счетов – и это было большой ошибкой. Если я не доживу, то обязательно сделайте все возможное, чтобы Правоморье не пало...

Кристофер, несмотря на явный приказ, перебил:

– Ты опять отвлекся – мы знаем об этом, но надо начинать с Левоморья. Так что там было в тухляцком предсказании?

Великий Кудесник отчего-то не разозлился, объяснял спокойно и терпеливо:

– Кажется, Отрава уже знает все подробности, – он посмотрел на нее и убедился в правдивости собственных слов. К этому моменту она уже поделилась с друзьями всем, что вспомнила из позапрошлой жизни. – Я казнил ту девицу, она была безгранично тупа. В общем, она и мне репутацию подмочила, и сама порядком подмочилась, но и императора тогдашнего насторожила.

И замолчал, глубоко задумавшись. Наверное, это были признаки возраста – Великий Кудесник и впрямь не мог сосредоточиться. Возможно, Кристофер показал правильный путь разговора – задавать конкретные вопросы, потому что иначе они до скончания веков будут говорить на отвлеченные темы. Поэтому Отрава осмелела:

– Я убью Их Величество? Устрою переворот? Сяду... на трон?!

– Нет, конечно! – удивил он. – Ты уже все сделала. Дорогая моя, ты просто ниточка – бесполезная сама по себе, но выполняющая важную функцию. Любая сложная система имеет ось, к которой все остальное привязано. Вот ты она есть. Твоей единственной задачей было оказаться в окружении именно этих людей. Не знаю, каким образом это работает, но тухляк сказал: ее наверняка убьют, потому что это же предсказание я говорил и другим, которые умели спрашивать. Да... дружба с тухляками очень неоднозначная игра... Им просто интересно посмотреть, кто же победит, если дать игрокам одни и те же козыри... А потом он сказал: но если сохранишь ей жизнь, тогда она приведет к тебе будущего императора, будущего Великого Кудесника и организатора восстания. Я не думал, что ситуация окажется настолько ироничной – новый Великий Кудесник оказался таким наглецом, что сам успел наградить себя этим титулом!

Поскольку иных вариантов не было, все ошарашено уставились на Нанью, а она вообще дар речи потеряла. Но разве не говорили все подряд, что ее способности очень сильны? Разве не научилась она сама тому, что не постигают даже выпускники Школы Высокого Колдовства? Так дайте ей еще лет двести и ресурсы – она, быть может, и этого Кудесника переплюнет, и с тухляком общий язык найдет!

Это известие звучало потрясающе, но не настолько потрясающе, как «будущий император». Поэтому после того, как тщательно рассмотрели Нанью, будто увидели впервые, все, включая ее саму, теперь уставились на Кристофера. Отрава и верила, и не верила своим ушам. Великий Кудесник уже в позапрошлой жизни говорил, что это раса экономистов, что их поддержкой надо заручаться в первую очередь. А правитель Правоморья будто уже короновал Кристофера при первой же встрече...

Судя по заторможенности, Кристофер был удивлен не меньше остальных:

– Я? Конечно, мы лучшие организаторы, но это как-то неожиданно.

Очередной взрыв скрипучего смеха:

– Да при чем тут ты? Кто ж в здравом уме усадит на трон кровопийцу? Вы ведь только о себе и думаете! Методом исключения, да и так, только на логическом анализе, это будет Лю. Сейчас Левоморье не в том положении, чтобы делать скидки на личные качества руководителя! Их Величество должен быть предельно честен и справедлив. Тот, который жизнь отдаст за правду или государственные интересы. В этой комнате я никого более подходящего не вижу, да и в жизни мало встречал, поэтому склонен верить предсказанию.

«Будущий император Левоморья» очень неуместно разинул рот и почти смешно хлопал глазами:

– Н... но... А м... может, все-таки Крис? Он не такой уже и кровопийца, если честно... Прямо... даже... можно сказать, уже и не кровопийца вовсе... А что же делать с очередными наследниками? Убивать в младенчестве?

Нанья же подбоченилась и на глазах превращалась не только в Великую Кудесницу, но заодно в жену Их Величества. А что, раз такие карты выпали, то играть надо по полной!

– Не переживай об этом, – сухо ответил Великий Кудесник. – Императоры отыскивались по одной причине – их искали. А кому будут нужны эти поиски через пару десятков лет, если жизнь изменится в лучшую сторону? Заодно и напomini возвращенцам, что среди них не принято цепляться за прошлую жизнь. Этим застрахуешь себя от

идеологической революции.

Тяжелую, наполненную разными мыслями паузу нарушил Кристофер:

– Можно я задам попутный вопрос, Великий Кудесник? То есть возвращенцы возвращаются? Не ловят чьи-то воспоминания, а именно рождаются снова?

Тот хмыкнул неожиданно одобрительно:

– Тебе тоже это кажется бессмысленным? Вот и мне. Но какой смысл рушить такую милую легенду? Повсюду витает магия, кудесники умеют ею управлять, перевертыши с помощью нее принимают другие обличья, а возвращенцы, вполне вероятно, ловят чужое и даже не воспринимать как свое. Зато жить отчего-то становится легче. Я никогда специально не искал доказательств, но ведь и Отрава в словах моего друга описывалась, как «с виду бесполезная, но судьбой и характером выбирающая правильных людей, а потому единственная, кто сможет это проверить», после чего я всеми силами, даже не веря в разумность своих действий, колдовал, чтобы нужные воспоминания достигли той самой девушки. Отрава достойна и выполнила бы свою задачу, даже если бы воспоминания не попали в цель. Или она просто вернулась? Откуда ж мне знать?

Отрава, услышав это, неконтролируемо вскрикнула:

– Что вы оба несете?! А как же Великое Колесо Жизни?

– Да какое там Колесо... – устало отмахнулся старик. – Это ваше Колесо – настолько замечательная штука, что его стоило бы придумать, если бы его не существовало. Так что решай сама. Об этом многие думают и всегда выбирают вариант поспокойнее – Великое Колесо Жизни... – он не дал возможности возразить, замахав руками. – Все-все! Теперь уходите. Я слишком устал, а мне еще хочется дожить до начала нового мира. Приходите сюда через несколько дней, к тому времени и вопросы появятся правильные.

В темной повозке по пути домой снова все молчали, но уже по другой причине. Все озвученное каждого придавило неподъемным весом. Только Нанья иногда слегка подпрыгивала на месте и совсем тихо повизгивала, но тут же брала себя в руки и заставляла сидеть смирно. Отрава смотрела на нее затуманенным взглядом и завидовала: как же просто быть человеком, который ни разу не усомнился в правильности своего пути.

Они сразу же выехали из заезжего дома и перебрались в следующий. Наньино представление могло привлечь внимание не только нужных людей.

Было понятно, что Кристофер заведет этот разговор сразу же, как только они останутся наедине.

– Отрава...

– Не надо, Крис! Не надо...

Она пока не была готова говорить об этом вслух. Хоть Великий Кудесник и не отрицал возможности реального возвращения, но только сейчас она всерьез смогла посмотреть на ситуацию под другим углом. Даже если возвращенцы перерождаются – что толку? Что общего между Отравой и купчихой из прошлой жизни или с королевской служанкой из позапрошлой? Только пол, а этого явно недостаточно. Служанка предала Великого Кудесника, как только услышала о его плане. Купчиха, скорее всего, попыталась бы за счет его откровенности улучшить свое положение – ее вряд ли вообще занимали перевороты и заговоры, она всегда была на пару мешков золота выше этого. А Отрава осознанно прошла весь путь и собиралась следовать ему дальше. То есть три разных направления из трех. Так и что в них общего?

Кристофер тактично эту тему больше не затрагивал, понимал, что она сама заговорит, как только придет хоть к какому-то выводу. Или не заговорит вовсе – и на то ее свобода. Да и на фоне других потрясений Отраве не хотелось лишний раз обращать внимание друзей на свои, в сравнении незначительные неприятности.

Лю с моральным грузом не справлялся. Он почти перестал разговаривать с друзьями, а потом и вовсе поднял вопрос о том, что ему следует уйти. Так и заявил:

– Я не сплю больше. С тех пор, как принял решение пойти против императора, не могу спокойно спать. Во мне будто все кости гнутся, да никак сломаться не могут.

Отрава только в этот момент поняла, что все последнее время он просто разыгрывал спокойствие перед остальными, но ни к какой гармонии не приходил. Даже договориться с собой не мог: умом понимал, что поступает верно, а душа перевертыша бунтовала. И так ей стало невыносимо жаль его, что она перебила увещевания друзей:

– Не надо! Все эти предсказания, даже необходимость – пустой звук, если сердце не на месте.

– И что? – повернулся к ней Кристофер. – Позволим ему уйти?

– Позволим, если захочет, – уверенно ответила Отрава. – Лю, мы оставим тебя, чтобы не мешать твоему решению.

Крис подумал, потом молча направился к выходу, Нанью пришлось выталкивать из комнаты силой. Отрава обернулась в дверях:

– Твоя клятва Их Величеству – разве это не клятва служить народу Левоморья, Лю?

– Не совсем... – он обхватил голову руками и смотрел в пол.

– Тогда поклянись – не кому-то, самому себе – что отныне служишь им: тем крестьянам, которые в неурожайный год отдавали последнее на налоги, разбойникам, которые пошли на грабеж, потому что иначе выжить не могли, главам городов, которые должны были улаживать проблемы своими силами без надежды получить помощь из Столицы. Поклянись – и только тогда уходи к ним. Или останься, но усни спокойно. Ты на любом месте принесешь пользу.

Не дожидаясь реакции, Отрава вышла и закрыла за собой дверь.

И Лю удивил. Через пару дней размышлений, когда даже Нанья его не донимала, пришел и объявил результаты размышлений: Их Величеством должен стать тот, кто так же верит в справедливость, как правоморцы – в Небесный Свет. И если эта дорога уготована ему, то он приложит все усилия, чтобы справиться. Волнует его не настолько значительное изменение положения, а только его скромные возможности и не слишком деловой ум. Отрава вслушивалась в эти сомнения, и понимала: из Лю выйдет самый лучший император, которого только можно вообразить. И тем не менее его участие в самом перевороте лучше бы свести к минимуму – он и так сломал себя достаточно, не нужно больше потрясений и сделок с совестью. И эта мысль заставила вспомнить об еще одной важной вещи, на которую почему-то никто не обратил внимания. Отрава вышла в центр комнаты и дождалась заинтересованных взглядов:

– Итак, моя роль закончена. И теперь мы имеем: Их Величество, – она указала на Лю, – Великую Кудесницу, – кивнула в сторону Наньи и повернулась к Кристоферу, – и – как там было сказано? – организатор восстания? Ведь только ты остаешься для этой роли.

– Ну, с этим-то я управлюсь, – отмахнулся Крис. – Меня только не принуждайте клятвы приносить... Пойдите-ка, – он вдруг встал и замер, рассеянно глядя в окно. – Пойдите...

– Что случилось? – Лю не выдержал и шагнул к кровопийце.

Но тот ответил только:

– Нам нужно к Великому Кудеснику. Теперь я знаю правильный вопрос.

И хоть он наотрез отказался объяснять, Отрава уловила в нем появившуюся тоску – возможно, просто сомнения, но серьезные, отдающие пульсирующей тревогой.

Той же ночью они направились в уже знакомый дом. Охранник их пропустил сразу. На этот раз их провели в спальню – Великий Кудесник чувствовал себя настолько плохо, что вынужден был оставаться в постели.

Слуги усадили его и подоткнули под спину подушки.

– Очень рад вас снова видеть, – он сказал это слабым голосом, но улыбка немного оживила лицо. – Садитесь, где удобно, только не слишком далеко...

Но Кристофер подошел сразу к нему:

– Я кое-что понял, но надо в этом убедиться. Свечки на Отраве ведь ставил не ты?

– Нет-нет! – уверенно ответил старик. – Я ведь знал, что ничем из Столицы помочь не смогу, зачем же стал бы привлекать к ней лишнее внимание?

Звучало логично. Да и если бы он был заинтересован в ее поиске через заклинания, то признал бы это.

– То есть это делал кудесник на службе императора?

– Наверняка... Что тебя смущает, сынок? Думаешь, я лгу?

– Нет, в этом не лжешь, – в голосе Криса появился почти уже забытый лед. – У императора вполне может быть такой человек. И не все кудесники в государстве подчиняются тебе.

– Конечно...

– Но абсолютное большинство сильных кудесников состоит на службе все-таки у тебя? Самые талантливые, ты бы их без присмотра не оставил. Я ошибаюсь?

Старческая улыбка стала еще шире, однако потеряла ощущение веселья:

– Именно так. Говори уже прямо, Кирами, я не буду отрицать очевидное.

– Нападения на замки: гербы на щитах, сильнейшие кудесники... Это сделал ты.

– Я, – Великий Кудесник признал это спокойно, даже с достоинством. – Потому что знал, что иначе кровопийц против короны не объединить. Им нужна достойная причина – и я ее дал. Даже письма в каждый замок уже готовы, где виновником указан император – только разошлите, и уже на следующей неделе вокруг Столицы соберется армия, которая вам так нужна. Силовой перевес, как это ни странно, снижает количество невинных жертв. И для этого я отдал такой приказ – нужно было всего несколько, но самых уважаемых семей, отомстить за которых захотят не только кровопийцы. Идеологическая победа.

– Несколько семей, среди которых была и моя.

– Я этого не мог знать. Но не потому ли ты сейчас тут? Именно ты.

Отрава понимала, что окаменевший Кристофер недолго будет

оставаться в таком состоянии, через миг или два он рванет вперед и разорвет горло этому некогда всеми уважаемому человеку. И никто его не остановит. А находящиеся в комнате, сейчас точно такие же оцепеневшие, вряд ли станут пытаться.

Но он вдруг сказал – еще спокойнее и тише, чем раньше:

– Ты не доживешь до нового мира, Великий Кудесник. Теперь уже нет.

– Я это понял сразу, когда услышал твое имя, – он почему-то продолжал улыбаться. – Кто-нибудь уже говорил, что ты слишком эмоциональный для кровопийцы?

Он не боялся Кристофера, как не боялся смерти. Нет, он даже выглядел умиротворенным – возможно, что и жил в последнее время только для того, чтобы узнать об оправданности собственных надежд. И ведь они оправдались.

– Позовите охрану, – попросил Великий Кудесник. – Я должен дать им последние распоряжения.

Вбежавший в спальню перевертыш наклонился над больным, долго слушал неразборчивый шепот, хмурился все сильнее, а потом выпрямился и кивнул. Комнату покинул в том же безмолвии, не удостоив гостей даже взглядом. Наверное, остальные многочисленные слуги воспримут известие о кончине Великого Кудесника и его последние приказы с тем же тяжелым смирением. И Кристофер имеет полное право разорвать его теперь на части, а слуги даже пальцем не пошевелят... Эта покорность приговоренного, наверное, и удерживала кровопийцу от последнего шага. Разве такие люди, как Великий Кудесник, сдаются? Или он сдался давным-давно?

Кристофер вдруг повернулся к Нанье и заговорил о том, что в этой ситуации звучало вопиюще неуместным:

– Для того чтобы продлить возвращенцу жизнь на тысячелетие-другое, требуется много магии и крови, я правильно помню?

Та опешила окончательно:

– Ну да... И потом иногда придется подпитывать кровью, чтобы заклинание держалось. Но ведь я тебе много раз говорила – пока я не в силах...

Кристофер перебил:

– Просто я смотрю, у нас тут целый мешок с кровью, переполненной магией, без дела валяется. С него и начнем. А потом, я надеюсь, сама Великая Кудесница Левоморья уж найдет еще немного для своей лучшей подруги?

– Кристофер... – Отрава качала головой, но никак не могла отвести

взгляда от старика на кровати. – Я не могу так... даже если он заслужил. А он заслужил! – тут же добавила она, потому что на самом деле так считала – некоторые вещи простить нельзя. И если бы Отравина мать, отец или любая из сестер были убиты по приказу этого человека, то она сейчас, не задумываясь, взяла подушку и прекратила это внутреннее мучение. Но память о родных не означает, что месть должна иметь еще какую-то выгоду, кроме облегчения.

Вот только природу кровопийц она явно недооценила:

– То есть с общей идеей ты согласна?

– Да... Нет! В общем... – а что тут еще сказать? Не этой ли мыслью она терзалась в последние дни? И если уж разрешила себе любить кровопийцу, то надо и остальные принципы пересмотреть.

– Я понял... – голос Великого Кудесника иногда сбивался на хрип. – Да, это сработает. Я даже могу помочь...

Кристофер переспросил неверяще:

– Прощения хочешь?

– Да на кой хряк мне твое прощение? – Кудесник будто старел на глазах, тратя остатки сил на разговоры. – Но мне уже все равно, а если помогу, то и мою идею вы воспримете лояльнее. А мне только того и надо. Иди ближе, Нанья, я начну... но продолжать придется тебе.

Когда Нанья села на кровать, он закрыл глаза и запел что-то непонятное и монотонное. Нанья сначала беззвучно повторяла, но потом все увереннее и громче подпевала ему. Она тоже закрыла глаза, словно погружаясь в транс и заряжаясь могуществом, которое до сих пор источал Великий Кудесник.

Кристофер взял Отраву за локоть, потянул. Она обернулась на Лю, но тот только кивнул – видимо, оглашенный приговор и для него показался соразмерным содеянному. Кристофер наклонился над стариком и сразу выпрямился, а потом подтолкнул Отраву. Она ощутила такую слабость, что не удержалась на ногах. И рухнув на колени, увидела на шее Великого Кудесника рану. Тот до сих пор бормотал, хотя все тише, а заклинание обволакивало, обещало и пугало. Больше Отрава не смотрела на друзей, и тем более – на Кристофера. Это только ее решение.

К ее удивлению, кровь на вкус не такая отвратительная, как она ожидала – солоновато-сладкая, ничего особенного, если не задумываться о том, что это кровь. И с каждым глотком она чувствовала, что в теле ее появляется сила, которой не было прежде – она уже пила не кровь, а саму магию, жизнь, которая больше обычного существования. Позже она и не слышала, что заклинание поется только Наньиным голосом... да ведь это

уже неважно. Важно лишь самоосознание и обрывки воспоминаний: она начала меняться с той минуты, как покинула Тихую Речку, и с тех пор уже давно стала другим человеком. А все это... это просто момент истины, рождение нового существа. И все, что будет делать Отрава дальше, – оставаться человеком, пусть и качественно иным.

Эпизод 27. Идеальные планы

Уже к утру положение дел стало яснее. У Отравы до сих пор кружилась голова и одолевала сильная тошнота, потому она, развалившись в кресле, участия в дальнейшем не принимала, но старалась не пропустить ни одной детали. Слабость ненадолго проходила только в те моменты, когда Кристофер подходил к ней, целовал слабую руку и спрашивал неизменное:

– Тебе точно лучше? Я отказываюсь помогать тут кому бы то ни было, если тебя мы прикончили.

– Да, Крис, мне лучше. Просто понадобится время... – она сама в это верила. Силы постепенно возвращались, только тошнота не отступала – вполне возможно, что это чувство является неизменным спутником всех кровопийц. Или возвращенцев, возомнивших себя кровопийцами. Но ко всему ведь можно привыкнуть? Пройдет каких-нибудь пара лет, и она уже забудет, что когда-то чувствовала себя иначе. А теперь Отрава могла себе позволить потратить пару лет на такую мелочь, как привыкание.

В комнату зашел сначала один из слуг, вскрикнул и вылетел наружу. Сбегать друзья не собирались – если Великий Кудесник не обеспечил им защиту, то за ним стоят слишком серьезные силы, от которых скрыться не получится. Уже скоро слуга вернулся и привел с десятков других людей. Двое кудесников тут же склонились над телом господина и зашептали заклинания, от которых рана на шее начала затягиваться. Одна, совсем молоденькая девчонка, зажала лицо ладошками и разрыдалась. Остальные держали себя в руках, хотя скорбь читалась во взгляде каждого.

К Лю подошел пожилой перевертыш:

– Господин приказал подчиняться вам, Ваше Величество.

– Не называй меня так, – Лю постоянно оглядывался на постель и нервозности скрыть не мог. – Пока не называй... Потом посмотрим.

– Как скажешь, господин, – тот коротко поклонился. – И тем не менее клянусь, что я и все мои люди готовы сделать необходимое для тебя и твоей миссии. Кудесники не приносят клятв, но будь уверен, наш... – его голос дрогнул, – бывший покровитель не потерпел бы рядом с собой предателей. Они будут сражаться на твоей стороне – если не за тебя, то за его дело. В общей сложности к тебе переходит всего пара сотен человек – но поверь, они лучшие из лучших. Тело... Великого Кудесника до рассвета будет доставлено в его дворец, а уже оттуда сообщат в императорский. Император слишком долго ждал этого момента... он и не усомнится в

причинах... Не будет разбираться... – перевертыш вдруг замолчал, будто его горло чем-то передавило.

Слуги бережно вынесли из комнаты завернутое в белую ткань тело. Но даже после этого вокруг постоянно ходили люди: кто-то остановился поодаль, чтобы послушать, кто-то убирал постель, кто-то караулил у окна, а один просто сел на пол и невидяще уставился в стену. Каждому потребуется время, чтобы смириться с потерей, а не только Отраве – с тошнотой.

Лю молчал. Отрава лишний раз убедилась, что от этих дел его лучше держать подальше – революции не бывают справедливы ко всем. Нанья тоже растерялась, она всегда плошала в критических ситуациях. Теперь же стояла за спиной Лю и нервно подрагивала – от нее толку никакого. Кристофер окинул друзей беглым взглядом и пришел к тому же выводу. То ли предсказание сбывалось, то ли он просто посчитал себя единственным в здравом уме:

– Давай-ка, со всеми вопросами сюда. Их будущее Величество мне полностью доверяет. Да и Великий Кудесник меня организатором назначил.

Лю бровь изогнул, но нехотя подтвердил. И только после этого перевертыш поклонился уже Кристоферу. Тот продолжил, удивив Отраву холодной рациональностью:

– Итак, мы имеем двести человек, среди которых сильнейшие кудесники государства, и письма в замки кровопийц. Сначала мы возведем моего друга на престол, а уж потом я подумаю, что сотрудищал при этом с убийцами моих родителей.

– То есть ты не станешь раскрывать кровопийцам, кто на самом деле выступил против них? – уточнил перевертыш.

Отрава чувствовала, что внутри Кристофера в этот момент бушуют молнии, но говорил он по-прежнему тихо и холодно:

– А какой теперь смысл? Великий Кудесник поступил необдуманно, армию можно было собрать иначе. Но поскольку эту ошибку не исправить, то уже я стану дураком, если не закончу начатое. Но письма надо сжечь, мы напишем другие.

Охранник хмурился, но не спорил. Отрава решила, что должна обязательно добавить, хоть и прозвучало это слабым голосом:

– Лю лучше уехать из Столицы. Мы не имеем права рисковать его жизнью.

Почему-то ей казалось, что каждый раз, когда Крис смотрит на нее, во взгляде у него улыбка. Хотя ведь момент совсем неподходящий.

– Ну уж нет! – Лю немного успокоился и теперь шагал из стороны в

сторону, как всегда делал при сильном замешательстве. – Я так не смогу! Какой же из меня выйдет правитель, если люди будут гибнуть тут, пока я отсиживаюсь в безопасности? Не забыли, что я сам был на службе императора? У него не две сотни, а тысячи преданных солдат! Тоже лучших из лучших! И с ними вряд ли выйдет договориться... Даже если мы соберем всех кровопийц в стране, все равно результат предсказать невозможно! Я должен быть тут, с оружием в руках. Я должен быть тут, чтобы не лишиться императорских стражей права назвать меня в лицо предателем!

Охранник посмотрел на него с неподдельным уважением, но вслух заметил другое:

– Если ты погибнешь, то встанет вопрос о новом достойном лидере. И тогда относительно тихий переворот превратится в масштабный бардак. В последнем случае количество жертв только возрастет.

Нанья нерешительно выступила вперед и тронула руку Лю:

– Ты... ты не имеешь права рисковать! Не только потому, что я за тебя боюсь... Просто если все так, то не имеешь...

– Прислушайся, Лю! – поддержала Отрава. – Подумай. Твоя жизнь теперь больше, чем жизнь одного человека.

– Нет! – упрямо повторил тот. – Я не смогу оставаться в стороне!

Кристофер поднял руку, чтобы не поднимать тон:

– Кто сказал, что ты будешь в стороне? Мне в революции бездельники не нужны. Кому-то придется ехать в Правоморье и просить короля о помощи. У них огромная внутренняя армия – и если ты приведешь ее сюда, то перевес сил будет настолько значительным, что твоих бывших коллег, возможно, удастся не убивать, а захватывать. Вы упертые, но так у нас появится шанс со временем их убедить и принести клятвы новому императору. А вот в случае равных сил будет просто бойня.

– Правоморская армия? – опешил Лю.

– А почему нет? Сейчас они помогут нам, а потом мы поможем им. Это разумная сделка, а король Правоморья – разумный человек. Дальше: кровопийцам мы сообщим, что именно император собирался истребить нашу расу с целью захвата их земель. Мол, жадность Их Величества уже не покрывается налогами. А слово «налоги» встревожит каждого крестьянина в стране. Нам не нужны все кровопийцы, достаточно нескольких, с самыми крупными хозяйствами. За ними пойдет охрана и часть бедняков. Но если сразу в письмах указать, что сам король Правоморья решил выступить против такой несправедливости, отвечая на мольбы беженцев, которых мы придумаем, то уже за такими силами пойдет и последний трус. Оно как-то

легче в бой идет, когда есть не только идея, но еще и гарантия. В итоге это будет не восстание кровопийц, а народный фронт. Понимаете, в чем суть? Это не кровопийцы восстали, это вся нация больше не хочет терпеть. После этого мы усаживаем на трон не кровопийцу, а честнейшего перевертыша, который настолько равнодушен к народным горестям, что переступил через свою природу. И этим закрываем все идеологические вопросы.

Охранник только рот разинул и рухнул на лавку. Вероятно, такие грандиозные планы даже Великий Кудесник стеснялся строить.

Лю думал долго, но потом все же согласился. Ему пора привыкать к масштабности идей, если он собирается целым государством управлять.

Они остались в тайном убежище Великого Кудесника. Уже к вечеру следующего дня Столица погрузилась в траур. Постепенно новость о кончине всеобщего благодетеля распространится по всему государству и никого равнодушным не оставит. Наверное, в ближайший месяц только император будет ликовать, избавившись от древнего конкурента и главного подозреваемого в будущем заговоре. Хорошо бы это ликование кто-то заметил... Отрава теперь чувствовала себя намного лучше, поэтому и соображала быстрее: некоторые слухи настолько великолепны, что просто требуют воплощения. Поэтому она, закупая шляпку на рынке под измененной внешностью, обронила пару раз, что во дворце вместо траура почему-то настоящий праздник. И уже через пару дней сама слышала, как кто-то говорил, что Великий Кудесник умер от отравления. Нет, это еще далеко не народный фронт, но уже нужное настроение.

Оказалось, политика – грязное дело. Но что ж поделать? Иногда приходится задрать юбку и перейти реку, чтобы оказаться на другом берегу. Или Отрава, вместе с кровавым заклинанием заодно впитала и характер кровопийц?

Нанья вместе с Лю отправилась в Правоморье – вероятнее всего, их судьбой и было идти теперь рука об руку. И ее отъезду Отрава неожиданно для себя обрадовалась: подруга стала подозрительно вкусно пахнуть. Нет, в кровопийцу, в полном смысле этого слова, Отрава не превратилась, только чутье слегка изменилось.

– Крис, чем ближе запланированное, тем я сильнее боюсь.

Она любила вот так лежать на его плече и поддаваться любому порыву, который взбредет в голову. Но сейчас страх ощущался сильнее страсти.

– Думаешь, у нас не получится?

– Нет. Получится! Я боюсь... будущего. Что будет дальше, когда все закончится?

– Спокойно не станет, если ты об этом, – теперь она чувствовала, когда Кристофер смеется, даже не глядя на него. – Мы будем первой такой семьей, так что привыкай к косым взглядам уже сейчас.

– Как же привыкать, если ты выглядишь возвращенцем? А к тому времени, когда я буду ходить по улицам с тобой-настоящим, уже такая заваруха начнется, что никому дела не будет до нас. Никто и не заметит!

– Эй! – он дернул плечом, заставив Отраву поднять голову, чтобы возмущаться, глядя в глаза. – Обижаешь! Как это – меня, да не заметят?

Пришлось поцеловать, а то еще на крик перейдет этот эмоциональный извращенец. А потом вернуть к теме:

– Я не о том, любитель осуждающих взглядов. Что дальше? Останемся в Столице или вернемся, чтобы отстроить твой замок?

– Вообще-то, у меня был другой вариант. И мне теперь неудобно, что тебе он в голову не пришел.

Отрава прищурилась:

– Правоморье?

– Ну... возможно.

– Понравилось драться с врагами?

– Немного. Хотя в качестве аргумента я хотел привести мягкий климат и уровень жизни...

– И ты окажешься на первом же корабле в Каменноземелье, если правоморцы решат атаковать?

– Хм... скорее всего.

– Ладно, неугомонный, придется и мне с тобой.

– Я так и думал. Тебя тоже вдохновляет правоморское рабство.

– Рабство?!

– Ну да. Будешь моей рабыней?

– Размечтался!

– Иди сюда, у меня настроение приказывать.

– Да у тебя всегда настроение приказывать!

– Сколько можно болтать?

В общем, между ними отношения складывались как нельзя лучше. А потом на Отраве появилась свечка – об этом сразу предупредил один из кудесников, живущих в доме. Они спешно покинули раскрытое место, но еще через пару дней оттуда слуги доставили письмо:

«Возвращенка из Тихой Речки! Явись с повинной, прими судьбу и возродись снова, чтобы прожить в следующий раз как подобает. Три дня на раздумья. В ином случае мы отправим отряд. И поскольку имя твое нам неизвестно, то вырежем всю деревню, чтобы не разбираться – кто из них

тебе родня».

– Император опоздал со своими угрозами, – размышлял Кристофер. – Твоя смерть уже ничего не изменит.

– Но он этого не знает! И не должен знать. Армия у нас будет только к концу весны, а за это время вполне реально добраться до Тихой Речки...

Больше Отрава ничего не говорила. И без того обоим было ясно: их лишили шанса спокойно отсидеться до начала событий. Ее вынудили что-то делать именно сейчас, до прихода основных сил к Столице. Нет, Отрава не собиралась выполнять самоубийственный приказ, хоть и беспокоилась о родных. Но это требование было бессмысленным в своей простоте. Если ей придется умереть, то точно не потому, что она сдалась от угроз – скорее всего она погибнет при сопротивлении угрозам.

Но она не успела озвучить результаты своих рассуждений, поскольку Крис вдруг встал и направился к выходу.

– Ты куда? – Отрава отвлеклась от тяжелых мыслей, чтобы окликнуть.

– А ты почему сидишь? Похоже, нам не оставляют выбора. До возвращения Лю нам придется отвлечь императора от тихореченского вопроса. Делается это путем создания хаоса.

В принципе, он все понял верно. Отрава, направляясь к нему, добавила со злостью, которая наконец-то нашла выход:

– Точно. И для полнейшего бардака мы убьем императора. Жаль, а ведь он мог прожить еще целый месяц.

Люди из бывшей свиты Великого Кудесника решение не оспаривали, только вопросы уточняющие задавали и советовали организовать покушение, а не убийство. На том и порешили. Все надо было сделать как можно тише, тогда будет шанс уйти. А само по себе нападение на императора в его спальне нужную суматоху создаст. Подтвердили, что Их Величество уже и к некоторым из них обращался за помощью в поиске злосчастной возвращенки, и, судя по всему, настроен решительно, раз не боится раскрывать подробности предсказания, ему тоже известного.

Пятьдесят сильнейших кудесников отправились к Их Величеству и добились аудиенции. Там нижайше попросили немедленного разрешения вопроса – кто-то должен занять место Великого Кудесника, потому что уже в скором времени среди населения начнется сумятица. А поскольку достойных среди них много, то они полагаются на выбор царственной особы. Несколько раз повторили, что дело не терпит отлагательств, и даже устроили показательную ругань между собой.

Их Величество, полный и розовощекий мужчина лет сорока, никак не мог сформулировать хоть какой-то ответ. Пока Отрава рассматривала его,

злость ее менялась на отвращение: каким нелепым образом это никчемное и глупое создание вот уже целых сорок лет правит Левоморьем? Наконец, он додумался подозревать советников и после быстрого общения с ними, объявил нервно:

– Решение будет принято завтра! Приходите все, напишем имена и вытянем по жребии, раз сами решить не можете.

– Безусловно, Ваше Величество! Спасибо, Ваше Величество! Сколько мудрости, Ваше Величество! – кланялись кудесники все ниже и ниже.

По всей видимости, глуповатый император окружил себя примерно того же уровня советниками. Но кто-то из них все же проявил признаки мыслительной деятельности, потому что уже на выходе из тронного зала император окликнул:

– А где все перевертыши Великого Кудесника? Пусть он покоится с миром, конечно, мы скорбим... Но где остальные? Новый Кудесник свою свиту наберет, а этих в наше распоряжение!

– Скорбят тоже, как им и положено, Ваше Величество! – ответил один. – И сразу после окончания траура все придут во дворец за милостью и мудростью вашей. Как сегодня пришли мы.

– А! Только пусть не тянут там со своим трауром!

И ведь никто не заметил, что дворец покинули не пятьдесят, а сорок восемь благородных просителей. Двое, уже ознакомленные со зданием по рисункам, свернули в сторону и были прикрыты магией. До королевских покоев добираться пришлось несколько часов: отсидеться в подвале до смены караула, перебежать в другую комнату, затаиться в шкафу, проползти по карнизу между окнами. Для Кристофера такое задание проблемой не было, но и Отрава старалась не отставать. Она наотрез отказалась отпустить Криса одного. Хватит уже называться бесполезной возвращенкой! Сила – она не только в мышцах и выносливости, сила – это когда ты готов сдирать кожу в кровь, цепляясь кончиками пальцев за тонкий выступ, но при этом и мысли не допускать, чтобы сдаться и повернуть обратно.

Это был почти идеальный план! Но как же люди любят рушить идеальные планы. Влезая в окно, Отрава услышала вскрик. Посередине роскошной комнаты стояла женщина, хотя слуги, по мнению всех, кто участвовал в обсуждении, в спальню Их Величества в такое время не допускались. Кристофер метнулся к ней, схватил и зажал рот рукой.

Женщина была худой и высокой – чуть ли не с самого Криса ростом. Одета в бардовое бархатное платье, а на голове маленькая золотая коронка, прицепленная шпильками к волосам. Императрица... которую вообще

никто не упомянул, и оттого она в расчетах не учитывалась. Кристофер с Лю что-то обсуждали по ее поводу, но тогда Отрава решила, что вопрос внимания не стоит. И вот нате – она оказалась единственной, кто в идеальном просчитанном покушении стоил самого пристального внимания.

Эпизод 28. Отрава Их Величества

– М-мы можем с-связать ее и запереть в ш-шкафу! – Отрава заикалась от тревоги.

Но женщина стояла смирно, не пытаясь вырваться. Отрава уж было подумала, что та до смерти перепугана, но во взгляде паники не читалось, а потом еще тихо и спокойно замычала в ладонь Криса:

– М-м-м, – это было что-то наподобие «вы плохо почистили серебро». Или «погода сегодня чудесная». Или «давайте поговорим сначала, а уж потом вы меня убьете. Больно люблю с незнакомцами общаться». Вот, точно – давайте поговорим!

– Крис, императрица хочет нам что-то сказать. Ваше Величество, только не кричите. Он успеет прикончить вас быстрее, чем вы докричите первый звук...

Женщина повращала глазами – туда-сюда, туда-сюда. И когда Крис медленно отвел руку от ее рта, сказала подчеркнуто тихо, лишь немного выдавая волнение:

– Вы что тут забыли, негодяи? Для грабежа или революции? Если для грабежа, то я кольцо дам и убирайтесь, – она стянула с худого пальца перстень с огромным камнем, – вам до конца жизни хватит. Обещаю, никому про вас не скажу, но если и вы пообещаете, что больше такого не повторится. Это очень нехороший поступок, очень! Бедность не оправдание для преступлений!

Отрава была обескуражена ее назидательным тоном – как учитель-кудесник в их школе, если не хуже. Возможно, что императрица врала, но именно этот учительский голос выбивался из общей картины – такой с непривычки не изобразишь: таким или непослушных детей приструнивают, или служанкам нотации читают – исключительно в воспитательных целях. Именно поэтому Отрава ответила честно:

– Мы тут не для грабежа...

– А-а, переворот? – та словно огорчилась. – Но я и вам скажу то же, что когда-то Великому Кудеснику: переворот стране не нужен, а проблемы... проблемы есть везде! И все эти ваши выкрутасы – это только блажь. Работайте усерднее, а не тратьте время на пустяки и революции. От восстаний только простым людям и страдать. А проблемы так не решаются!

Отраве странности не привиделись, раз Кристофер тоже шагнул

вперед и внимательное всмотрелся в царственное лицо.

– Так почему ж ты эти самые проблемы не решаешь, раз такая умная?

– Сбавь-ка тон, молодой человек! Воспитание и революционерам не лишнее! Патриархат же, меня в тронный зал даже не приглашают, какие уж там решения, – спокойно ответила та, но Отрава расслышала оттенок сожаления. – Но тот факт, что мой муж со своими советниками не хочет слышать о снижении налога на Северной Территории, не повод для восстания! Если вдруг вас ввели в заблуждение, то знайте одно: Великого Кудесника Их Величество не травил!

– А у вас есть тому доказательства? – заинтересовалась Отрава.

Та посмотрела свысока – точь-в-точь учитель.

– Дитя мое, у меня есть только одно доказательство, зато исчерпывающее: у Их Величества кишка тонка для такого, хоть он Великого Кудесника и ненавидит отчаянно уже три жизни подряд. У него вообще для всего кишка тонка... Но это не повод для революции!

– Ваше Величество, у вас в роду кровопийц не было? – зачем-то спросил Кристофер.

– Пф! Какая вопиющая чушь! Разве такое возможно?

Нет, на кровопийцу она внешне не походила, да и была заметно эмоциональной, но что-то в ее логике заставило Криса такое предполагать, или он просто смеялся над ней. Отрава беспокоилась – болтают тут о бессмысленной ерунде, а в любой момент в спальню может явиться Их Величество. Да еще и со слугами. По плану было спрятаться, а к императору подобраться, когда уже и стража разойдется, и слуги спать улягутся. Припугнуть как следует и сбежать тем же путем. Но Кристоферу что-то от этой женщины понадобилось:

– Моя мать всю жизнь управляла огромным замком. Плодородные земли, сотня крестьян...

– Мать? – глаза императрицы стали совсем круглыми. – Замком?

– Ну да, я кровопийца. У нас такое не редкость.

– А-а, кровопийца... – та была скорее разочарована, чем удивлена. – У вас же все не как у людей.

– И правда, – легко согласился Кристофер. – Но поскольку по приказу Их Величества моей семьи уже нет, то все это огромное хозяйство осталось без присмотра. У вас двое сыновей, которые не наследуют престол, а как только император эту жизнь доживет, вас всех попросят освободить место для следующего императора и его семьи. Так?

– Так, – она подняла подбородок. – И ты мне предлагаешь альтернативу? Твоя земля в обмен на предательство мужа?

– Что-то мне подсказывает, что ваш муж в любом случае долго не протянет... – вмешалась Отрава, но оказалось, что напрасно.

Кристофер теньше уловил цели этой женщины:

– Вот только замка там теперь нет. Нужны огромные деньги... хотя деньги-то у вас наверняка водятся. Еще больше нужны колоссальные усилия, желание и умение управлять, разрешать споры, помогать крестьянам, всегда быть выше всех по справедливости и благородству... И чем больше преданности завоюете сегодня, тем большее богатство оставите в наследство своим детям. Это точно далеко не каждому по зубам.

Он попал в самую точку – императрица терзалась так явственно, что это со стороны было заметно. Она рассеянно переводила взгляд с Кристофера на Отраву, прижимала к груди нервно вздрагивающие руки, что-то бесшумно проговаривала. Но потом ответила только:

– Нет. Я не могу предать мужа и отца моих детей. Кроме того, это еще и государственная измена!

– Как скажете, – Крис принял ее решение сразу. – Тогда мы вас свяжем и спрячем в шкафу. Не хотелось бы убивать такую перспективную госпожу. А может, даже на трон усадим, а то наш ставленник так и норовит сбежать от этой должности, задрал хвост.

Императрица даже в шкаф умещалась с гордо поднятой головой. И до того, как ей воткнули в рот свернутую салфетку, напоследок добавила:

– Позвольте дать совет, революционно настроенная молодежь. Убийство Их Величества приведет к смуте, которая будет продолжаться до тех пор, пока не найдут его преемника. Если хотите добиться решения своего вопроса, то достаточно его припугнуть – соворите, что за вами идут армии. Это подействует, слово благородной Чаши из столичных! И да, не забудьте про налоги на Северной Территории, если вы сами по другому вопросу. Вам уже все равно, а крестьянам на севере может повезти.

Отрава закрыла дверцу и недоуменно развела руками. Но Кристофер свое мнение высказал уже после того, как они спрятались за тяжелыми занавесями:

– Потрясающая женщина. Если по мне не видно, то знай – я потрясен.

Отрава кивнула, но переспросила:

– Почему ты так доверяешь ей?

– Лю еще до отъезда советовал ее привлечь. Якобы женщина очень рассудительная и к мужу большой любви не питает. Что она императрицей-то быть не хотела, хоть из благородного рода, но на этом союзе настоял Великий Кудесник. Сначала ее долго уговаривал тем, что она так некоторые проблемы решать сможет, а потом императору заявил, что ни один другой

брак не одобрит. Она уже потом поняла, что ни к каким вопросам ее не допустят – у Великого Кудесника, как я понял, все стратегии на обманах строились. Или он просто сделал неверную ставку, желая пристроить к Их Величеству хоть одного разумного человека. Тогда я не подумал, что она может быть полезной, а вон как вышло – она прекрасна со своим менторским тоном и высокомерным обращением. Если б я тебя уже не любил, то совершенно точно пригляделся бы к ней.

– Она же старая! – возмутилась Отрава. Это было не очень справедливо. Императрице на вид было чуть больше пятидесяти, а это даже у возвращенцев не принято называть преклонным возрастом. – Да это просто смешно!

Кристофер подумал.

– Нет, все-таки мне не нравится твоя ревность. Все говорили, что это приятно, а тут наоборот выходит: будто ты во мне сомневаешься, раз так всерьез злишься.

Отрава заставила себя промолчать, хоть поначалу очень хотелось отвесить что-нибудь язвительное. Ведь он прав.

Через час, в точности по расписанию, составленному со слов всех планировщиков, дверь распахнулась и в королевскую опочивальню влилась целая толпа народа: Их Величество и множество слуг.

– Что ты делаешь? Не видишь, ты мне волос зацепил, идиот?! – верещал император, пока ему помогали раздеваться. – Как же меня раздражают эти приемы! С тех пор, как Великий Кудесник слег с болезнью, я вообще света белого не вижу. А теперь он еще и помереть вздумал, не мог еще пару десятков лет потерпеть! И где хряки носят Ее Величество?

Императрица сидела тихо, как и положено пленнице. Теперь Отрава уже не беспокоилась на ее счет: если бы та собиралась привлечь внимание, сделала бы это сразу, едва только вошли первые слуги.

После того как все стихло, они выждали еще немного времени, а потом вышли из укрытия. Их Величество уже посапывал, раскинув пухлые ручки и ножки подобно звезде. Отрава и Кристофер синхронно сели на кровать с двух сторон, и от этого император проснулся. Взвился на месте, подтягивая одеяло к подбородку, запричитал, а потом широко открыл рот и...

– Закричишь – и умрешь за мгновение, – остановил его Кристофер.

Тот затрясся всем телом и зажал рот рукой. Императрица была права – его не надо убивать, достаточно испугать. Серьезные дела так не решишь, но мелкие вопросы – вполне.

– Здрасьте, Ваше Величество, – сказала Отрава. – Я пришла во дворец,

как вы и просили. Вот только в приглашении сильно не понравилась мне формулировка «вырежем всю деревню». Как-то некрасиво это, не находите?

Теперь император побелел почище своих простыней:

– Смерть... смерть наша пришла... один из наших кудесников предсказал, что ты придешь... и вот ты...

– Меня Отравой зовут, пусть будет ласкова ночная звезда к вашим детям, – воспитание остается воспитанием, но тут вышло с ощутимым сарказмом. Отраве нравилось происходящее все больше и больше – настоящая власть над тем, кто мог одним словом уничтожить всех ее родных и старых друзей.

– Отравой зовут... а как же иначе...

Император обреченно упал назад на подушку. Видимо, этого было слишком много для его боязливой души. Он мог испугаться грабителей и убийц, но появление той, которую он уже год искал и называл «смертью», его прибило к подушке.

– Эй, сознание терять не смейте! – прикрикнула Отрава. – Я не собираюсь вас сегодня убивать!

Но император только смешно глаза закатывал.

– Я тут вот что подумала, – императрица вылезала из шкафа, уже успев каким-то образом избавиться от кляпа. – Трон мне и даром не нужен, все эти дворцовые интриги у меня уже поперек горла стоят. А вот если земля действительно плодородная... И что, крестьяне твою мать слушались?

– Слушались, – повернулся к ней Кристофер. – Отчего ж не слушаться, если госпожа справедлива?

– Я умею быть справедливой! – та строго посмотрела на него. – Но вот что делать с наследованием? У меня два сына, которых я тоже научила быть справедливыми!

– Так я дарственную напишу, – по всей видимости, Кристофер был тоже изумлен ее деловой хваткой.

– Тогда пройдем в кабинет, молодой человек. Сначала мой вопрос уладим, а потом уже переворот.

Когда она открывала дверцу в смежную комнату, то рассуждала вслух: «Нет, дом мне не нужен. Построю замок, как у кровопийц, чтобы на века...»

Кристофер встал, протянул Отраве нож и сказал:

– Просто присмотри за ним. Это займет пару минут.

Император вообще на происходящее не реагировал, только лежал с закрытыми глазами и повторял: «Смерть... смерть...». Отрава решила его

от этих переживаний не отвлекать, потерпит без дружеской поддержки, особенно после «вырежу всю деревню». Но вдруг он резко открыл глаза, кинулся вперед и вцепился руками в ее шею. Отрава от неожиданности выронила оружие. Вот так, даже самый запуганный зверек может стать опасным, если его загнать в угол. Смирившись с тем, что ничего страшнее он в жизни уже не переживет, император ощутил прилив сил. А в Отраве от этого внезапного движения что-то перемкнуло. «Вырежу всю деревню», «вырежу всю деревню», – звенело в голове. Она, вместо сопротивления, наоборот, ухватила его за затылок и рванула на себя, одновременно зажимая рот рукой. Несмотря на то, что клыков кровопийцы у нее не было, вгрызлась в потную шею, наслаждаясь его мучениями. И с каждым глотком бесконечное «вырежу всю деревню» звучало все тише и тише. Он уже и биться перестал, а она все пила. Только потом откинула тело и безглаголиво вытерла губы.

– Ого, – раздался из тумана голос Кристофера. – Напомни потом поговорить с тобой о самоконтроле.

Он повернулся к императрице, которая оцепенела от ужаса, но бумаги прижала к груди.

– А вам, наверное, пора с сыновьями в путь собираться? – подсказал ей Кристофер.

Ее Величество вмиг растеряла всю самоуверенность, но кивнула и пошаталась к дверям.

Отрава ничего перед собой не видела:

– Я... я не хотела его убивать...

– Хотела, – Кристофер подошел к ней и обнял. – И еще, мы немного недооценили, насколько точно ты стала кровопийцей. Что ж, с каждым может случиться. Или все-таки твоя роль в предсказании сразу была более конкретной.

– Я... я...

– Все, Отрава, перестань. Нам думать пора, что теперь с этим делать. Мы ведь не хотим, чтобы в измене обвинили кровопийц?

И сам же выстроил новый план. Тело вместе с окровавленными простынями из дворца унести и захоронить, а придворным оставить записку, мол, не могу больше дела государственные решать, надоело, найдите кого получше. Сбежавший император выглядит намного хуже в глазах преданных слуг, чем мертвый.

Весь остаток ночи у них ушел на то, чтобы тем же путем из дворца исчезнуть. Кудесники, которые все это время караулили вокруг, помогли, снова прикрыв магией. Но когда поняли, что произошло, сразу запричитали

с осуждением. Но эти перипетии закончились мгновенно после сухого вопроса:

– Не напомним, кто из вас участвовал в походе на замок Кирами?

Ни ответов, ни осуждений. Только покорное повиновение.

К моменту прихода армии к Столице там уже нечего было отвоевывать. Но смута все же началась. Кудесники, искавшие следующего престолонаследника, в один голос утверждали, что тот еще не родился или уже умер. Вся императорская стража останавливала беспорядки, которые разгорались в Столице, временно оставленной сразу без двух главных лиц. А уж когда к стенам подошли кровопийцы и потребовали голову императора, а иначе они устроят тотальное кровопролитие, то стража даже с облегчением сообщила, что император отсутствует вместе с головой.

Лю собрал представителей всех больших городов и кровопийц во дворце Великого Кудесника. И после многодневных скандалов и криков были приняты решения: кровопийцам утешиться тем, что их обидчик уже ни в этой, ни в следующей жизни на престол не вернется, а правоморцам помочь раз и навсегда решить проблему с врагом. Левоморью это выгоднее, чем потом свои крепости по побережью отстраивать. На трон посадить бывшего стража первого ранга Лю – в нынешних условиях он выглядел единственным, кто старался учесть интересы всех сторон. А поскольку к власти не рвется, то вряд ли эту власть станет использовать в собственных интересах. Вопрос о престолонаследии отложили на ту пору, когда станут видны последствия сегодняшних решений.

Отрава и Кристофер покидали Столицу вместе с теми, кто позже собирался отправиться в Правоморье. К их удивлению, многие молодые кровопийцы захотели присоединиться: военное мероприятие, да еще и в незнакомой стране, неплохой способ развеять тысячелетнюю тоску.

Но до путешествия им предстояло совершить еще один подвиг – похлеще, чем государственный переворот. Лю, присутствие которого могло бы сгладить напряжение, составить компанию не мог. Сначала отправили почтовика, чтобы почву немного подготовить и самое главное письменно изложить, а не при личной встрече, чреватой побоями.

– Мама, мама! А вот и наша Отрава!

Первой отряд из шести конников разглядела глазастая Трава, и после ее крика вся семья выбежала на дорогу, а за ними и соседи.

– Дочка, дочка в гости пожаловала! – радостно голосила мать. – Да с мужем...

И осеклась, когда Крис скинул капюшон. Он очень долго репетировал перед зеркалом доброжелательную улыбку, но никто результатов его

усилий не оценил.

– Чего уставились? – прикрикнула мать на перешептывающихся соседей. – Сердцу не прикажешь! У многих ли ваших детей на свадьбе сам Их Величество на почетном месте сидел под руку с Великой Кудесницей?! Расходитесь, расходитесь и локти от зависти грызите!

На это и соседям возразить было нечего. А может, не хотели связываться с языкастой Забавой. Мать же поспешила всех гостей в дом побыстрее затолкать. Перевертыши из охраны переглядывались и улыбались от каждой фразы.

– Ну-к, Христофор, поди сюда, разгляжу получше. Да-а, скажу я вам, сердцу точно не прикажешь... Да чего уж там, лишь бы Отраве нравился, – сокрушалась мать.

Зато сестры уже на второй день с необычным зятем смирились и даже отца на свою сторону переманили. На пятый день сдалась и мама, и уже рьяно отстаивала перед деревенскими сплетницами мнение, как Отравушке с выбором повезло – где еще такого сдержанного и благородного муженька сыщешь? Так и говорила: «Вы за своими теперь приглядывайте, а то рванут, как одна, по замкам, чтоб в женихи себе такого же блондинчика заполучить!».

В этот раз Отрава оставляла родную деревню с легким сердцем. Родители даже предстоящее путешествие в Правоморье приняли – видимо, на фоне остальных новостей это уже не показалось чем-то вопиющим. Да ведь и нынешний император обещал, что отношения с соседним государством только окрепнут, а это значит, что скоро и почтовое сообщение наладится.

Отрава всматривалась в бесконечные волны вокруг – они всегда ее успокаивали, хотя сами при этом выглядели тревожными. Поразительный эффект. Крис, обняв ее сзади, тоже молчал – его успокаивало только присутствие рядом Отравы, а антураж при этом значения не имел.

– Я всегда подозревала, что ты учудишь что-нибудь эдакое, Кристофер Кирами, – раздался безэмоциональный голос позади. – Но такого я даже в страшных кошмарах предположить не могла.

Отрава усмехнулась, а Крис ответил, не оборачиваясь:

– И ты привыкнешь, Лионесса. Даже тебе это под силу.

– А кто у вас родится – возвращенец или кровопийца? Может, звероящер какой?

Отрава прижала руку к животу и ответила сама:

– Может, и звероящер! Но это будет самый симпатичный звероящер из

всех, что видел свет.

Лионесса исчезла из-за спины так же тихо, как и появилась – Отрава теперь это четко ощущала. Кристофер уперся подбородком ей в плечо:

– Не хотелось бы тебя разочаровывать, но это не звероящер. Я уже две недели как по запаху понял расу.

Отрава подпрыгнула на месте, попыталась развернуться, но Кристофер ей этого не позволил. Отрава насупилась и снова уставилась в море. Ну и ладно! Пусть не говорит! Да и какая ей разница – возвращенец или кровопийца, лишь бы не в папочку с его отвратительным характером.

Конец